

The International Expert Council of Cooperation in the Arctic

ARCTIC REVIEW

Международный экспертный совет по сотрудничеству в Арктике

w w w . i e c c a . r u

The new geopolitics of the Arctic

Новая геополитика Арктики

тема
номера

ПАМЯТНЫЙ МЕМОРИАЛ ПОДВИГУ БОЙЦОВ ОЛЕНЕТРАНСПОРТНЫХ БАТАЛЬОНОВ — ЗАЩИТНИКОВ СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

Оленетранспортные батальоны
были сформированы в ноябре 1941 года.
Защищали северные рубежи оленеводы из Мурманской и Архангельской областей,
Республики Коми, Ненецкого автономного округа. Всего с помощью оленей
с линии фронта эвакуировали более 10 тысяч человек и 160 самолетов,
доставлено по бездорожью 17 тысяч тонн боеприпасов, около 8 тысяч
военнослужащих и партизан переправлено для выполнения боевых заданий.

от редактора / From the editor

Арктическое обозрение

Официальное издание
Международного экспертного совета
по сотрудничеству в Арктике

ГРИНЯЕВ С.Н.,
главный редактор, Россия,

КОРНЕЕВА М.А.,
заместитель главного редактора,
Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЖУРАВЕЛЬ В.П., Россия,
ЗАФАР Д., Индия,
КЕРИМОВ М., Турция,
МУХИН А.А., Россия,
ФРАГА ЛУИС, Испания

Перевод:

ГРИНЯЕВ Н.С.

Дизайн и верстка:

ЧЕРНИКОВ В.А.

Издательство:

АНО «Центр стратегических оценок
и прогнозов»

29515, г. Москва, ул. Академика
Королева, д. 13, стр. 1,
<http://csef.ru>

Отпечатано в типографии
ООО «Белый Ветер».

115093, Москва, ул. Шипок, д. 28,
тел. (495) 651-84-56.
Тираж 150 экз.

Arctic review

Official publication of the International
Expert Council on Cooperation
in the Arctic (IECCA)

GRINYAEV S.N.,
editor-in-chief

KORNEEVA M.A.,
deputy editor-in-chief

EDITORIAL BOARD:

FRAGA L., Spain
KERIMOV M., Turkey
MUKHIN A.A., Russia
ZHURAVEL V.P., Russia
ZAFAR J., India

Translation:

GRINYAEV N.S.

Design and page makeup:

CHERNIKOV V.A.

Publisher:

Autonomous Non-profit Organization
«The Centre of Strategic Estimations and
Forecasts»

129515, Moscow, Akademika Koroleva st.,
13 building 1
<http://csef.ru>

Printed in printing office «Beliy veter»

115093, Moscow, Shipok st, 28

Teleph. (495) 651-84-56

Print run of the 150 copies

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Современная геополитическая ситуация в Арктике переживает значительные трансформации. Новая геополитика региона формируется на фоне изменяющихся стратегических интересов государств, усиления конкуренции за ресурсы и транспортные маршруты, а также актуализации вопросов безопасности и устойчивого развития. Эти вызовы требуют от международного сообщества поиска новых форматов сотрудничества и диалога.

Вы держите в руках новый, уже одиннадцатый номер журнала «Арктическое обозрение» – официального издания Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике. Темой этого выпуска стала «Новая геополитика Арктики». Наш журнал продолжает служить площадкой для обмена мнениями и экспертными оценками, способствуя глубокому пониманию сложных процессов, происходящих в регионе.

Мы убеждены, что даже в условиях геополитической напряженности научная дипломатия и совместные исследования остаются важнейшими инструментами для поддержания диалога и выработки взвешенных решений. Вопросы экологии, изменения климата и устойчивого развития Арктики продолжают объединять страны и экспертов, открывая перспективы для взаимовыгодного сотрудничества.

Желаем вам интересного и полезного чтения! Пусть наши совместные усилия способствуют укреплению мира и стабильности в Арктическом регионе.

С уважением,

Редакция «Арктического обозрения»

DEAR READERS!

The current geopolitical situation in the Arctic is undergoing significant transformations. The new geopolitics of the region is being formed against the background of changing strategic interests of states, increased competition for resources and transport routes, as well as the actualization of security and sustainable development issues. These challenges require the international community to search for new formats of cooperation and dialogue.

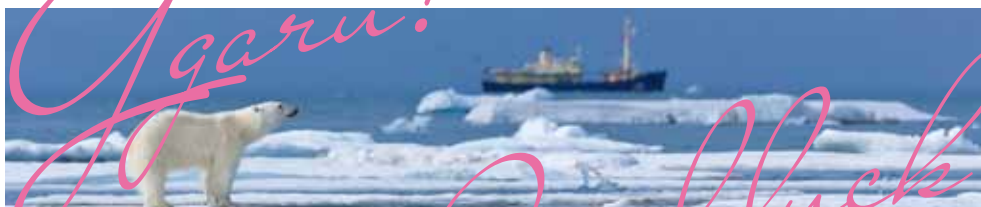
You are holding in your hands the new, already eleventh issue of the Arctic Review magazine, the official publication of the International Expert Council for Cooperation in the Arctic. The topic of this issue was "The New geopolitics of the Arctic." Our magazine continues to serve as a platform for the exchange of opinions and expert assessments, contributing to a deep understanding of the complex processes taking place in the region.

We are convinced that even in conditions of geopolitical tension, scientific diplomacy and joint research remain the most important tools for maintaining dialogue and making informed decisions. The issues of ecology, climate change and sustainable development of the Arctic continue to unite countries and experts, opening up prospects for mutually beneficial cooperation.

We wish you an interesting and useful reading! May our joint efforts contribute to strengthening peace and stability in the Arctic region.

Sincerely,

the Editors of the Arctic Review

**Тема
номера**

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА АРКТИКИ

The new geopolitics of the Arctic

От редактора	1
From the editor	1

*В стремлении к миру
Pursuing peace*

ИСТОРИЧЕСКИЙ САММИТ НА АЛЯСКЕ: В. ПУТИН И Д. ТРАМП	4
HISTORIC SUMMIT IN ALASKA: V. PUTIN AND D. TRUMP	4

*Новая геополитика Арктики
The new geopolitics of the Arctic*

Пушкарев В.А. НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА АРКТИКИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА	6
Pushkarev V.A. THE NEW GEOPOLITICS OF THE ARCTIC: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG	7
Масленников В.В. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СЕВЕРЕ	14
Maslennikov V.V. PROSPECTS FOR INTERNATIONAL COOPERATION IN THE NORTH	15
Черняев М.В. НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА АРКТИКИ, ВО БЛАГО МИРА?	18
Chernyaev M.V. NEW GEOPOLITICS OF THE ARCTIC FOR THE BENEFIT OF PEACE, IS IT?	19
Калфаоглу Р. РОЛЬ КИТАЯ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ АРКТИКИ	24
Rabia Kalfaoğlu CHINA'S ROLE IN THE NEW GEOPOLITICS OF THE ARCTIC	25
Джавед З. НОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА И АРКТИКА	32
Javed Z. THE NEW GEOPOLITICS AND ARCTIC	33

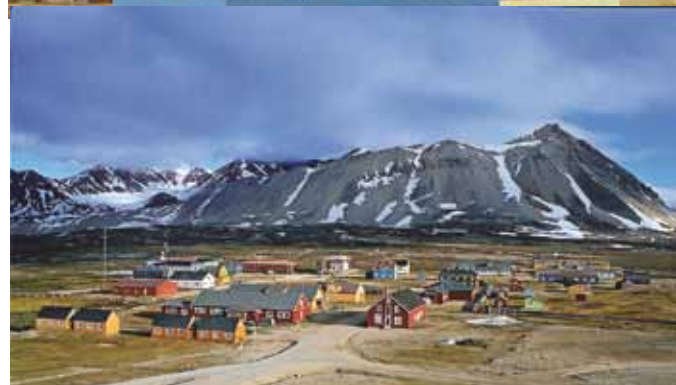
Новая геополитика Арктики: акценты *The new geopolitics of the Arctic: accents*

Бьорн Н. КАК НОРВЕЖСКИЕ СМИ ОСВЕЩАЮТ БОРЬБУ ЗА КОНТРОЛЬ НАД АРКТИКОЙ И КРАЙНИМ СЕВЕРОМ	38
Bjorn N. HOW THE STRUGGLE TO CONTROL THE ARCTIC AND THE HIGH NORTH IS PORTRAYED IN NORWEGIAN MASS MEDIA	39
Керимов М. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ ТУРЦИИ В АРКТИКЕ: ПЕРЕХОД К НОВОМУ ПОЛЯРНОМУ ПОРЯДКУ	42
Kerimov M. TURKEY'S GEOPOLITICAL ASPIRATIONS IN THE ARCTIC: NAVIGATING THE NEW POLAR ORDER	43
Сингх М.К. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ ИНДИИ И РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ	46
Singh M.K. INDIA AND RUSSIA STRATEGIC CONVERGENCE IN GLOBAL ORDER	47
Мухин А.А. АРКТИКА: ОТ ГЕОПОЛИТИКИ К ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ И К ВОЕННОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ	52
Muhin A.A. THE RUSSIAN ARCTIC: FROM GEOPOLITICS TO ORDINARY LIFE IN THE REGION AND TO MILITARY CONFRONTATION WITH OTHER COUNTRIES	53
Нильсен Й.Й. ГРЕНЛАНДИЯ В НОВОЙ ДИНАМИЧНОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЕ	56
Нильсен Й.Й. GREENLAND IN A NEW DYNAMIC WORLD SYSTEM	57
Яйчи Д. АРКТИЧЕСКИЙ ВОПРОС И ТУРЦИЯ: НОВЫЕ РУБЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ «ГОЛУБОЙ РОДИНЫ»	68
Yauci C. THE ARCTIC QUESTION AND TÜRKİYE: A NEW FRONTIER IN THE CONTEXT OF THE BLUE HOMELAND DOCTRINE	69

Международное сотрудничество в эпоху новой геополитики в Арктике *International Cooperation in the Era of New Geopolitics in the Arctic*

Хантер Т.С. БУДУЩЕЕ ГЕОПОЛИТИКИ В АРКТИКЕ: ВКЛАД ПРЕДЛАГАЕМОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТАНЦИИ «ПИРАМИДЕН» В СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРАГМАТИЗМ	78
Hunter T.S. THE FUTURE OF GEOPOLITICS IN THE ARCTIC: THE CONTRIBUTION OF THE PROPOSED PYRAMIDEN RESEARCH STATION TO COOPERATION AND PRAGMATISM	79
Ван Хайвэнь ТОРГОВЛЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ УСЛУГАМИ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	84
Wang Haiwen ENVIRONMENTAL SERVICE TRADE AND THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE ARCTIC REGION	85
Давыдов М.В. РОССИЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ	98
Davydov M.V. RUSSIAN ARCTIC SCIENTIFIC DIPLOMACY IN A CHANGING WORLD	99

Исторический саммит на Аляске:

Переговоры лидеров России и США 15 августа 2025 года в Анкоридже

ХРОНИКА И АКЦЕНТЫ

- Д. Трамп прибыл на 20 минут раньше В. Путина. Лидеры одновременно прошли по красной дорожке навстречу друг другу.
- Д. Трамп встретил В. Путина аплодисментами, продолжительным рукопожатием и похлопыванием по плечу.

ПЕРЕГОВОРЫ:

- Формат: 3 x 3
(В. Путин, С. Лавров, Ю. Ушаков / Д. Трамп, М. Рубио, С. Уиткофф).
- Длительность: 2 часа 45 минут.
- Место: Военная база Эльмендорф-Ричардсон.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ:

- В. Путин возложил цветы к могилам советских летчиков на мемориальном кладбище «Форт Ричардсон».
- В. Путин подарил архиепископу Ситкинскому и Аляскинскому Алексию икону преподобного Германа Аляскинского – православного покровителя Америки и икону Успения Пресвятой Богородицы.
- В. Путин пригласил Д. Трампа в Москву.
- Авиашоу: пролет в небе над Анкориджем бомбардировщика В-2 и истребителей F-22/F-35.
- Американские истребители сопровождали борт Президента России по пути с Аляски в Россию.

ФАКТ:

- Товарооборот Россия-США с приходом Д. Трампа вырос на 20%.

ИТОГ:

- Встреча не привела к конкретной сделке, но заложила основу для дальнейшего диалога по Украине и двусторонним отношениям.

В. ПУТИН:
«Надеемся,
что понимание
откроет дорогу
к миру
на Украине».

Vladimir Putin:
«We hope that understanding
will pave the way for peace in
Ukraine»

В. Путин и Д. Трамп

Historic summit in Alaska: V. Putin and D. Trump

Talks between the leaders of Russia and the United States on August 15, 2025 in Anchorage

CHRONICLE AND ACCENTS

- D. Trump arrived 20 minutes before Vladimir Putin. The leaders simultaneously walked down the red carpet towards each other.
- D. Trump greeted Vladimir Putin with prolonged applause, a handshake and a pat on the shoulder.

CONVERSATION:

- Format: 3 x 3 (V. Putin, S. Lavrov, Y. Ushakov / D. Trump, M. Rubio, S. Witkoff).
- Duration: 2 hours and 45 minutes.
- Location: Elmendorf-Richardson Military Base.

SYMBOLIC GESTURES:

- Vladimir Putin laid flowers at the graves of Soviet pilots at the Fort Richardson Memorial Cemetery.
- Vladimir Putin presented the Archbishop of Sitkinsky and the Alaskan Alexy icon of St. Herman of Alaska, the Orthodox patron Saint America and the icon of the Assumption of the Blessed Virgin Mary.
- Vladimir Putin invited Donald Trump to Moscow.
- Airshow: flying in the sky over Anchorage B-2 bomber and F-22/F-35 fighter jets.
- American fighter jets escorted the flight The President of Russia on his way from Alaska to Russia.

FACT:

- Trade between Russia and the United States has grown by 20% since the arrival of Donald Trump.

RESULT:

- The meeting did not lead to a specific deal, but it laid the foundation for further dialogue on Ukraine and bilateral relations.

Анкоридж

Д. ТРАМП:
«Сделки пока нет, но достигнут существенный прогресс»

D. Trump:
«There is no deal yet, but significant progress has been made»

Новая
геополитика
Арктики

The new geopolitics
of the Arctic

Новая геополитика Арктики: ВЫЗОВЫ и перспективы развития Ямало-Ненецкого автономного округа

Пушкарев Владимир Александрович, сенатор Российской Федерации от исполнительного органа власти Ямало-Ненецкого автономного округа, член Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию

Арктика – это не просто крайний север с суровым климатом и бескрайними просторами льда и снега. Сегодня этот регион стал ареной масштабных экономических, экологических и политических процессов, которые определяют будущее не только России, но и всего мира. Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), расположенный в самом сердце российской Арктики, играет ключевую роль в этих трансформациях. Наш регион обладает огромным потенциалом, который мы активно реализуем, несмотря на сложные международные вызовы и геополитическую напряжённость.

The New Geopolitics of the Arctic: challenges and prospects for the development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug

Pushkarev Vladimir Aleksandrovich,

Senator of the Russian Federation from the executive authority of the Yamalo-Nenets Autonomous District, member of the Federation Council Committee on Agrarian and Food Policy and Environmental Management

The Arctic is not just the far north with a harsh climate and vast expanses of ice and snow. Today, this region has become the scene of large-scale economic, environmental, and political processes that determine the future of not only Russia, but the entire world. The Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Yamalo-Nenets Autonomous District), located in the heart of the Russian Arctic, plays a key role in these transformations. Our region has enormous potential, which we are actively implementing, despite complex international challenges and geopolitical tensions.

YAMAL: DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF CHANGE

In recent years, the Yamalo-Nenets Autonomous Area has shown impressive progress. Digital technologies are penetrating into all spheres of life – from economics and industry to the social sphere and health-care. In 2025, we are continuing a large-scale digital transformation program that aims to make most social services available online. This will allow the residents of the district to receive high-quality care and support without leaving their homes. By 2030, it is planned that 95% of such services will be provided electronically. This approach not only increases the comfort of life, but also reduces bureaucratic barriers, speeds up processes and makes management more transparent.

ЯМАЛ: РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН

В последние годы Ямало-Ненецкий автономный округ демонстрирует впечатляющий прогресс. Цифровые технологии проникают во все сферы жизни – от экономики и промышленности до социальной сферы и здравоохранения. В 2025 году мы продолжаем масштабную программу цифровой трансформации, которая ставит перед собой цель сделать большинство социальных услуг доступными онлайн. Это позволит жителям округа получать качественную помощь и поддержку, не выходя из дома. К 2030 году планируется, что 95% таких услуг будут предоставляться в электронном виде.

Providing broadband Internet access remains an equally important task. Today, 97% of Yamal households already have the opportunity to connect to the network, and we strive to bring this figure to 100%. This is especially true for remote villages and small-numbered peoples of the North, for whom digital communication is a window into the world, an opportunity to preserve their traditions and at the same time participate in modern economic and cultural exchange.

The region's economy continues to develop, relying on traditional industries such as oil and gas production, fishing, and transportation. Today, these areas are actively implementing the latest technologies, which not only increases production efficiency, but also helps to minimize the impact on the fragile Arctic environment. We realize that sustainable development is not just a buzzword, but a vital necessity, without which it is impossible to preserve the unique ecosystem of the region.

The social sphere is an important element of the integrated development of Yamal. In 2025, within the framework of the national Youth and Children project, large-scale initiatives were launched aimed at overhauling and equipping more than 8,000 schools throughout Russia, including our district. The creation of 50 advanced engineering schools will not only improve the quality of education, but also prepare a new generation of specialists capable of working effectively in the Arctic. In addition, the grant competition of the Governor of the Yamalo-Nenets Autonomous District supports social initiatives, patriotic education and the preservation of historical memory, which contributes to the strengthening of public relations and the development of civil society.

Такой подход не только повышает комфорт жизни, но и сокращает бюрократические барьеры, ускоряет процессы и делает управление более прозрачным.

Не менее важной задачей остаётся обеспечение широкополосного доступа в интернет. Сегодня 97% домохозяйств Ямала уже имеют возможность подключиться к сети, и мы стремимся довести этот показатель до 100%. Это особенно актуально для отдалённых поселков и малочисленных народов Севера, для которых цифровая связь – это окно в мир, возможность сохранить свои традиции и одновременно участвовать в современном экономическом и культурном обмене.

Экономика региона продолжает развиваться, опираясь на традиционные отрасли – добычу нефти и газа, рыбную промышленность, транспорт. Сегодня эти сферы активно внедряют новейшие технологии, что не только повышает эффективность производства, но и помогает минимизировать воздействие на хрупкую арктическую природу. Мы осознаём, что устойчивое развитие – это не просто модное слово, а жизненная необходимость, без которой невозможно сохранить уникальную экосистему региона.

Важным элементом комплексного развития Ямала является социальная сфера. В 2025 году в рамках национального проекта «Молодёжь и дети» стартовали масштабные инициативы, направленные на капитальный ремонт и оснащение более 8 тысяч школ по всей России, включая наш округ. Создание 50 передовых инженерных школ позволит не только повысить качество образования, но и подготовить новое поколение специалистов, способных эффективно работать в условиях Арктики. Кроме того, конкурс грантов губернатора ЯНАО поддерживает социальные инициативы, патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти, что способствует укреплению общественных связей и развитию гражданского общества.

Особое внимание уделяется подготовке кадров для арктических отраслей. В ЯНАО реализуются программы профессионального обучения и повышения квалификации, направленные на развитие компетенций в нефтегазовой сфере, экологии, цифровых технологиях и социальной работе. Совместно с вузами и предприятиями создаются условия для стажировок и практик, что помогает молодым специалистам быстрее адаптироваться к суровым условиям и требованиям региона.

Не менее значимы и экологические инициативы. Мы реализуем проекты по сохранению природы и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Особое внимание уделяется поддержке традиционной хозяйственной деятельности, адаптированной к современным экономическим условиям, а также охране уникальной арктической экосистемы. В рамках государственных программ проводятся экологические акции, внедряются технологии снижения выбросов и рационального использования природных ресурсов. Такое комплексное внимание к экологии помогает сохранять биоразнообразие и поддерживать баланс между развитием и природоохранной деятельностью.

ГЕОПОЛИТИКА АРКТИКИ: НОВЫЕ РЕАЛИИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Арктика в последние годы превратилась в одну из ключевых геополитических арен XXI века, где пересекаются стратегические интересы России, США, Китая и ряда европейских стран. Для России этот регион имеет исключительное значение как источник критически важных природных ресурсов, транспортный коридор и зона национальной без-

Special attention is paid to personnel training for Arctic industries. The Yamalo-Nenets Autonomous District implements professional training and advanced training programs aimed at developing competencies in the oil and gas sector, ecology, digital technologies and social work. Together with universities and enterprises, conditions are being created for internships and internships, which helps young professionals adapt faster to the harsh conditions and requirements of the region.

Environmental initiatives are no less significant. We are implementing projects to preserve nature and the traditional way of life of the indigenous peoples of the North. Special attention is paid to supporting traditional economic activities adapted to modern economic conditions, as well as protecting the unique Arctic ecosystem. Environmental actions are carried out within the framework of government programs, technologies for reducing emissions and rational use of natural resources are being introduced. This integrated attention to ecology helps to preserve biodiversity and maintain a balance between development and environmental protection.

ARCTIC GEOPOLITICS: NEW REALITIES AND CHALLENGES FOR RUSSIAN INTERESTS

In recent years, the Arctic has become one of the key geopolitical arenas of the 21st century, where the strategic interests of Russia, the United States, China and a number of European countries intersect. For Russia, this region is of exceptional importance as a source of critically important natural resources, a transport corridor and a national security zone. However, the current situation in the Arctic is characterized by increased competition and more complex international cooperation, which requires Russia to develop a clear and consistent strategy to protect its interests.

From Russia's point of view, the Arctic is primarily a resource base that provides solutions to the country's economic and social challenges for many decades to come. The Northern Sea Route (NSR), which runs through the Russian Arctic zone, is becoming a global logistics project capable of radically changing global transport routes and economic ties. Russia is actively investing in the development of port infrastructure, the construction of an icebreaking fleet and the creation of a Transarctic transport corridor from St. Petersburg to Vladivostok. These measures are aimed at strengthening control over the NSR and ensuring its effective functioning in a changing climate and growing international interest.

However, the key challenge remains the attempt by a number of Western countries to give the Northern Sea Route the status of an international waterway, which threatens Russian sovereignty and control over Arctic maritime communications. In this context, protecting Russia's right to regulate navigation in its Arctic waters is becoming a cornerstone of national policy in the region. The Russian side has tightened the requirements for vessels passing through the NSR, including mandatory prior notification of the route and purpose of the voyage, and reserves the right to refuse entry. This position is reflected in the updated state strategy for the development of the Arctic until 2035, where ensuring sovereignty and security is central.

The difficulties in international relations are compounded by the freezing of the work of the Arctic Council, a key forum for dialogue and cooperation between the Arctic states. The imposition of sanctions and political tensions related to the events of recent years, as well as the accession of Finland and Sweden to NATO, have led to a significant decrease in the effectiveness of this institution. The consensus-based decision-making model underlying the council's work is now effectively blocked, making it difficult to jointly address the environmental, economic and social problems of the region.

опасности. Однако нынешняя ситуация в Арктике характеризуется обострением конкуренции и усложнением международного сотрудничества, что требует от России выработки чёткой и последовательной стратегии защиты своих интересов.

С точки зрения России, Арктика — это прежде всего ресурсная база, обеспечивающая решение экономических и социальных задач страны на долгие десятилетия. Северный морской путь (СМП), проходящий по российской арктической зоне, становится глобальным логистическим проектом, способным кардинально изменить мировые транспортные маршруты и экономические связи. Россия активно инвестирует в развитие портовой инфраструктуры, строительство ледокольного флота и создание трансарктического транспортного коридора от Санкт-Петербурга до Владивостока. Эти меры направлены на укрепление контроля над СМП и обеспечение его эффективного функционирования в условиях меняющегося климата и растущего международного интереса.

Однако ключевым вызовом остаётся попытка ряда западных стран придать Северному морскому пути статус международного водного пути, что ставит под угрозу российский суверенитет и контроль над арктическими морскими коммуникациями. В этом контексте защита права России на регулирование судоходства в своих арктических водах становится краеугольным камнем национальной политики в регионе. Российская сторона ужесточила требования к судам, проходящим через СМП, включая обязательное предварительное уведомление о маршруте и цели рейса, а также оставляет за собой право отказать во входе. Такая позиция отражена в обновлённой государственной стратегии развития Арктики до 2035 года, где обеспечение суверенитета и безопасности занимает центральное место.

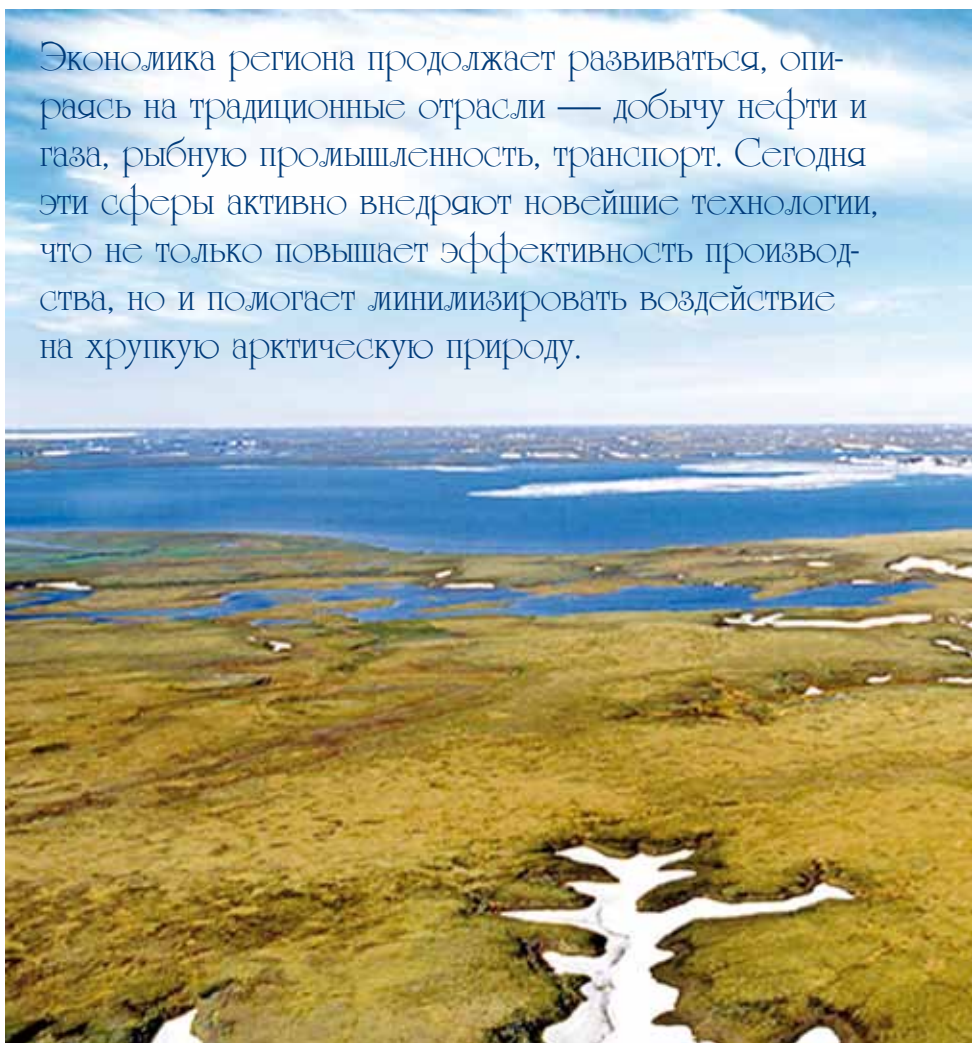
Сложности в международных отношениях усугубляются заморозкой работы Арктического совета — ключевого форума для диалога и сотрудничества арктических государств. Введение санкций и политическая напряжённость, связанные с событиями последних лет, а также вступление Финляндии и Швеции в НАТО, привели к значительному снижению эффективности этого института. Модель принятия решений на основе единогласия, лежащая в основе работы совета, сегодня фактически блокируется, что затрудняет совместное решение экологических, экономических и социальных проблем региона.

At the same time, Russia is actively developing a strategic partnership with China, which is becoming an important player in the Arctic. Russian-Chinese naval cooperation and joint research projects are creating a new strategic balance that serves as a counterweight to the increasing activity of NATO and Western countries. The joint statements by Moscow and Beijing on the need to preserve peace and stability in the Arctic underscore the desire to prevent military escalation and maintain a balance of power.

The transfer of the chairmanship of the Arctic Council from Norway to Denmark in May 2025 opens a new page in regional policy. For Copenhagen, this is due to the need to resolve complex issues, including the status and sovereignty of Greenland, a strategically important autonomous region with rich natural resources. Denmark must build a policy that will preserve stability and ensure the development of the region in the face of increasing competition, which indirectly affects Russian interests in the Arctic.

Thus, Russian policy in the Arctic today is a balance between the active development of the region's economic potential, strengthening sovereignty and national security, as well as the need to maintain international cooperation in the face of growing geopolitical tensions. Russia demonstrates its willingness to engage in dialogue, but at the same time firmly defends its rights and interests, which is reflected in a comprehensive state strategy and practical measures to ensure control over Arctic territories and communications.

Экономика региона продолжает развиваться, опираясь на традиционные отрасли — добычу нефти и газа, рыбную промышленность, транспорт. Сегодня эти сферы активно внедряют новейшие технологии, что не только повышает эффективность производства, но и помогает минимизировать воздействие на хрупкую арктическую природу.

MEMORY AND UNITY: THE IMPORTANCE OF HISTORICAL MEMORY

It is impossible not to emphasize the importance of historical memory in the formation of social unity. This year we are celebrating another anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, an event that has forever remained in the hearts of millions of Russians. The memory of the heroism and dedication of our ancestors unites us and serves as a powerful source of strength and inspiration. Especially in the context of modern challenges, when the international situation is becoming increasingly tense, it is important to remember that only through unity and mutual support can any difficulties be overcome.

The Yamalo-Nenets Autonomous District traditionally pays great attention to the patriotic education of young people. Regional interactive games and events are regularly held, aimed at forming a tolerant attitude towards the cultures of the peoples living in the region. The projects "Russia is our common home!" contribute to the strengthening of interethnic harmony and the development of civic identity. In addition, grant programs support initiatives to preserve historical memory and promote patriotic education.

Victory Day celebrations are accompanied by mass sports and recreation events, cultural festivals and exhibitions, which not only remind of the feat of our ancestors, but also contribute to strengthening health and social cohesion. An important part of these initiatives are projects aimed at preserving the cultural heritage of the indigenous peoples of the North, holding folklore festivals and traditional holidays.

The region's economy continues to develop, relying on traditional industries such as oil and gas production, fishing, and transportation. Today, these areas are actively implementing the latest technologies, which not only increases production efficiency, but also helps to minimize the impact on the fragile Arctic environment.

В то же время Россия активно развивает стратегическое партнёрство с Китаем, который становится важным игроком в Арктике. Российско-китайское военно-морское сотрудничество и совместные научно-исследовательские проекты создают новый стратегический баланс, который служит противовесом усиливающейся активности НАТО и западных стран. Совместные заявления Москвы и Пекина о необходимости сохранения мира и стабильности в Арктике подчёркивают стремление к предотвращению военной эскалации и поддержанию баланса сил.

Передача председательства в Арктическом совете от Норвегии к Дании в мае 2025 года открывает новую страницу в региональной политике. Для Копенгагена это связано с необходимостью решать сложные вопросы, включая статус и суверенитет Гренландии — стратегически важного автономного региона с богатыми природными ресурсами. Дания должна выстраивать политику, которая позволит сохранить стабильность и обеспечить развитие региона в условиях усиливающейся конкуренции, что косвенно влияет и на российские интересы в Арктике.

Таким образом, российская политика в Арктике сегодня — это баланс между активным развитием экономического потенциала региона, укреплением суверенитета и национальной безопасности, а также необходимостью поддержания международного сотрудничества в условиях растущей геополитической напряжённости. Россия демонстрирует готовность к диалогу, но при этом твёрдо отстаивает свои права и интересы, что отражается в комплексной государственной стратегии и практических мерах по обеспечению контроля над арктическими территориями и коммуникациями.

ПАМЯТЬ И ЕДИНСТВО: ВАЖНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Нельзя не подчеркнуть и важность исторической памяти в формировании общественного единства. В этом году мы отмечаем очередную годовщину Победы в Великой Отечественной войне — события, которое навсегда осталось в сердцах миллионов россиян. Память о героизме и самоотверженности наших предков объединяет нас и служит мощным источником силы и вдохновения. Особенно в условиях современных вызовов, когда международная обстановка становится всё более напряжённой, важно помнить, что только через единство и взаимную поддержку можно преодолеть любые трудности.

LOOKING TO THE FUTURE: A STRATEGY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

If we talk about the prospects, the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug stands on the threshold of new opportunities. We possess not only natural resources, but also human capital, which is capable of providing a qualitative breakthrough in socio-economic development. Digital transformation, infrastructure development, support for traditional industries and innovations – all these areas form the basis of our future.

In 2025, Yamal entrepreneurs plan to implement 28 new investment projects that will create more than 300 new jobs. Among them are the development of tourist infrastructure, the construction of roadside services, the opening of new restaurants and cultural complexes. For example, a tourist complex with glamping, an ethnopark and festival venues will appear in Novy Urengoy, which will not only create new jobs, but also draw attention to the cultural and natural wealth of the region.

Support for small and medium-sized businesses, as well as social entrepreneurship, is becoming one of the priorities. The Yamalo-Nenets Autonomous District has a set of measures in place to support projects, provide grants and tax benefits, create coworking spaces and provide consulting support. This allows entrepreneurs to adapt to the Arctic conditions faster and develop competitive areas.

Special attention is paid to ecology and sustainable development. Programs are being implemented in the region to preserve the ancestral habitat of indigenous peoples, support traditional lifestyles, and develop ethnocultural initiatives. Exhibitions, competitions and festivals aimed at popularizing the culture and art of the peoples of the North are held. Environmental projects include measures to reduce anthropogenic impact, rational use of resources and the development of green energy.

Education and training are key success factors. As part of the national Youth and Children project, schools in the district are being actively modernized, engineering classes and new educational programs are being created. Young people get the opportunity to participate in cultural and educational tourist routes that help preserve traditions and broaden their horizons.

CONCLUSION

The Arctic is the territory of the future, and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug is at the very center of this process. We continue to develop, innovate, and strengthen Russia's position in the international Arctic community. Despite the external challenges and the difficult geopolitical situation, we are confident in our abilities and ready for new achievements.

Our task is not only to preserve the unique nature of the Arctic, but also to ensure a decent standard of living for the inhabitants of the region, to create conditions for sustainable development and security. In this context, Yamal is becoming an example of how traditions and innovations, national interests and international cooperation can be combined.

We look to the future with optimism and firm confidence that the new geopolitics of the Arctic will open up new horizons and opportunities for us, and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug will play a leading role in this process. ■

В Ямало-Ненецком округе традиционно уделяется большое внимание патриотическому воспитанию молодёжи. Регулярно проводятся окружные интерактивные игры и мероприятия, направленные на формирование толерантного отношения к культурам народов, проживающих в регионе. Проекты «Россия – наш общий дом!» способствуют укреплению межнационального согласия и развитию гражданской идентичности. Кроме того, в рамках грантовых программ поддерживаются инициативы по сохранению исторической памяти и развитию патриотического воспитания.

Празднование Дня Победы сопровождается массовыми спортивно-оздоровительными мероприятиями, культурными фестивалями и выставками, которые не только напоминают о подвиге наших предков, но и способствуют укреплению здоровья и сплочённости общества. Важной частью этих инициатив являются проекты, направленные на сохранение культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, проведение фольклорных фестивалей и традиционных праздников.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ:

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Если говорить о перспективах, то Ямало-Ненецкий автономный округ стоит на пороге новых возможностей. Мы обладаем не только природными ресурсами, но и человеческим капиталом, который способен обеспечить качественный прорыв в социально-экономическом развитии. Цифровая трансформация, развитие инфраструктуры, поддержка традиционных отраслей и инноваций – все эти направления формируют основу нашего будущего.

В 2025 году предприниматели Ямала планируют реализовать 28 новых инвестиционных проектов, которые позволят создать более 300 новых рабочих мест. Среди них – развитие туристической инфраструктуры, строительство придорожных сервисов, открытие новых ресторанов и культурных комплексов. Например, в Новом Уренгое появится туристический комплекс с глэмпингом, этнопарком и площадками для фестивалей, что не только создаст новые рабочие места, но и привлечёт внимание к культурному и природному богатству региона.

Поддержка малого и среднего бизнеса, а также социального предпринимательства становится одной из приоритетных задач. В ЯНАО действует комплекс мер по сопрово-

В ЯНАО действует комплекс мер по сопровождению проектов, предоставлению грантов и налоговых льгот, созданию коворкингов и консультационной поддержки.

ждению проектов, предоставлению грантов и налоговых льгот, созданию коворкингов и консультационной поддержки. Это позволяет предпринимателям быстрее адаптироваться к условиям Арктики и развивать конкурентоспособные направления.

Особое внимание уделяется экологии и устойчивому развитию. В регионе реализуются программы по сохранению исконной среды обитания коренных народов, поддержке традиционного образа жизни и развитию этнокультурных инициатив. Проводятся выставки, конкурсы и фестивали, направленные на популяризацию культуры и искусства народов Севера. Экологические проекты включают мероприятия по снижению антропогенного воздействия, рациональному использованию ресурсов и развитию зелёной энергетики.

Образование и подготовка кадров – ключевые факторы успеха. В рамках национального проекта «Молодёжь и дети» в округе активно модернизируются школы, создаются инженерные классы и новые образовательные программы. Молодёжь получает возможность участвовать в культурно-познавательных туристических маршрутах, которые помогают сохранить традиции и расширить кругозор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Арктика – это территория будущего, и Ямало-Ненецкий автономный округ находится в самом центре этого процесса. Мы продолжаем развиваться, внедрять инновации и укреплять позиции России в международном арктическом сообществе. Несмотря на внешние вызовы и сложную геополитическую ситуацию, мы уверены в своих силах и готовы к новым свершениям.

Наша задача – не только сохранить уникальную природу Арктики, но и обеспечить достойный уровень жизни для жителей региона, создать условия для устойчивого развития и безопасности. В этом контексте Ямал становится примером того, как можно сочетать традиции и инновации, национальные интересы и международное сотрудничество.

Мы смотрим в будущее с оптимизмом и твёрдой уверенностью, что новая геополитика Арктики откроет перед нами новые горизонты и возможности, а Ямало-Ненецкий автономный округ будет играть в этом процессе одну из ведущих ролей. ■

The Yamalo-Nenets Autonomous District has a set of measures in place to support projects, provide grants and tax benefits, create coworking spaces and provide consulting support.

Перспективы международного взаимодействия на Севере

Роль и значение Арктики для России и всего мира в последние годы значительно возрастает. Наша страна – крупнейшая арктическая держава, в Арктической зоне Российской Федерации, по оценкам экспертов, формируется более 7% ВВП России и около 11% нашего экспорта. Российская Федерация всегда рассматривала Север как зону особых стратегических интересов, оставаясь сторонницей поиска консенсусных политико-дипломатических «развязок» для всех возникающих в регионе вопросов.

Фото: Александр Жолобов (Роскомпресс)
<https://photo.roscompress.org/ru>

Масленников Владислав Владиславович

Директор Департамента европейских проблем МИД России, старшее должностное лицо России в Арктическом совете, Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат экономических наук

Вместе с тем климат в Арктике меняется не только в буквальном, но и в геополитическом смысле. Усиливается конкуренция между странами, борьба за позиции в этом регионе. Если ранее Заполярье рассматривалось всеми арктическими государствами как территория мира и сотрудничества, то сейчас с подачи Запада здесь нарастает военно-политическая напряженность, появляются новые вызовы и угрозы безопасности России на северных рубежах – расширяется военная инфраструктура НАТО и растет число коалиционных уче-

Prospects for International Cooperation in the North

Maslennikov Vladislav Vladislavovich

Director of the Department of European Issues of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Russia's Senior Arctic Official, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, PhD in economics

ний альянса, активно используются нелегитимные санкционные меры, призванные затруднить развитие российской Арктики.

Продолжается спровоцированный враждебными действиями западных стран процесс развала архитектуры регионально-го взаимодействия, на который Россия вынуждена реагировать. Так, 16 апреля 2025 г. принято распоряжение Правительства Российской Федерации, денонсирующее два соглашения с Норвегией, Финляндией и Швецией – о создании Международного Баренцева секретариата и о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации. Тем самым завершен процесс выхода нашей страны из дискредитировавших себя региональных структур.

По-прежнему не возобновлена полноценная работа Арктического совета (АС) – основной площадки многостороннего взаимодействия в высоких широтах, которая в течение почти 30 лет являлась полезным форматом для выработки совместных решений в сфере устойчивого социально-экономического развития арктического региона, защиты культурного наследия и прав коренных народов, климата, охраны уязвимой окружающей среды Заполярья. Прерван политический диалог, не проводятся заседания главного координирующего органа АС – Комитета старших должност-

In recent years the role and significance of the Arctic both for Russia and the entire world have increased. Our country is the largest Arctic power: according to experts, more than 7% of Russia's GDP and about 11% of its exports are generated in the Arctic Zone of the Russian Federation. Russia has always considered the North as an area of particular strategic interest, consistently advocating for consensus-based political and diplomatic solutions to all emerging regional issues.

At the same time, the Arctic climate is changing not only in a literal sense, but in a geopolitical one as well. The region sees intensifying competition between states and race for influence. Whereas the High North was once regarded by all Arctic states as the territory of peace and cooperation, today, at the instigation of the West, military and political tensions escalate and new challenges and threats to Russia's security emerge along our northern borders, i.e. expanding NATO military infrastructure, increase in number of coalition exercises, illegitimate sanctions, actively employed to hinder the development of the Russian Arctic.

We see continued dismantling of the regional cooperation architecture, triggered by the hostile actions of the Western countries, and Russia is compelled to respond. Thus, on 16 April 2025 the Government of the Russian Federation issued an executive order denouncing two agreements with Norway, Finland, and Sweden: on the establishment of an International Barents Secretariat and on cooperation within the field

of emergency prevention, preparedness and response. This effectively marked Russia's withdrawal from regional structures that had discredited themselves.

The Arctic Council (AC) has still not resumed its full-scale operations. Being the main platform for multilateral cooperation in the High North for nearly 30 years the AC has served as a useful forum for working out joint solutions on sustainable social and economic development of the Arctic region, protection of cultural heritage and the rights of indigenous peoples, climate issues and preservation of the fragile Polar environment. Political dialogue has been suspended, Senior Arctic Officials executive meetings - the Council's main coordinating body - are no longer held, working groups only convene online and the Council's Project Support Instrument does not function.

We strive for the normalization of the situation in the AC. Our further course with regard to the Council will depend on the actual state of affairs within the organization, Russia's national interests and the willingness of our Western colleagues, including Denmark, that assumed the chairmanship of the Council for 2025–2027 at the 14th AC session on 12 May this year, to engage in joint work. It is indicative that we managed to include a number of important provisions in the final declaration of that session, such as commitment to peace, stability and cooperation in the Arctic, implementation of the goals and agreements enshrined in the Council's founding documents, the need for strengthening of the AC. The significant contribution of Russia's chairmanship to the work of the Council in 2021–2023 was also acknowledged.

It is evident that while waiting for the situation to change – seemingly, to a more geopolitically favourable one – Western AC countries are simply wasting time. Without Russia any attempts to solve pressing issues in the Arctic are futile. Many tasks in the High North can only be accomplished through joint efforts. The importance of international cooperation was once again highlighted by the large-scale emergency response exercises “Safe Arctic” held in the Russian Arctic Zone in January 2025 as well as by the 6th International Arctic Forum (IAF) “Arctic: Territory of Dialogue” convened on 27 March this year in Murmansk.

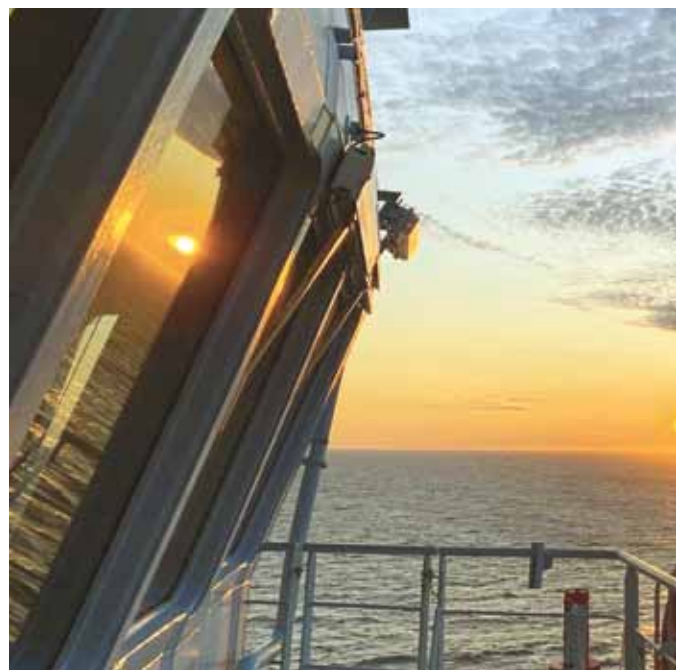
Now is the time to act in the Arctic and, as President of the Russian Federation Vladimir Putin emphasized at the IAF plenary session, “we will work with those who want it”. We remain open to exchanging experience with responsible states in all key areas relevant to the Arctic. We note that the international interest for cooperation with Russia in the North continues to grow. Contacts with China, India and other friendly countries are expanding, both bilaterally and within various multilateral formats, including the Northern Forum. To fulfil the transport and logistical potential of the Northern Sea Route joint working bodies have been established with Chinese and Indian partners and they have already delivered tangible results. The activities of the international discussion platform “Baltic Platform” are also gaining momentum.

It is clear that there is no shortage of those who are willing to work in the Arctic – in fact, there is an emerging “pool” of states seeking constructive and responsible cooperation in the High North. This became clear during the roundtable session “Responsible Partnership for the Comprehensive Development of the Arctic and the Far East”, held as part of the business programme of the X Eastern Economic Forum in Vladivostok on 4 September this year. The Russian Ministry of Foreign Affairs, for its part, will continue to provide support for the development of constructive cooperation in the North. Opportunities for dialogue remain open. ■

ных лиц, рабочие группы встречаются только в онлайн-режиме, не функционирует Инструмент поддержки проектов Совета.

Намерены добиваться нормализации ситуации в АС. Нашу дальнейшую линию в отношении данной организации будем определять исходя из реального положения дел в ней и наших национальных интересов, в зависимости от готовности к совместной работе западных коллег, включая Данию, к которой на 14-й сессии АС 12 мая этого года перешли председательские полномочия на период 2025-2027 гг. Показательно, что в итоговом заявлении этой сессии удалось зафиксировать ряд важных положений – приверженность миру, стабильности и сотрудничеству в Арктике, реализации целей и договоренностей, закрепленных в основополагающих документах АС, целесообразность его укрепления. Подтвержден весомый вклад российского председательства в работу Совета в 2021-2023 гг.

Очевидно, что «выжидая у моря погоды» – видимо, более благоприятной в геополитическом плане – западные участники АС просто теряют время. Без России любые попытки решения актуальных проблем в Арктике бесперспективны. Многие задачи в высоких широтах можно выполнить только совместными усилиями. Востребованность международного взаимодействия в очередной раз показали состоявшиеся в январе 2025 г. в российской Арктической зоне масштабные учения по реагированию на чрезвычайные ситуации «Безопасная Арктика» и VI Международный арктический форум (МАФ) «Арктика – территория диалога» 26-27 марта с.г. в Мурманске.

В Арктике сейчас – самое время действовать, и, как подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин на пленарной сессии МАФ, «будем работать с теми, кто хочет этого». Мы открыты к обмену опытом во всех актуальных для Арктики сферах с ответственными странами. Видим, что международный интерес к сотрудничеству с Россией на Севере неизменно растет. Развиваются контакты с Китаем, Индией, другими дружественными странами – как на двусторонней основе, так и по линии различных многосторонних форматов, включая «Северный форум». Для дальнейшего раскрытия транспортно-логистического потенциала Северного морского пути с китайскими и индийскими партнерами созданы и успешно работают совместные профильные рабочие органы, есть осязаемые результаты. Набирает обороты деятельность международной научно-дискуссионной площадки «Балтийская платформа».

Видим, что желающих работать в Арктике достаточно – фактически, формируется «пул» стран, стремящихся к конструктивному и ответственному взаимодействию в высоких широтах. Это было наглядно видно в ходе «круглого стола» «Ответственное партнерство для комплексного развития Арктики и Дальнего Востока», состоявшегося в рамках деловой программы X Восточного экономического форума во Владивостоке 4 сентября с.г. Будем и далее оказывать со стороны МИД России всестороннее содействие развитию конструктивного сотрудничества на Севере. Возможности для диалога сохраняются. ■

НОВОСТИ

МИД РФ: ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО ДАНИИ В АРКТИЧЕСКОМ СОВЕТЕ БУДЕТ ОПРЕДЕЛЯЮЩИМ

Два года председательства Дании в Арктическом совете будут по-настоящему определяющими для его дальнейших перспектив, заявил директор департамента европейских проблем МИД России, старшее должностное лицо от России в Арктическом совете Владислав Масленников на XIV сессии Арктического совета.

Сессия Арктического совета прошла 12 мая в формате видео-конференц-связи. «Следующие два года председательства Дании в Арктическом совете будут по-настоящему определяющими для его дальнейших перспектив. Искренне желаем нашим датским коллегам сил и удачи на этом направлении», – сказал Масленников. По его словам, уходящей норвежской «вахтой» в совете был проделан внушительный объем работы, который надо наращивать. «Спасибо, Норвегия, благодарим Осло и секретариат Арктического совета за эти усилия», – добавил он.

Масленников отметил, что последние три года были непростыми для многостороннего взаимодействия в Арктике. «По мере нарастания конфронтации в высоких широтах, которые некогда были территорией исключительно мирного сотрудничества, большинство региональных форматов сотрудничества деградировали. Арктический совет, по сути, остался единственной сохранившейся структурой, однако и он работает не в полную силу», – подчеркнул директор департамента.

«Итоговым документом сегодняшнего мероприятия станет совместное заявление стран – членов Арктического совета и его «постоянных участников». Документ – компромиссный, но это не уменьшает его важности. Важно, что удалось подтвердить наше общее стремление к укреплению роли совета как ключевого органа как для многостороннего взаимодействия в Заполярье, так и для сохранения мира и диалога в высоких широтах. В нынешних условиях это уже немало», – указал он.

«Убеждены, что у Арктического совета еще есть потенциал для восстановления «духа сотрудничества». Арктические страны несут главную ответственность за настоящее и будущее Арктики, и многие вызовы региона требуют коллективных взвешенных решений», – констатировал Масленников.

Источник: <https://tass.ru/politika/23930153>

RUSSIAN FOREIGN MINISTRY: DENMARK'S CHAIRMANSHIP IN THE ARCTIC COUNCIL WILL BE DECISIVE

Denmark's two-year presidency of the Arctic Council will be truly decisive for its future prospects, Vladislav Maslennikov, Director of the Department of European Affairs at the Russian Foreign Ministry and senior Russian official at the Arctic Council, said at the 14th session of the Arctic Council.

The Arctic Council session was held on May 12 in a video conference format.

“The next two years of Denmark's presidency of the Arctic Council will be truly decisive for its future prospects. We sincerely wish our Danish colleagues strength and good luck in this area,” Maslennikov said. According to him, the outgoing Norwegian “watch” in the council has done an impressive amount of work that needs to be increased. “Thank you, Norway, and we thank Oslo and the Arctic Council secretariat for these efforts,” he added.

Maslennikov noted that the last three years have been difficult for multilateral cooperation in the Arctic. “As the confrontation in the high latitudes increases, which were once the territory of exclusively peaceful cooperation, most regional cooperation formats have degraded. The Arctic Council, in fact, has remained the only surviving structure, however, it is not working at full capacity,” said the director of the department.

“The final document of today's event will be a joint statement by the member countries of the Arctic Council and its “permanent participants.” The document is a compromise, but this does not diminish its importance. It is important that we have confirmed our common desire to strengthen the Council's role as a key body for multilateral cooperation in the Arctic, as well as for preserving peace and dialogue in high latitudes. In the current conditions, this is already quite a lot,” he said.

“We are convinced that the Arctic Council still has the potential to restore the “spirit of cooperation.” The Arctic countries bear primary responsibility for the present and future of the Arctic, and many of the region's challenges require collective, balanced solutions,” Maslennikov stated.

Source: <https://tass.ru/politika/23930153>

Современная геополитическая обстановка в Арктике, включая милитаризацию региона, выход Западного мира из совместных научных и экологических инициатив, противоречат изначальной концепции поддержания устойчивого развития и сотрудничества в Арктике.

Черняев Максим Васильевич,
директор, к.э.н.,
Центр стратегических исследований,
Экономический факультет,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

Арктики, во благо мира?

В 2000-х годах Арктический регион, в который входят Российская Федерация, Соединённые Штаты Америки, Канада, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия и Швеция, получил негласное название «победа дипломатии». В данный период времени были достигнуты значимые соглашения в сфере научного и экологического сотрудничества, такие как Илулиссатская декларация, принятая «арктической пятёркой» (РФ, США Канада, Норвегия и Дания) в 2008 году для обсуждения вопросов, непосредственно касающихся морской безопасности, климатических изменений, охраны морской среды и распределения обязанностей в экстренных ситуациях при открытии новых судоходных путей. Однако, с 2014 года, после воссоединения Крыма с Российской Федерацией, сотрудничество постепенно начало сворачиваться, а после начала Специальной военной операции (СВО) практически прекратилось – как итог, крупнейшая страна Арктического региона внесена в санкционные списки. Сказать, что это серьёзный барьер на пути мирного развития Арктики – ничего не сказать.

Согласно прогнозу Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК), глобальный спрос на углеводороды будет неуклонно расти вплоть до 2050 года, что в значительной степени связано с динамичным развитием Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). К 2050 году совокупный объём спроса на энергоносители возрастет на 23%, а потребление нефти достигнет около 123 миллионов баррелей в сутки. Учитывая данную тенденцию, а также колоссальные запасы чёрного золота и голубого топлива в Арктике, ин-

New Heopolitics of the Arctic for the Benefit of Peace, is it?

Maxim V. Chernyaev
CEO, Candidate of Economic Sciences,
The Center for Strategic Research,
Faculty of Economics,
RUDN University,

The current geopolitical situation in the Arctic, including militarization of the region, and withdrawal of the Western world from the joint scientific and environmental initiatives, contradict the original concept of maintaining sustainable development and cooperation in the Arctic.

In the 2000s, the Arctic region that includes the Russian Federation, the United States of America, Canada, Norway, Denmark, Finland, Iceland and Sweden, was unofficially called the “victory for diplomacy”. During this period of time, the significant agreements were reached in the field of scientific and environmental cooperation, such as the Ilulissat Declaration brought into force by the Arctic Five (the Russian Federation, the United States of America, Canada, Norway and Denmark) in 2008 to discuss any issues directly related to the maritime safety, climate change, protection of the marine environment and division of emergency responsibilities if new shipping routes are opened. However, since 2014, after the reunification of Crimea with the Russian Federation, such a cooperation has gradually begun to wind down, and

тересы влиятельных игроков становятся прозрачны – сегодня регион является площадкой масштабного соперничества за энергоресурсы, что подрывает концепцию сохранения существующих экосистем.

На протяжении последних десятилетий Арктика становится ареной интенсивной милитаризации, освоения полезных ископаемых и геополитической конкуренции. Вооружение Арктического региона – одна из самых острых проблем, с которой сталкивается мировое сообщество. По разным оценкам экспертов, на данный момент в Арктическом регионе расположены более 50 военных объектов Организации Североатлантического договора (НАТО). Военно-политический блок придерживается риторики наращивания вооружений в регионе, проводит регулярные учения. В ответ на данные действия Российская Федерация вынуждена применять ответные меры. Для обеспечения мира в Арктике необходимо кардинальное изменение парадигмы, основанное на взаимном сотрудничестве, при этом Россия должна рассматриваться не в качестве главного антагониста, а как ключевой партнер.

Таяние арктических льдов создает новые судоходные маршруты, такие как Северный морской путь (СМП), что позволяет сократить время доставки грузов между Европой и Азией на 40%. Однако это также порождает напряженность между государствами, борьбу за контроль над транспортными путями, что становится катализатором для наращивания военного присутствия в данном регионе. В то время как наращивает обороты арктическая милитаристская гонка, таяние льдов в Арктике происходит еще стремительнее. Если десять лет назад ученые называли предположительную дату – 2050 год и это внушало ужас научному сообществу, то последние исследования, а также данные приборов объективного контроля, заставили пересмотреть прогнозы, согласно которым уже к 2030 году в летние месяцы льда уже не останется и вовсе. Вопреки активно продвигаемой в средствах массовой информации (СМИ) идее, что подобная тенденция – надуманная опасность, на деле же таяние льдов может привести не только к глобальному изменению климата, нарушению экосистем, но и к освобождению ледниковых озёр, прорыв которых способен затопить прилегающие территории.

В то же время ряд неарктических государств становятся все более активными, среди них Китайская Народная Республика,

after the beginning of the Special Military Operation (SMO) it has been almost ceased. As a result, the largest country in the Arctic region has been included in the sanctions lists. To say that this is a serious barrier to the peaceful development of the Arctic would be an understatement.

According to the forecast of the Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC), the global demand for hydrocarbons will steadily grow until 2050 that is largely due to the dynamic development of the Asia-Pacific region (APR). By 2050, the total demand for energy sources will be increased by 23%, and the oil consumption will reach about 123 million barrels per day [1]. Given this trend, as well as the enormous reserves of black gold and blue flame gas in the Arctic, the interests of influential players are becoming transparent. At present, this region is a platform for large-scale competition for energy resources that undermines the concept of preserving existing ecosystems.

Over the past decades, the Arctic has become an arena for intensive militarization, mineral development, and geopolitical competition. The arming of the Arctic region is one of the most pressing issues facing the global community. According to the estimates of various experts, there are currently more than 50 military facilities of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) in the Arctic region. The military and political bloc adheres to the rhetoric of armaments build-up in the region and holds regular military exercises. In response to these actions, the Russian Federation is forced to take countermeasures [2]. To ensure peace in the Arctic, a fundamental paradigm shift based on mutual cooperation is required, while Russia should be considered not as the main antagonist, but as a key partner.

The Arctic Sea ice loss leads to the new shipping routes, such as the Northern Sea Route (NSR) that reduces the cargo delivery time between Europe and Asia by 40%. However, this also generates tensions between the states, wrestling for control over the transport routes that becomes a catalyst for uptick in military presence in the region [3]. While the Arctic military race is gaining momentum, the ice melting process in the Arctic is occurring even faster. If ten years ago the scien-

Over the past decades, the Arctic has become an arena for intensive militarization, mineral development, and geopolitical competition. The arming of the Arctic region is one of the most pressing issues facing the global community.

tists indicated a tentative date (2050) and this fact terrified the scholarly community, then the recent studies, as well as data the live recording equipment, forced us to revise the forecasts, according to which by 2030 there will be no ice left in the summer months at all [5]. Contrary to the idea actively promoted in the mass media that such a trend is an unsubstantiated danger, in fact, the ice melting process can lead not only to the global climate change and disruption of ecosystems, but also to the release of glacial lakes, the breakthrough of which can flood the adjacent territories [6].

Coincidentally, a number of non-Arctic states are becoming increasingly active, including the People's Republic of China, India, South Korea, Japan, Turkey, and the countries of the European Union (EU), most of which already have the observer status at the Arctic Council. A network of polar research centers is being formed in cooperation with the northern countries, a significant amount of investment is being made in the Arctic region, and research is being conducted in relation to the glacier melting and ecology. However, without the participation of the Russian Federation, the projects are not being implemented as quickly and efficiently as required by the accelerating rate of climate change.

The issues of ownership of the Arctic maritime territories remain unresolved, and an increasing number of countries are becoming interested in ensuring free passage of their own sea vessels through the NSR. In this regard, even more active involvement of the non-Arctic states is likely in the future, an increased in the permanent membership of the Arctic Council and conclusion of new agreements aimed at the regional economic development are possible [4].

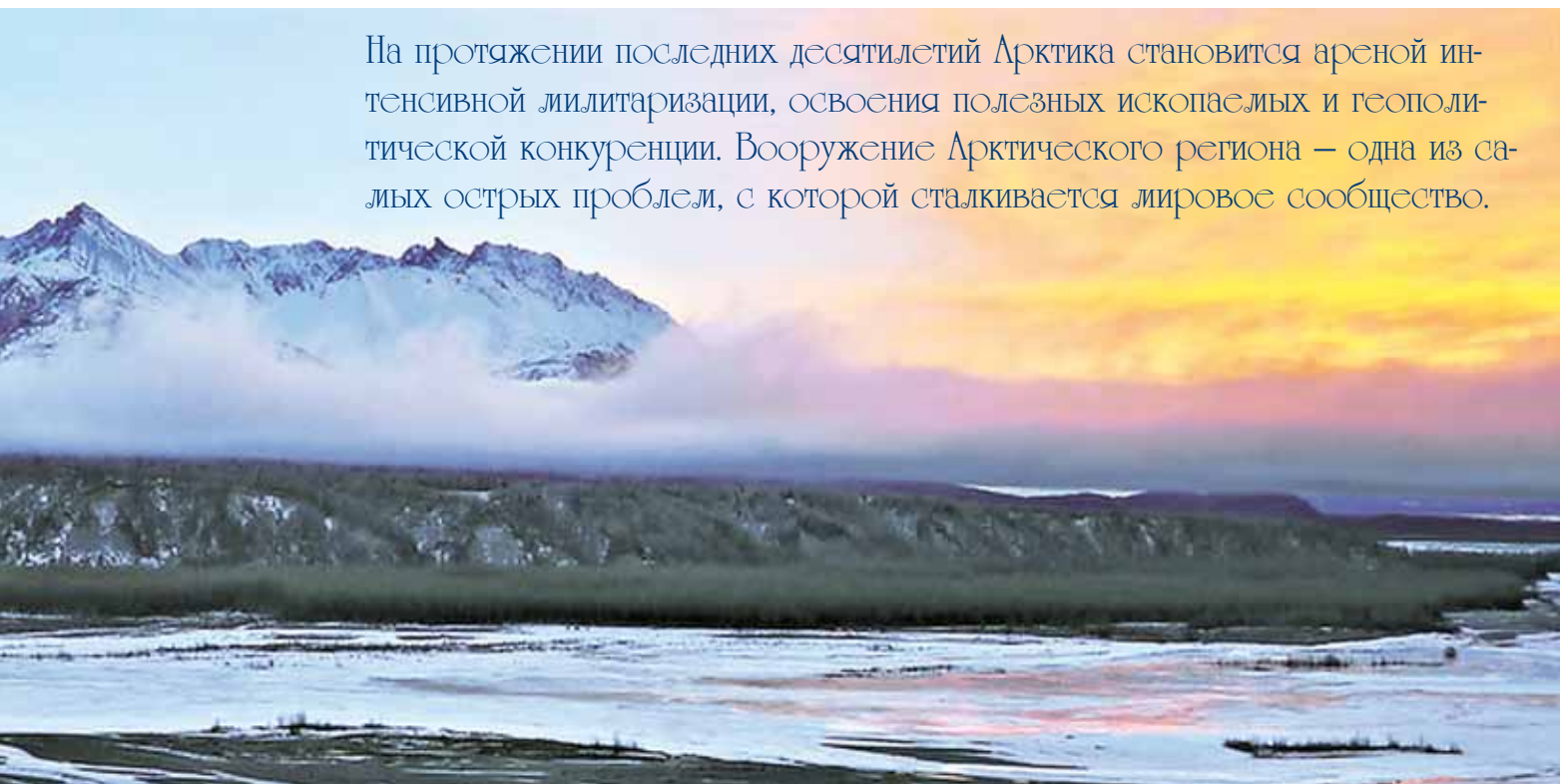
At present, the Arctic can become both a symbol of international cooperation and the beginning of a new large-scale conflict. Having considered the current economic stagnation and the increasingly aggravated geopolitical situation, a return to the international cooperation seems almost impossible. While the NATO members are increasingly holding military exercises in the Arctic region, the Russian Federation and China are trying to implement the most important projects, taking all pos-

Индия, Южная Корея, Япония, Турция, страны Европейского Союза (ЕС), при этом большинство из них уже обладают статусом наблюдателей при Арктическом Совете. Формируется сеть научных полярных центров в сотрудничестве с северными странами, осуществляется значительный объем инвестиций в Арктический регион, а также проводятся исследования, касающиеся таяния ледников и экологии, но без участия Российской Федерации проекты реализуются не так быстро и эффективно, как того требуют с каждым днём ускоряющиеся темпы изменения климата.

Остаются нерешенными вопросы принадлежности морских территорий Арктики, все большее количество стран становятся заинтересованы в обеспечении свободного прохода собственных морских судов через СПМ. В связи с чем в перспективе вероятно еще более активное вовлечение неарктических государств, возможно расширение постоянного состава Арктического Совета и заключение новых договоров, направленных на экономическое развитие региона.

Сегодня Арктика может стать как символом международного сотрудничества, так и началом нового масштабного конфликта. Учитывая текущую экономическую стагнацию, повсеместно обостряющуюся геополитическую обстановку, возвращение к международному сотрудничеству кажется практически невозможным. В то время как члены НАТО все чаще проводят учения в Арктиче-

На протяжении последних десятилетий Арктика становится ареной интенсивной милитаризации, освоения полезных ископаемых и геополитической конкуренции. Вооружение Арктического региона — одна из самых острых проблем, с которой сталкивается мировое сообщество.

sible measures to achieve a sustainable future. The People's Republic of China, as an economically potent and globally oriented country, is capable of exerting a significant influence on the Arctic region development, in particular in the area of trade routes.

The interaction between Moscow and Beijing can be used as an example of the efficient joining of efforts to solve the top-priority problems facing the region. During his visit to Moscow in February 2023, the leader of the People's Republic of China Xi Jinping announced his intention to deepen cooperation in the Arctic region and establish a joint working body for the NSR development.

Despite the current challenges, the Arctic remains a region that can still become an example of international cooperation for the public good. In order to return to the original idea of "The Arctic for the welfare of the world", it is necessary to actively promote a dialogue between all stakeholders and put together to achieve the multifaceted partnerships, reduce tensions in the region and address energy and efforts to solving the top-priority environmental problems that are becoming increasingly urgent amidst the global warming process.

It is important to realize that sustainable development of the Arctic region is possible only if every single state acts within the framework of a united and agreed concept focused on the environmental protection and natural resource conservation. A collective action program based on the principles of transparency, trust and mutual respect can develop conditions for the safe and sustainable existence in the Arctic.

In the future, research in the field of ecology, climate change and sustainable resource management should become the high-priority areas for all countries participating in the Arctic policy. An important step will be the development of academic programs that will unite the scientists, researchers and representatives of the world expert community. Openness and access to information, knowledge and technology sharing will help to minimize the environmental risks and improve understanding of the comprehensive processes occurring in this sensitive region, to say the least. Only integration of the efforts and application of the Arctic potential can ensure a peaceful future for its inhabitants and the entire world. Today, the Russian Federation and the People's Republic of China are joining forces to achieve this goal. ■

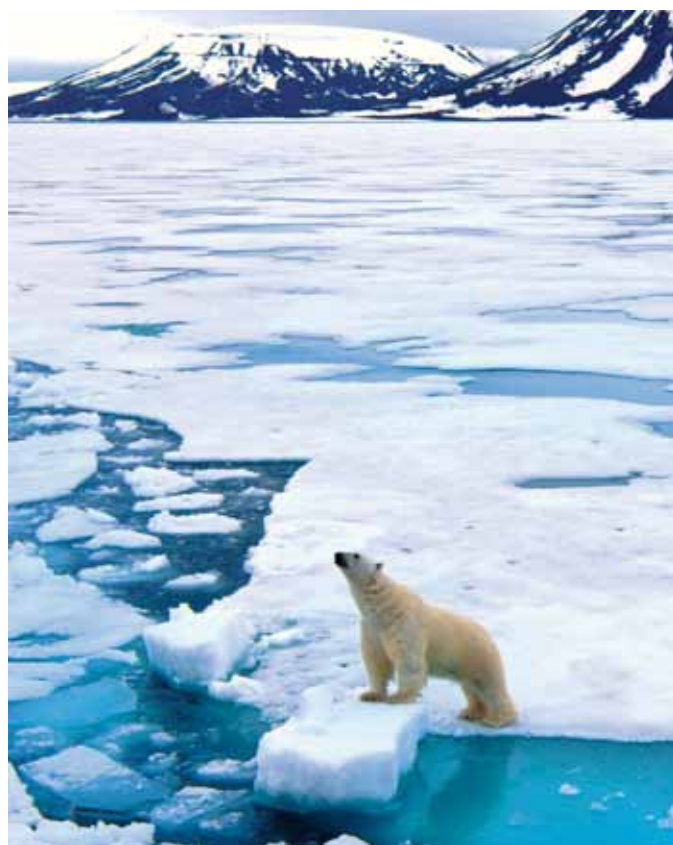
Despite the current challenges, the Arctic remains a region that can still become an example of international cooperation for the public good.

Несмотря на текущие вызовы, Арктика остается регионом, который всё еще способен стать примером международного сотрудничества ради общего блага.

ском регионе, РФ и КНР стараются реализовать важнейшие проекты, предпринимая все возможные меры для достижения устойчивого будущего. Китайская Народная Республика как экономически мощная и глобально-ориентированная страна способна оказать значительное влияние на развитие Арктического региона, в частности в области развития торгового пути.

Взаимодействие между Москвой и Пекином может служить примером эффективного объединения усилий для решения насущных проблем, стоящих перед регионом. Во время визита в Москву в феврале 2023 года председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин объявил о намерении углубить сотрудничество в Арктическом регионе и создании совместного рабочего органа для развития СМП.

Несмотря на текущие вызовы, Арктика остается регионом, который всё еще способен стать примером международного сотрудничества ради общего блага. Чтобы вернуться к изначальной идее «Арктика во благо мира», необходимо активно развивать диалог между всеми заинтересованными сторонами и работать над созданием многогранных партнерств, снизить напряженность в регионе и направить энергию и усилия на решение первоочередных экологических проблем, которые становятся все более острыми на фоне глобального потепления.

Важно осознать, что устойчивое развитие Арктического региона возможно только при условии, что все без исключения государства будут действовать в рамках единой, согласованной концепции, ориентированной на защиту окружающей среды и сохранение природных ресурсов. Программа коллективных действий, основанная на прозрачности, доверии и взаимном уважении, сможет создать условия для безопасного и устойчивого существования в Арктике.

В будущем исследования в области экологии, изменения климата и устойчивого управления ресурсами должны стать приоритетными направлениями для всех стран, участвующих в арктической политике. Важным шагом станет развитие научных инициатив, которые объединят ученых, исследователей и представителей мирового экспертного сообщества. Открытость и доступ к информации, обмен знаниями и технологиями помогут минимизировать экологические риски и улучшить понимание сложных процессов, протекающих в этом без преувеличения чувствительном регионе. Только через объединение усилий и использование потенциала Арктики можно обеспечить мирное будущее для ее обитателей и всего мира в целом, и сегодня Российская Федерация и Китайская Народная Республика объединяют усилия для достижения данной цели. ■

НОВОСТИ

ПАТРУШЕВ: ТРАНСАРКТИЧЕСКИЙ КОРИДОР
НУЖНО ФОРМИРОВАТЬ КАК ЕДИНУЮ СИСТЕМУ

Трансарктический транспортный коридор должен формироваться как единая система взаимодействия всех видов транспорта, обеспечивающая мультимодальные перевозки и бесшовную логистику. Об этом заявил помощник президента РФ, глава Морской коллегии Николай Патрушев на заседании Совета по стратегическому развитию Военно-морского флота.

Открывая заседание, Патрушев указал, что будет рассмотрен вопрос о мерах по реагированию на провокационные действия иностранных государств в акваториях Трансарктического транспортного коридора.

«Трансарктический транспортный коридор необходимо сформировать как единую, взаимосвязанную систему взаимодействия всех видов транспорта, обеспечивающую мультимодальные перевозки и бесшовную логистику в первую очередь в интересах повышения эффективности использования экономического потенциала наших территорий, а также в интересах развития транзитных и внешнеторговых перевозок», - пояснил он.

В итоге, по словам помощника президента, коридор должен стать базовой транспортной артерией российской Арктики и безусловным приоритетом экономического развития страны, прежде всего ее Арктической зоны.

Патрушев уточнил, что в настоящее время правительство РФ по поручению президента готовит проект комплексного развития Арктики. «В этом проекте особое внимание будет уделено обеспечению круглогодичного функционирования Трансарктического транспортного коридора, модернизации существующих и созданию новых морских портов, строительству судов арктического флота с максимальным использованием потенциала отечественных верфей», - уточнил глава Морской коллегии.

В результате прогнозируется огромный положительный эффект для внутреннего развития страны, прежде всего ее Арктической зоны, резюмировал Патрушев.

Источник: <https://tass.ru/politika/24677703>

PATRUSHEV: THE TRANSARCTIC CORRIDOR SHOULD
BE FORMED AS A SINGLE SYSTEM

The Transarctic transport corridor should be formed as a unified system of interaction between all modes of transport, providing multimodal transportation and seamless logistics. This was stated by Nikolai Patrushev, Assistant to the President of the Russian Federation, head of the Naval Collegium, at a meeting of the Council for the Strategic Development of the Navy.

Opening the meeting, Patrushev indicated that the issue of measures to respond to provocative actions by foreign states in the waters of the Transarctic Transport Corridor would be considered.

"The Transarctic transport corridor needs to be formed as a single, interconnected system of interaction between all modes of transport, providing multimodal transportation and seamless logistics, primarily in the interests of increasing the efficiency of using the economic potential of our territories, as well as in the interests of developing transit and foreign trade transportation," he explained.

As a result, according to the presidential aide, the corridor should become the main transport artery of the Russian Arctic and an absolute priority for the economic development of the country, primarily its Arctic zone.

Patrushev said that the Russian government is currently preparing a project for the integrated development of the Arctic on behalf of the president. "In this project, special attention will be paid to ensuring the year-round operation of the Transarctic transport Corridor, the modernization of existing and the creation of new seaports, the construction of ships of the Arctic fleet with maximum use of the potential of domestic shipyards," said the head of the Maritime Board.

As a result, a huge positive effect is predicted for the internal development of the country, primarily its Arctic zone, Patrushev concluded.

Source: <https://tass.ru/politika/24677703>

Роль Китая в новой геополитике Арктики

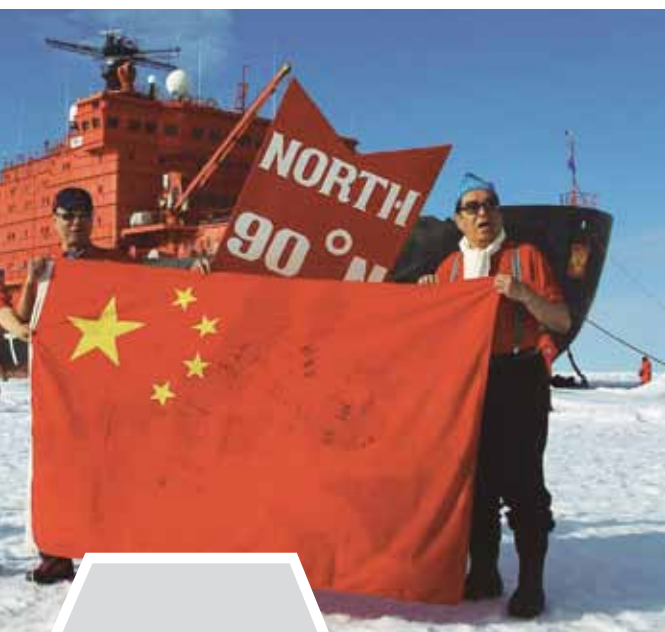

Участие Китая в Арктике имеет большое значение в связи с растущим геостратегическим и экономическим значением региона. Изменение климата повышает доступность, позволяя Китаю использовать свой статус наблюдателя в Арктическом совете для реализации различных инициатив. Хотя компания утверждает, что ее присутствие является ответом на климатические вызовы, ее мотивы включают в себя приобретение природных ресурсов, развитие Полярного Шелкового пути и расширение доступа к морю по Северному морскому пути. До конфликта на Украине Китай сотрудничал с западными и российскими партнерами в арктических проектах, в частности в области СПГ и развития инфраструктуры. Однако опасения США по поводу влияния Китая сохраняются. После украинского кризиса Китай укрепил свои связи с Россией, воспользовавшись сокращением участия Запада. Этот сдвиг подчеркивает прагматичную геоэкономическую стратегию Китая, использующего инвестиции и альянсы для укрепления своего присутствия в Арктике. Посредством энергетической дипломатии и финансирования инфраструктуры Китай стремится продвигать свои интересы в условиях геополитической напряженности, подчеркивая необходимость создания механизмов, обеспечивающих баланс между экономическим ростом и ответственностью за охрану окружающей среды.

Рабия Калфаоглу,
доцент кафедры международных отношений
Университета Реджепа Тайипа Эрдогана,
Ризе, Турция

Арктика приобретает все большее значение в связи с изменением климата, потребностями в энергетической безопасности и изменениями в мировой торговле. Темпы потепления в два раза превышают среднемировые, что приводит к таянию морских льдов и делает доступными ранее недоступные районы. По оценкам, в Арктике содержится 90 миллиардов баррелей неразведанной нефти, 47 триллионов кубометров природного газа и 44 миллиарда баррелей сжиженного природного газа, что составляет 13% неразведанных мировых запасов нефти и 30% неразведанного природного газа. Кроме того, Северный морской путь (СМП) значительно сокращает время доставки грузов между Азией и Европой - до 40%, снижая затраты и делая Арктику важной как для арктических стран, так и для внешних игроков, таких как Китай.

В своей «Белой книге по арктической политике» за 2018 год Китай позиционирует себя как «приарктическое государство» и представил комплексную стратегию для региона, сочетающую экологическую тематику с реальными геополитическими и геоэкономическими целями. Китай утверждает, что его участие в Арктике обусловлено опасениями по поводу изменения климата, называя повышение уровня моря и экстремальные погодные условия глобальными вызовами. Однако он все больше внимания уделяет обеспечению доступа к природным ресурсам, важным торговым маршрутам и инвестициям в инфраструктуру. Китаю принадлежит 29,9% акций проекта «Ямал СПГ» в России, а также он яв-

ляется ключевым участником проекта «Арктик СПГ-2», который демонстрирует его долгосрочные энергетические амбиции.

До конфликта на Украине Китай придерживался сбалансированного подхода, сотрудничая как с западными, так и с российскими партнерами в Арктике в рамках различных многосторонних энергетических и исследовательских проектов. Однако геополитический раскол, вызванный конфликтом, существенно изменил характер сотрудничества в регионе. Поскольку западные страны отказались от арктических инициатив, возглавляемых Россией, и прекратили официальное участие в Арктическом совете, Китай укрепил свои двусторонние отношения с Россией. Этот стратегический сдвиг привел к увеличению китайских инвестиций в российскую инфраструктуру и ресурсные предприятия в Арктике, что свидетельствует о практической

China's Role in the New Geopolitics of the Arctic

Rabia Kalfaoğlu

Assistant Professor, International Relations,
Recep Tayyip Erdogan University, Rize, Turkey

China's involvement in the Arctic is significant due to the region's growing geostrategic and economic importance. Climate change is increasing accessibility, allowing China to use its observer status in the Arctic Council for various initiatives. While it claims its presence is a response to climate challenges, its motivations include acquiring natural resources, advancing the Polar Silk Road, and increasing maritime access via the Northern Sea Route. Before the Ukraine conflict, China collaborated with Western and Russian partners on Arctic projects, particularly in LNG and infrastructure development. However, U.S. concerns over China's influence have persisted. Following the Ukraine crisis, China has strengthened its ties with Russia, taking advantage of the decreased Western engagement. This shift highlights China's pragmatic geoeconomic strategy, using investment and alliances to bolster its Arctic presence. Through energy diplomacy and infrastructure financing, China seeks to advance its interests amid geopolitical tensions, underscoring the need for frameworks that strike a balance between economic growth and environmental responsibility.

The Arctic has become increasingly strategic due to climate change, energy security needs, and global trade shifts. Warming is occurring at over twice the global average, leading to the melting of sea ice and the accessibility of previously unreachable areas. The Arctic is estimated to contain 90 billion barrels of undiscovered oil, 47 trillion cubic meters of natural gas,

корректировке китайской региональной стратегии в условиях растущей геополитической напряженности.

В этом контексте участие Китая в Арктике можно понять с точки зрения сочетания геополитических и геоэкономических факторов. Расширяя свое присутствие в регионе, Китай стремится обеспечить доступ к природным ресурсам, улучшить торговые связи с помощью таких маршрутов, как СМП, и участвовать в формировании формирующейся системы управления Арктикой. Эти интересы отражают более широкие усилия по усилению своего глобального влияния при одновременной адаптации к сложной динамике регионального сотрудничества, конкуренции и экологическим вызовам. Меняющийся геополитический ландшафт, особенно после конфликта на Украине, придал подходу Китая новые аспекты, требующие тщательного анализа как партнерских отношений, так и представлений о них.

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В АРКТИКЕ ДО НАЧАЛА УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Китай стал самым активным из азиатских государств-наблюдателей в Арктическом совете, продвигая многогранную арктическую стратегию, которая сочетает в себе экологическую дипломатию, научное взаимодействие и экономические инвестиции. С тех пор как в 2013 году Китай получил статус наблюдателя в Арктическом совете, он укрепил свое присутствие благодаря исследованиям, связанным с климатом, развитию инфраструктуры и энергетическому сотрудничеству.

Значительным достижением стало обнаружение в январе 2018 года официальной политики Китая в отношении Арктики, в которой Китай назвал себя «приарктическим госу-

дарством» и обозначил свои основные цели: расширение научных исследований и знаний о регионе, содействие сохранению окружающей среды и борьбе с изменением климата, поощрение разумного использования арктических ресурсов – включая энергетику и туризм, а также активное участие в управлении Арктикой и сотрудничестве. Подчеркивая важность мира, стабильности и многостороннего взаимодействия, «Белая книга» отражает намерение Китая позиционировать себя как ответственную заинтересованную сторону в арктических делах.

С научной точки зрения Китай создал мощный исследовательский плацдарм в Арктике. Открытие в 2004 году станции на реке Хуанхэ в Нью-Олесунне, Шпицберген, ознаменовало долгосрочную приверженность страны полярной науке. На сегодняшний день Китай провел 14 арктических экспедиций с использованием своих современных ледокольных судов Xue Long и Xue Long 2, уделяя особое внимание мониторингу морского льда, морской экологии и моделированию климата. Благодаря своему научному участию Китай использует эти исследовательские мероприятия как для расширения знаний о глобальном климате, так и для легитимизации своего присутствия в Арктике, тем самым укрепляя свои позиции в региональных структурах управления.

Что касается экономики, то участие Китая в Арктике тесно связано с его целями энергетической диверсификации и расширения морской торговли. Центральным компонентом этой стратегии является участие в ведущих российских арктических энергетических проектах, в частности в проекте «Ямал СПГ», в котором китайским компаниям принадлежит 29,9% акций — 20% у Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC) и 9,9%

and 44 billion barrels of natural gas liquids, which constitute 13% of the world's undiscovered oil and 30% of its undiscovered natural gas. Additionally, the Northern Sea Route (NSR) significantly shortens shipping times between Asia and Europe by up to 40%, lowering costs and making the Arctic crucial for both Arctic nations and external players like China.

In its 2018 Arctic Policy White Paper, China positioned itself as a «near-Arctic state» and presented a complex strategy for the region that combines environmental themes with tangible geopolitical and geoeconomic goals. China claims its involvement in the Arctic is driven by a concern for climate change, citing rising sea levels and extreme weather as global challenges. However, it has increasingly focused on securing access to natural resources, important trade routes, and investing in infrastructure. China owns a 29.9% share in the Yamal LNG project in Russia and is also a key participant in the Arctic LNG-2 project, which showcases its long-term energy ambitions.

у Фонда Шелкового пути. Китай также принял участие в проекте «Арктик СПГ-2» в рамках партнерства с российской компанией «Нова-тэк». Эти инициативы не только снижают зависимость Китая от ближневосточных источников энергии, но и согласуются с более широкими национальными целями по обеспечению долгосрочной энергетической безопасности. Более того, инвестиции Пекина в арктическую инфраструктуру, включая порты, железные дороги и аэродромы, демонстрируют согласованные усилия по включению региона в Полярный шелковый путь, северное продолжение инициативы «Один пояс, один путь».

Северный морской путь также занимает центральное место в экономических расчетах Китая, поскольку он сокращает расстояния между Азией и Европой в среднем примерно на 40%, в том числе примерно на 25% для маршрутов из Шанхая в Гамбург и примерно на 55% для маршрутов из Мурманска в Иокогаму, что сокращает время доставки и расход топлива, использование и снижение выбросов, обеспечивая при этом практичную торговую альтернативу. Со своей стороны, Китай предоставляет гарантии того, что он не будет действовать против национальных интересов России при управлении и контроле над СМП. В то же время стремление России обеспечить свое военное присутствие для поддержания своего суверенитета и безопасности в регионе Северного морского пути показывает, что оборонная стратегия России существует независимо от коммерческих целей и помогает обеспечить баланс интересов безопасности других стран в Арктическом регионе. Еще одним важным аспектом интереса Китая к СМП является то, что этот торговый маршрут можно рассматривать как значительный вклад в инициативу «Один пояс, один путь», поскольку он экономит время при экспорте китайских товаров в Европу и приносит прибыль.

В мае 2015 года Россия и Китай подписали декларацию о согласовании развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути. В 2017 году правительство Китая предложило новый план «Видение морского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь», который стал одним из итогов Форума международного сотрудничества. Этот план реализуется в рамках Концепции морского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в 2018 году и сосредоточен на трех «голубых экономических коридорах». Эти коридоры включают маршруты через Индийский и Атлантический океаны и Средизем-

Before the conflict in Ukraine, China adopted a balanced approach, collaborating with both Western and Russian partners in the Arctic through various multilateral energy and research projects. However, the geopolitical divide caused by the conflict has significantly changed the nature of cooperation in the region. As Western countries have pulled away from Russian-led Arctic initiatives and halted formal engagement in the Arctic Council, China has strengthened its bilateral relationship with Russia. This strategic shift has led to increased Chinese investment in Russian infrastructure and resource ventures in the Arctic, indicating a practical adjustment of its regional strategy amid growing geopolitical tensions.

In this context, China's Arctic engagement can be understood through a combination of geopolitical and geoeconomic considerations. As it expands its presence in the region, China aims to secure access to natural resources, improve trade connectivity through routes like the NSR, and participate in shaping the evolving governance frameworks of the Arctic. These interests reflect a broader effort to enhance its global influence while adapting to the complex dynamics of regional cooperation, competition, and environmental challenges. The changing geopolitical landscape, especially in the aftermath of the Ukraine conflict, has added new layers to China's approach, requiring careful navigation of both partnerships and perceptions.

CHINA'S PRE-UKRAINE ARCTIC STRATEGY

China has emerged as the most proactive among the Asian observer states in the Arctic Council, advancing a multifaceted Arctic strategy that combines environmental diplomacy, scientific engagement, and economic investment. Since being granted observer status in the Arctic Council in 2013, China has strengthened its presence through climate-related research, infrastructure development, and energy cooperation.

A significant achievement was the release of China's official Arctic Policy in January 2018, where China identified itself as a "near-Arctic state" and outlined its main aims: enhancing scientific research and knowledge of the area, aiding in environmental preservation and combating climate change, encouraging the sensible utilization of Arctic resources-including energy and tourism – and actively engaging in Arctic governance and collaboration. By emphasizing peace, stability, and multilateral engagement, the White Paper reflects China's intention to position itself as a responsible stakeholder in Arctic affairs.

From a scientific standpoint, China has established a strong research foothold in the Arctic. The establishment of the Yellow River Station in Ny-

ное море к берегам Африки и Европы, маршруты в южной части Тихого океана к берегам Австралии и Океании, а также маршруты по Северному морскому пути.

Стратегия Китая в отношении Арктики, разработанная до появления украинского кризиса, отражает продуманный и многоплановый подход к установлению прочного присутствия в регионе. Используя научные исследования, экологическую дипломатию и стратегические экономические инвестиции, Китай стремится позиционировать себя как законную и ответственную заинтересованную сторону в арктических делах. Уделение особого внимания науке о климате и развитию инфраструктуры в сочетании с энергетическими партнерствами, особенно с Россией, позволило Китаю привести их в соответствие с более широкими национальными интересами, такими как энергетическая безопасность и расширение морской торговли. Эти довоенные усилия заложили прочную основу для участия Китая в Арктической деятельности в условиях изменения геополитических реалий после конфликта на Украине.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ ПОСЛЕ НАЧАЛА УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Конфликт на Украине изменил глобальную геополитику и Арктический регион, что привело к приостановке деятельности семи стран – членов Арктического совета под руководством России вскоре после начала войны 24 февраля 2022 года. Такая изоляция России, крупнейшего арктического государства, нарушила сотрудничество в области климатических исследований и защиты прав коренных народов. Западные санкции в отношении российской экономики еще больше осложнили ситуацию с жизненно важными энергетическими проектами, такими как «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», поскольку последний теряет иностранные инвестиции после введения санкций США в конце 2023 года. В результате сотрудничество в Арктике ослабло, что побудило Россию развернуть свои партнерские отношения с азиатскими странами и изменило роль региона в глобальной динамике влияния.

Хотя санкции ускорили поворот России к Азии, этот стратегический сдвиг имеет более глубокие корни. В своей статье 2012 года «Россия и меняющийся мир» президент Владимир Путин изложил видение укрепления связей с Азией, в частности с Китаем, рассматривая экономический подъем этой страны как возможность для взаимовыгодного сотрудничества. К 2013 году эта перспективная стратегия уже была реализована, о чем свидетельствует соглашение о расширении поставок российской нефти в Китай и строительстве трубопровода Восточная Сибирь – Тихий океан. Как отметил Беркман, «экономическое сотрудничество России с Азией, в частности с Китаем, в первую очередь обусловлено не западными санкциями. Скорее, оно основано на долгосрочных стратегических и экономических преимуществах такого партнерства, поскольку санкции, как правило, оказывают лишь временное воздействие, в то время как экономическое сотрудничество приносит долгосрочные выгоды». Хотя украинский кризис 2014 года усилил внимание России к Азии, особенно к Арктике, этот поворот отражает давние усилия по диверсификации ее геополитических и экономических альянсов.

Санкции, однако, также усилили роль Китая в арктических проектах, таких как «Арктик СПГ-2», где пекинская инициатива «Полярный шелковый путь» заполнила пустоту, оставленную западными инвесторами. Китайские компании предоставили необходимый

Ålesund, Svalbard, in 2004 signaled the country's long-term commitment to polar science. So far, China has carried out 14 Arctic expeditions utilizing its advanced icebreaking vessels, Xue Long and Xue Long 2, focusing on sea ice monitoring, marine ecology, and climate modeling. Through its scientific engagement, China has utilized these research activities to both advance global climate knowledge and legitimize its presence in the Arctic, thereby reinforcing its position within regional governance structures.

On the economic front, China's Arctic engagement is closely tied to its goals of energy diversification and maritime trade expansion. A central component of this strategy is its involvement in Russia's flagship Arctic energy projects, particularly Yamal LNG, where Chinese entities hold a 29.9% stake – 20% by the China National Petroleum Corporation (CNPC) and 9.9% by the Silk Road Fund. China has also committed to the Arctic LNG-2 project through partnerships with Russian firm Novatek. These initiatives not only reduce China's reliance on Middle Eastern energy sources but also align with broader national objectives to ensure long-term energy security. Moreover, Beijing's investments in Arctic infrastructure – including ports, railways, and airfields – demonstrate a concerted effort to incorporate the region into the Polar Silk Road, a northern extension of the Belt and Road Initiative.

The Northern Sea Route is also central to China's economic calculus, as it reduces shipping distances between Asia and Europe by approximately 40% on average with reductions of approximately 25% for routes from Shanghai to Hamburg and about 55% for those from Murmansk to Yokohama, which leads to shorter shipping times, reduced fuel usage, and lower emissions, while providing a practical trade alternative. For its part, China provides assurances that it will not act against Russia's national interests in the management and control of the NSR. At the same time, Russia's desire to ensure its military presence to maintain its sovereignty and security in the NSR region shows that Russia's defense strategy ex-

капитал и технологии, но это влияние вызвало обеспокоенность в России по поводу того, не принесет ли сотрудничество в Арктике непропорциональных выгод Пекину. Критики утверждают, что сосредоточенность Китая на обеспечении безопасности торговых путей и ресурсов отражает его доминирующее положение в партнерстве, в то время как Россия стремится защитить свой суверенитет и избежать чрезмерной зависимости. Тем не менее, такие ученые, как Дмитрий Тренин, утверждают, что Россия рассматривает Китай как прагматичного партнера, а не гегемона, что позволяет создать функциональный альянс, поддерживающий экономическую устойчивость России при сохранении стратегической независимости.

Эмпирические данные свидетельствуют об углублении китайско-российских энергетических и торговых связей. По состоянию на сентябрь 2023 года «Ямал СПГ» произвел 100 миллионов тонн СПГ с 2017 года, при этом 83% экспорта приходится на Европу и 17% - на Азию в первой половине 2024 года. Несмотря на то, что такие европейские страны, как Германия и Швеция, призвали к введению запрета на импорт российского СПГ, поставки продолжают, что подчеркивает сложность применения согласованного режима санкций. Тем временем продолжается строительство проекта «НОВАТЭК Арктик СПГ-2» при поддержке Китая, предоставляющего необходимые модули для сжиженного природного газа и транспортные услуги. Однако проблемы остаются, включая опасения по поводу надежности оборудования российского производства и более широкого влияния санкций на развитие энергетики в Арктике.

Между тем, уже в 2021 году на китайскую судоходную компанию COSCO приходилось 30% рейсов по Северному морскому пути, что свидетельствует о значительном китайском присутствии в арктической морской логистике. Объем двусторонней торговли энергоносителями между Китаем и Россией в 2022 году превысил 190 миллиардов долларов, а экспорт нефти в Китай вырос на 23%, достигнув к октябрю 2023 года 400 000 баррелей в день. Несмотря на то, что санкции создали препятствия, такие как ограничение цен на морскую нефть и приостановка партнерских отношений в области инфраструктуры с Финляндией и Южной Кореей, Китай по-прежнему активно участвует в освоении Арктики. Примечательно, что соглашение, подписанное в июне 2024 года с «Росатомом», направлено на увеличение транзитных мощностей до 50 милли-

ists independently of commercial objectives and helps ensure a balance of security interests for other countries in the Arctic region. Another important aspect of China's interest in the NSR is that this trade route can be seen as a significant contribution to the "Belt and Road Initiative", as it saves time in exporting Chinese goods to Europe and generates profit.

In May 2015, Russia and China signed a declaration on the alignment of the development of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Silk Road Economic Belt. In 2017, the Chinese government proposed a new plan, "Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative", which became one of the outcomes of the International Cooperation Forum. This plan is being implemented within the Concept of Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative in 2018 and focuses on three Blue Economic Corridors. These corridors include routes through the Indian and Atlantic Oceans and the Mediterranean Sea to the shores of Africa and Europe, routes in the southern part of the Pacific Ocean to the shores of Australia and Oceania, and routes through the Northern Sea Route.

China's pre-Ukraine Arctic strategy reflects a calculated and multidimensional approach to establishing a lasting presence in the region. By leveraging scientific research, environmental diplomacy, and strategic economic investments, China has sought to position itself as a legitimate and responsible stakeholder in Arctic affairs. Its emphasis on climate science and infrastructure development, coupled with energy partnerships – particularly with Russia – has enabled China to align them with broader national interests such as energy security and maritime trade expansion. These pre-war efforts laid a robust foundation for China's Arctic engagement in the wake of shifting geopolitical realities following Ukraine conflict.

CHINA'S ARCTIC STRATEGY POST-UKRAINE CONFLICT

The Ukraine conflict has reshaped global geopolitics and the Arctic region, leading to the suspension of Russia-led activities by seven Arctic Council members shortly after the war began on February 24, 2022. This isolation of Russia, the largest Arctic state, disrupted collaboration in climate research and indigenous rights. Western sanctions on Russia's economy have further complicated issues for vital energy projects, such as Yamal LNG and Arctic LNG 2, with the latter losing foreign investment following U.S. sanctions in late 2023. As a result, Arctic cooperation has weakened, prompting Russia to pivot its partnerships towards Asian nations and altering the region's role in global power dynamics.

While sanctions have accelerated Russia's pivot to Asia, this strategic shift has deeper roots. In his 2012 article "Russia and the Changing World," President Vladimir Putin outlined a vision of strengthening ties with Asia, particularly China, viewing its economic rise as an opportunity for mutually beneficial cooperation. By 2013, this forward-looking strategy was already in motion, as evident in the agreement to expand Russian oil supplies to China and construct the East Siberia-Pacific Ocean pipeline (Kaczmarek and Kardaś 2016). As Berkman noted, "Russia's economic cooperation with Asia, particularly with China, is not primarily driven by Western sanctions. Rather, it is rooted in the long-term strategic and economic advantages of such partnerships, as sanctions tend to have only a transient impact, while economic collaboration offers enduring benefits." Although the 2014 Ukrainian crisis accelerated Russia's focus on Asia, especially in the Arctic, this pivot reflects a longstanding effort to diversify its geopolitical and economic alliances.

Sanctions, however, have also amplified China's role in Arctic projects such as Arctic LNG 2, where Beijing's Polar Silk Road initiative has filled the void left by Western investors. Chinese companies provided essential

онов тонн к 2030 году и разработку контейнеровозов высокого ледового класса. Эти события подчеркивают стратегию Китая по использованию арктических проектов в качестве платформы для расширения своего влияния на мировых энергетических рынках при одновременном укреплении своей роли ключевого посредника в реализации арктических амбиций России.

Углубление связей между Китаем и Россией в Арктике вызвало серьезную обеспокоенность в западных политических кругах. В докладе береговой охраны США подчеркивается обеспокоенность расширяющимся присутствием Китая в регионе, в частности, его потенциалом подрывать эффективность санкций, направленных против России, путем оказания важной экономической и технологической поддержки. Растущая активность китайского судоходства вдоль СМП и сотрудничество в проектах энергетической инфраструктуры являются примерами этой динамики. В докладе также подчеркивается потенциал двойного назначения растущих арктических возможностей России, включая расширение ее ледокольного флота и военной инфраструктуры. Со стратегической точки зрения Китай предлагает России альтернативу западным рынкам, позволяя Москве частично компенсировать экономические последствия санкций, одновременно углубляя их взаимную зависимость.

В заключение отметим, что сложившийся после начала конфликта на Украине порядок в Арктике позволил Китаю расширить свое геоэкономическое присутствие в регионе за счет углубления энергетических, торговых и инфраструктурных связей с Россией. Хотя как в Москве, так и в западных столицах сохраняются опасения по поводу чрезмерного стратегического влияния, Китай позиционирует себя как незаменимого партнера в обеспечении устойчивого развития Арктики. Его действия отражают тщательный баланс экономических амбиций, геополитической гибкости и долгосрочного стратегического планирования.

capital and technology, but this influence has raised concerns in Russia about whether Arctic cooperation disproportionately benefits Beijing. Critics argue that China's focus on securing trade routes and resources reflects its dominance in the partnership, while Russia works to safeguard its sovereignty and avoid overdependence. Nonetheless, scholars like Dmitri Trenin argue that Russia views China as a pragmatic partner, not a hegemon, allowing for a functional alliance that supports Russia's economic resilience while preserving strategic independence.

Empirical data supports the deepening of China-Russia energy and trade ties. As of September 2023, Yamal LNG had produced 100 million tons of LNG since 2017, with 83% of exports bound for Europe and 17% for Asia in the first half of 2024. Although European nations such as Germany and Sweden have called for bans on Russian LNG imports, shipments persist, underscoring the challenges of enforcing a cohesive sanctions regime. Meanwhile, construction at NOVATEK's Arctic LNG 2 project continues, supported by China's provision of essential LNG modules and shipping services. However, challenges remain, including concerns about the reliability of Russian-made equipment and the broader operational impact of sanctions on Arctic energy developments.

Meanwhile, Chinese shipping firm COSCO accounted for 30% of NSR voyages as early as 2021, marking a substantial Chinese presence in Arctic maritime logistics. The bilateral energy trade between China and Russia exceeded \$190 billion in 2022, and oil exports to China surged 23%, reaching 400,000 barrels per day by October 2023. Although sanctions have introduced hurdles, such as limits on seaborne oil prices and the suspension of Finnish and South Korean infrastructure partnerships, China remains actively involved in Arctic development. Notably, a June 2024 agreement with Rosatom aims to increase transit capacity to 50 million tons by 2030 and develop high-ice-class container ships. These developments highlight China's strategy to utilize Arctic projects as a platform for expanding its influence in global energy markets while solidifying its role as a key facilitator of Russia's Arctic ambitions.

The deepening ties between China and Russia in the Arctic have raised significant concerns in Western political circles. A U.S. Coast Guard report highlights worries about China's expanding presence in the region, particularly its potential to undermine the effectiveness of sanctions targeting Russia by providing critical economic and technological support. Increased Chinese shipping activity along the NSR and collaboration in energy infrastructure projects exemplify this dynamic. The report also emphasizes the dual-use potential of Russia's growing Arctic capabilities, including its expanded icebreaker fleet and military infrastructure. From a strategic perspective, China offers Russia an alternative to Western markets, allowing Moscow to partially offset the economic effects of sanctions while deepening their mutual dependence.

As the most proactive among the Asian observer states, China has leveraged its Arctic Council status, scientific infrastructure, and economic influence to assert itself as a critical non-Arctic stakeholder.

In conclusion, the post-Ukraine Arctic order has enabled China to expand its geoeconomic footprint in the region by deepening energy, trade, and infrastructure ties with Russia. While concerns over strategic overreach persist in both Moscow and Western capitals, China has positioned itself as an indispensable partner in sustaining Arctic development. Its actions reflect a careful balancing of economic ambition, geopolitical flexibility, and long-term strategic planning.

CONCLUSION

China's growing involvement in the Arctic reflects a strategic recalibration shaped by evolving geopolitical and geoeconomic realities, particularly in the aftermath of the Ukraine conflict. As the most proactive among the Asian observer states, China has leveraged its Arctic Council status, scientific infrastructure, and economic influence to assert itself as a critical non-Arctic stakeholder. Its investments in energy projects such as Yamal LNG and Arctic LNG-2, as well as its expanding role in NSR development, illustrate a deliberate effort to integrate the Arctic into China's broader global trade and energy strategy.

The post-Ukraine geopolitical fragmentation has accelerated China's alignment with Russia in the Arctic, creating new avenues for bilateral cooperation but also raising concerns regarding balance, sovereignty, and governance. China's increased role in Arctic logistics, infrastructure, and financing – particularly through its Polar Silk Road initiative – positions it as a strategic partner in sustaining Arctic development. However, this alignment also brings tensions with Western actors who perceive China's Arctic ambitions as a challenge to existing governance norms.

Looking ahead, the Arctic faces two possible trajectories: one of continued polarization and exclusive economic blocs, and another of renewed multilateral cooperation focused on environmental and scientific priorities. In both scenarios, China will remain a pivotal actor. Its ability to balance national interest with collaborative engagement will determine whether its presence contributes to Arctic stability or further fragmentation. The future of Arctic governance depends not only on geopolitical alignments but also on pragmatic diplomacy that prioritizes sustainability, scientific cooperation, and inclusive dialogue. ■

Являясь наиболее активным среди азиатских государств-наблюдателей, Китай использует свой статус в Арктическом совете, научную инфраструктуру и экономическое влияние, чтобы заявить о себе как о важной заинтересованной стороне за пределами Арктики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Растущее участие Китая в Арктике отражает стратегическую перестройку, обусловленную меняющимися геополитическими и геоэкономическими реалиями, особенно после конфликта на Украине. Являясь наиболее активным среди азиатских государств-наблюдателей, Китай использует свой статус в Арктическом совете, научную инфраструктуру и экономическое влияние, чтобы заявить о себе как о важной заинтересованной стороне за пределами Арктики. Его инвестиции в энергетические проекты, такие как «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», а также растущая роль в развитии Северного морского пути свидетельствуют о целенаправленных усилиях по интеграции Арктики в более широкую глобальную торговую и энергетическую стратегию Китая.

Геополитическая фрагментация после событий на Украине ускорила сближение Китая с Россией в Арктике, создав новые возможности для двустороннего сотрудничества, но также вызвав обеспокоенность по поводу баланса, суверенитета и управления. Возросшая роль Китая в арктической логистике, инфраструктуре и финансировании, особенно в рамках инициативы «Полярный шелковый путь», позиционирует его как стратегического партнера в обеспечении устойчивого развития Арктики. Однако это также создает напряженность в отношениях с западными игроками, которые воспринимают арктические амбиции Китая как вызов существующим нормам управления.

Заглядывая в будущее, можно сказать, что Арктика столкнется с двумя возможными траекториями развития: продолжающейся поляризацией и созданием исключительных экономических блоков и возобновлением многостороннего сотрудничества, ориентированного на экологические и научные приоритеты. В обоих сценариях Китай останется ключевым игроком. Его способность сочетать национальные интересы с совместным участием будет определять, способствует ли его присутствие стабильности в Арктике или дальнейшей фрагментации. Будущее управления Арктикой зависит не только от геополитической конъюнктуры, но и от прагматичной дипломатии, которая ставит во главу угла устойчивость, научное сотрудничество и инклюзивный диалог. ■

Новая геополитика и Арктика

Джавед Зафар,
доцент географического факультета
Карабюкского университета,
г. Карабюк, Турция

Геополитика изучает, как географическое пространство и местоположение влияют на внешнюю политику и стратегии безопасности страны. Взаимосвязь между физической географией и политической властью по своей сути сложна, многогранна и часто противоречива. В своих анализах эксперты по-разному акцентируют внимание на различных аспектах геополитики, включая военные, экономические, культурные и геостратегические аспекты.

The New Geopolitics and Arctic

Javed Zafar,

*Assistant professor, Department of Geography,
Karabuk, University Karabuk, Turkey*

Geopolitics examines how geographical space and location influence a nation's foreign policy and security strategies. The relationship between physical geography and political power is inherently complex, multidimensional, and often controversial. Experts variously emphasize different aspects of geopolitics – including military, economic, cultural, and geostrategic dimensions – in their analyses.

In the post-Cold War era, some theorists argued that geo-economics would replace traditional geographical factors as the primary determinant of strategic value. While this perspective gained initial traction, geographical space and location ultimately reasserted their fundamental importance in geopolitical calculations.

The foundations of modern geopolitical thought trace back to Friedrich Ratzel (1844–1904), widely regarded as the father of political geography. Ratzel formulated seven laws of spatial growth that later became cornerstones of German geopolitical theory. Particularly influential were his first two laws, which established core principles about territorial expansion. During the Nazi era, Karl Haushofer (1869–1946) adapted these concepts into the “Lebensraum” (living space) doctrine that informed Hitler's Eastern Front policy – a strategic orientation that contributed significantly to the outbreak of World War II. Notably, German geopolitical strategy consistently identified Russia as its primary target.

Geopolitical theory gained enduring prominence through Sir Halford Mackinder's (1861–1947) Heartland Theory, which posited:

- Who rules East Europe commands the Heartland;
- Who rules the Heartland commands the World-Island;
- Who rules the World-Island commands the world.

This framework identified Siberia and the Arctic as core components of the strategic Heartland, marking the first significant Western recognition of the Arctic's potential role in global domination. Like earlier German theories, Mackinder's concept focused on countering Russian influence, though through containment rather than direct confrontation. The British Empire's expansion into Afghanistan represented an operational application of this theory, applying pressure on Russia's Asian flank. This historical pattern reveals how imperial geopolitics frequently centered on the question of how to counter Russian power, with Germany ultimately pursuing this objective through military invasion while Britain employed strategic encirclement.

В эпоху после окончания холодной войны некоторые теоретики утверждали, что геоэкономика заменит традиционные географические факторы в качестве основного фактора, определяющего стратегическую ценность. Хотя эта точка зрения получила первоначальное распространение, географическое пространство и местоположение в конечном итоге вновь обрели свое фундаментальное значение в геополитических расчетах.

Основы современной геополитической мысли восходят к Фридриху Ратцелю (1844–1904), которого многие считают отцом политической

Рис.: Хартленд,
предложенный Маккиндером

Fig: Heartland proposed by Mackinder

This framework identified Siberia and the Arctic as core components of the strategic Heartland, marking the first significant Western recognition of the Arctic's potential role in global domination. Like earlier German theories, Mackinder's concept focused on countering Russian influence, though through containment rather than direct confrontation.

географии. Ратцель сформулировал семь законов пространственного роста, которые впоследствии стали краеугольными камнями немецкой геополитической теории. Особенно влиятельными были его первые два закона, которые устанавливали основные принципы территориальной экспансии. В эпоху нацизма Карл Хаусхофер (1869–1946) адаптировал эти концепции в доктрину «жизненного пространства», которая легла в основу политики Гитлера на Восточном фронте – стратегической ориентации, внесшей значительный вклад в начало Второй мировой войны. Примечательно, что немецкая геополитическая стратегия неизменно определяла Россию в качестве своей главной цели.

Геополитическая теория получила устойчивую известность благодаря теории Хартленда сэра Хэлфорда Маккиндера (1861–1947), которая утверждала:

- Кто правит Восточной Европой, тот управляет Хартлендом;
- Тот, кто правит Сердцем Страны, управляет Миром-островом;
- Кто правит Миром – Остров правит миром.

В этой концепции Сибирь и Арктика были определены как ключевые компоненты стратегического Хартленда, что стало первым значительным признанием Западом потенциальной роли Арктики в обеспечении глобального господства. Как и более ранние немецкие теории, концепция Маккиндера была направлена на противодействие российско-

В этой концепции Сибирь и Арктика были определены как ключевые компоненты стратегического Хартленда, что стало первым значительным признанием Западом потенциальной роли Арктики в обеспечении глобального господства. Как и более ранние немецкие теории, концепция Маккиндера была направлена на противодействие российскому влиянию, хотя и путем сдерживания, а не прямой конфронтации.

му влиянию, хотя и путем сдерживания, а не прямой конфронтации. Экспансия Британской империи в Афганистан представляла собой оперативное применение этой теории, направленное на оказание давления на азиатский фланг России. Эта историческая закономерность показывает, что имперская геополитика часто сосредоточивалась на вопросе о том, как противостоять мощи России, и Германия в конечном счете добивалась этой цели путем военного вторжения, в то время как Британия использовала стратегическое окружение.

Это вторжение, в конечном счете, ускорило начало Второй мировой войны. Исход войны оказался особенно важным с геополитической точки зрения – хотя послевоенная Россия добилась господства как в Центральной, так и в Восточной Европе, ей не удалось установить контроль над всем Миром-островом, как предсказывал Маккиндер. Последовавшая за этим эпоха холодной войны установила биполярный мировой порядок, который, тем не менее, удерживал Россию в центре внимания западной геополитической стратегии.

В этот период появились две основополагающие теории: теория Римленда Николая Спикмена и доктрина сдерживания Джорджа Ф. Кеннана. Хотя концептуально стратегия сдерживания Кеннана основана на теории Римленда, она действовала как на стратегическом, так и на тактическом уровнях, став определяющей чертой геополитики времен холодной войны, главной целью которой

была Россия. Наряду с другими факторами, эта политика сдерживания в значительной степени способствовала окончательному распаду СССР. Западное геостратегическое планирование в эту эпоху проявлялось в НАТО и различных региональных военных союзах. Примечательно, что Арктика оставалась в значительной степени второстепенной в геополитических расчетах времен холодной войны по целому ряду причин.

В период после окончания холодной войны Соединенные Штаты превратились в единственную в мире сверхдержаву, расширяющую свое глобальное влияние под лозунгом продвижения демократии и западных ценностей. В ходе этой экспансии США эффективно использовали законы пространственного роста Фридриха Ратцеля в качестве геополитических ориентиров. Этот процесс включал в себя пять последовательных волн расширения НАТО, составляющих новую стратегию сдерживания, направленную как против России, так и против Китая. Североатлантический союз объединил все восточно-европейские страны и расширил предложения о членстве для Грузии и Украины, продемонстрировав, что Россия остается главной мишенью в геополитике после окончания холодной войны.

Начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 года представляло собой как ответ на стратегию сдерживания НАТО, так и попытку защитить ее экзистенциальные интересы. Эта операция ознаменовала собой ключевой поворотный момент в современной геополитике, сигнализируя об окончательном окончании однополярности под руководством США в военном плане и начале новой геополитической эры.

Новая геополитика: Хотя споры о многополярном мировом порядке продолжают уже некоторое время, эта концепция остается недостаточно определенной в глобальной геополитике. Однако военная операция России на Украине может ознаменовать собой окончательное начало новой геополитической эры, сигнализируя о конце неоспоримой гегемонии США. В ответ на этот меняющийся ландшафт Соединенные Штаты предложили новую стратегическую концепцию - геополитический «железный занавес» или основную оборонительную границу для защиты своих основных интересов.

Это видение предусматривает радикальную перестройку географии Северной Америки. Согласно новым стратегическим картам США, территория от Панамы до Гренландии

This invasion ultimately precipitated the Second World War. The war's outcome proved particularly significant from a geopolitical perspective - while post-war Russia achieved dominance over both the Heartland and Eastern Europe, it failed to attain control of the entire World-Island as Mackinder had predicted. The ensuing Cold War era established a bipolar world order that nevertheless maintained Russia as the central focus of Western geopolitical strategy.

Two seminal theories emerged during this period: Nicholas Spykman's Rimland Theory and George F. Kennan's containment doctrine. Although conceptually derived from Rimland Theory, Kennan's containment strategy operated at both strategic and tactical levels, becoming the defining feature of Cold War geopolitics with Russia as its primary target. Alongside other factors, this containment policy significantly contributed to the eventual collapse of the USSR. Western geostrategic planning during this era manifested through NATO and various regional military alliances. Notably, the Arctic remained largely peripheral to Cold War geopolitical calculations for multiple reasons.

The post-Cold War period witnessed the United States emerging as the world's sole superpower, expanding its global influence under the banner of promoting democracy and Western values. In this expansion, the U.S. effectively operationalized Friedrich Ratzel's laws of spatial growth as geopolitical guidelines. This process included five sequential waves of NATO enlargement, constituting a new containment strategy directed against both Russia and China. The alliance incorporated all Eastern European countries and extended membership offers to Georgia and Ukraine, demonstrating that Russia remained a primary target in post-Cold War geopolitics.

The beginning of Russia's special military operation in Ukraine in February 2022 represented both a response to NATO's containment strategy and an effort to safeguard its existential interests. This operation marked a pivotal turning point in contemporary geopolitics, signaling the definitive end of U.S.-led unipolarity in military terms and the dawn of a new geopolitical era.

New Geopolitics: While debates about a multipolar world order have persisted for some time, the concept remains poorly defined in global geopolitics. However, Russia's military operation in Ukraine may mark the definitive beginning of a new geopolitical era, signaling the end of uncontested U.S. hegemony. In response to this shifting landscape, the United States has proposed a new strategic concept - a geopolitical "iron curtain" or primary defensive boundary to protect its core interests.

This vision includes a radical reconfiguration of North American geography. According to emerging U.S. strategic maps, territory from Panama to Greenland would be incorporated as sovereign U.S. territory. Current discussions focus on integrating Canada and Greenland while securing complete control over the Panama Canal. While Central American nations between the U.S. and Panama are not yet part of official discourse, their future status could become precarious should the U.S. achieve its northern expansion goals.

The Arctic emerges as a critical theater in this new geopolitical calculus. Through potential annexation of Canada and Greenland - both key Arctic states - the U.S. would dramatically enhance its polar dominance. Already an Arctic nation through Alaska, such expansion would fundamentally alter the regional power balance. These developments occur against a backdrop of eroding international legal norms, as evidenced by recent unprovoked Israeli attacks on Iranian territory, suggesting the post-WWII rules-based order is being replaced by might-makes-right anarchy.

Concurrently, Russia and China's growing challenge to Western hegemony is prompting significant military buildups. NATO's expansion into Finland and ongoing Ukrainian conflict represent pressure points against Rus-

дии будет включена в состав суверенной территории США. В настоящее время обсуждается вопрос об интеграции Канады и Гренландии при обеспечении полного контроля над Панамским каналом. Хотя центральноамериканские государства, расположенные между США и Панамой, еще не являются частью официального дискурса, их будущий статус может стать сомнительным, если США достигнут своих целей экспансии на север.

Арктика становится важнейшим регионом в этом новом геополитическом расчете. Благодаря потенциальной аннексии Канады и Гренландии – двух ключевых арктических государств – США значительно усилят свое полярное господство. Уже будучи арктической державой благодаря Аляске, такая экспансия коренным образом изменит региональ-

sia. A potential regime change in Iran could open Caspian Sea access for NATO navies, dramatically reshaping Eurasian strategic dynamics. Recent drone attacks on Russian Arctic bases indicate Western efforts to undermine Russia's northern position – particularly significant given the Arctic's centrality to Russian strategy.

Against the backdrop of intensifying competition for control over the Arctic, it is precisely the actions of Washington, Ottawa, London, and other NATO countries that serve as the main factor escalating tensions in the region. The active buildup of military presence, including the establishment of new military bases in Scandinavia and Greenland, not only undermines stability but also threatens the security of all Arctic states. Such a policy of militarization runs counter to the principles of peaceful cooperation and leads to further destabilization of this strategically important region. Instead of engaging in dialogue and seeking joint solutions to issues of Arctic development, Western countries are relying on military pressure and displays of force, which only deepen mistrust among states and increase the likelihood of incidents.

Of particular concern is the fact that the expansion of NATO's military infrastructure is accompanied by aggressive rhetoric and regular military exercises in close proximity to Russia's borders. Such actions provoke an arms race, contribute to the militarization of the region, and create additional risks for all participants in the Arctic dialogue. The growth in the number of military facilities and the ongoing presence of foreign troops in Scandinavia and Greenland are perceived as a direct threat to the national security not only of Russia but also of other Arctic countries interested in preserving peace and stability. In this regard, it is necessary to oppose any further increase in the number of military bases and to call for a return to the principles of trust, transparency, and peaceful cooperation in the Arctic.

As climate change accelerates ice melt and improves navigability, the Arctic's strategic value will only increase. U.S. moves regarding Greenland and Canada reflect this reality, continuing the historical pattern where Russia remains the primary focus of Western strategy, albeit with the Arctic now playing a pivotal role. While many analysts emphasize the Chinese threat, European and NATO security fundamentally depends on managing Russian power – and Russia's strategic position remains inextricably linked to Arctic dominance. ■

ный баланс сил. Эти события происходят на фоне размывания международных правовых норм, о чем свидетельствуют недавние неспровоцированные нападения Израиля на территорию Ирана, свидетельствующие о том, что порядок, основанный на правилах после Второй мировой войны, заменяется анархией, основанной на принципе «кто сильнее, тот и прав».

В то же время растущий вызов гегемонии Запада со стороны России и Китая побуждает к значительному наращиванию военной мощи. Расширение НАТО на территорию Финляндии и продолжающийся конфликт на Украине представляют собой точки давления на Россию. Потенциальная смена режима в Иране может открыть доступ к Каспийскому морю для военно-морских сил НАТО, что кардинально изменит стратегическую динамику в Евразии. Недавние атаки беспилотников на российские арктические базы свидетельствуют о попытках Запада подорвать позиции России на севере, что особенно важно, учитывая центральное место Арктики в российской стратегии.

В условиях усиливающейся конкуренции за контроль над Арктикой именно действия Вашингтона, Оттавы, Лондона и других стран НАТО выступают основным фактором эскалации напряженности в регионе. Активное наращивание военного присутствия, в том числе создание новых военных баз в Скандинавии и на территории Гренландии, не только подрывает стабильность, но и угрожает безопасности всех арктических государств. Подобная политика милитари-

зации противоречит принципам мирного сотрудничества и ведёт к дальнейшей дестабилизации стратегически важного региона. Вместо диалога и совместного поиска решений по вопросам освоения и развития Арктики, западные страны делают ставку на военное давление и демонстрацию силы, что лишь усугубляет недоверие между государствами и увеличивает вероятность возникновения инцидентов.

Особую тревогу вызывает тот факт, что расширение военной инфраструктуры НАТО сопровождается агрессивной риторикой и регулярными военными учениями в непосредственной близости от российских границ. Такие действия провоцируют гонку вооружений, способствуют милитаризации региона и создают дополнительные риски для всех участников арктического диалога. Рост числа военных объектов и постоянное присутствие иностранных войск в Скандинавии и на территории Гренландии воспринимается как прямая угроза национальной безопасности не только России, но и других арктических стран, заинтересованных в сохранении мира и стабильности. В этой связи необходимо выступить против дальнейшего увеличения числа военных баз и призвать к возвращению к принципам доверия, транспарентности и мирного сотрудничества в Арктике.

Поскольку изменение климата ускоряет таяние льдов и улучшает судоходство, стратегическая ценность Арктики будет только возрастать. Действия США в отношении Гренландии и Канады отражают эту реальность, продолжая историческую модель, при которой Россия остается в центре внимания западной стратегии, хотя Арктика в настоящее время играет ключевую роль. В то время как многие аналитики подчеркивают китайскую угрозу, безопасность Европы и НАТО в корне зависит от управления российской мощью, а стратегическое положение России по-прежнему неразрывно связано с доминированием в Арктике. ■

НОВОСТИ

ТРАМП ВЫРАЗИЛ УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ, ЧТО США ПОЛУЧАТ ГРЕНЛАНДИЮ

Американский лидер Дональд Трамп в субботу выразил уверенность в том, что США получат Гренландию.

«Я думаю, мы решим вопрос с Гренландией. Я думаю, мы получим ее. И я думаю, что население [Гренландии] хочет быть с нами. Там живут 55 тыс. человек, и они хотят быть с нами, - приводит слова Трампа пресс-пул Белого дома. - Я в самом деле не знаю, на что тут претендует Дания. Она совершит очень недружественный акт, если не позволит этому [вхождению Гренландии в состав США] случиться».

Трамп утверждает, что его заинтересованность в Гренландии обусловлена не сугубо американскими интересами, но стремлением «защитить свободный мир». «Есть корабли России, есть корабли Китая, есть корабли со всего мира. И это не хорошая ситуация. <...> Думаю, мы получим Гренландию, поскольку речь идет о свободе мира. <...> Мы можем обеспечить свободу. Они [Дания] не могут. Две недели назад они выставили две собаки упряжки. Они полагали, что это защита», - сказал он.

10 января парламентские партии Дании одобрили намерение правительства нарастить ее присутствие в Арктике, подкрепив его необходимой материальной составляющей. По данным телеканала TV2, на реализацию этой задачи предполагается выделить 15 млрд крон (\$2,1 млрд). Первоочередными закупками должны стать дроны дальнего действия, два инспекционных корабля класса Thetis, две новые санные собаки упряжки для патруля Sirius, также планируется усилить спутниковый потенциал. Эта инициатива была представлена в связи с заявлениями Трампа о необходимости американского контроля над Гренландией для обеспечения национальной безопасности. Партии парламента при этом отметили, что все эти шаги нужно было предпринимать раньше.

Новый американский лидер ранее неоднократно заявлял о желании присоединить Гренландию к США. Он пригрозил ввести против Дании высокие торговые пошлины, если она не откажется от острова. Еще во время первого президентского срока Трамп предлагал купить Гренландию. Власти Гренландии и Дании отвергли эту идею.

Источник: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22973903>

TRUMP EXPRESSED CONFIDENCE THAT THE UNITED STATES WILL RECEIVE GREENLAND

American leader Donald Trump on Saturday expressed confidence that the United States will receive Greenland.

"I think we will resolve the issue with Greenland. I think we'll get it. And I think the people of [Greenland] want to be with us. 55,000 people live there, and they want to be with us," the White House press pool quoted Trump as saying. - I really don't know what Denmark is claiming here. She will commit a very unfriendly act if she does not allow this [Greenland's entry into the United States] to happen."

Trump claims that his interest in Greenland is not due to purely American interests, but to the desire to "protect the free world." "There are Russian ships, there are Chinese ships, there are ships from all over the world. And this is not a good situation. <...> I think we will get Greenland, because we are talking about the freedom of the world. <...> We can ensure freedom. They [Denmark] can't. Two weeks ago, they put up two dog sleds. They thought it was protection," he said.

On January 10, the Danish parliamentary parties approved the government's intention to increase its presence in the Arctic, reinforcing it with the necessary material component. According to TV2, it is planned to allocate 15 billion crowns (\$2.1 billion) for the implementation of this task. Priority purchases should include long-range drones, two Thetis-class inspection ships, two new sled dog sleds for the Sirius patrol, and plans to strengthen satellite capabilities. This initiative was presented in connection with Trump's statements about the need for American control over Greenland to ensure national security. At the same time, the parliamentary parties noted that all these steps should have been taken earlier.

The new American leader has repeatedly stated his desire to annex Greenland to the United States. He threatened to impose high trade duties on Denmark if it did not give up the island. Even during his first term, Trump offered to buy Greenland. The authorities of Greenland and Denmark rejected this idea.

Source: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22973903>

Новая
геополитика
Арктики:
акценты

The new geopolitics
of the Arctic:
accents

Как норвежские СМИ освещают борьбу за контроль над Арктикой и Крайним Севером

Бьорн Нистад,
независимый журналист,
Норвегия

В этой статье я рассмотрю, как норвежские СМИ освещают борьбу за контроль над Арктикой и Крайним Севером. В качестве отправной точки я возьму документальный фильм британского производства «Арктика – ледяная линия фронта», который был показан национальной норвежской телерадиокомпанией NRK 23 марта 2025 года.

Документальный фильм начинается драматично. Мы попадаем на борт американского самолета-разведчика, летящего в Арктику, чтобы подслушать разговоры так называемого «врага». Затем демонстрируются кадры учений НАТО в Арктике в 2024 году, в которых приняли участие более 20 000 солдат из 13 стран НАТО.

Нам сообщают, что Россия и Китай наращивают свое присутствие в Арктике. Борьба за Арктику вызвана изменением климата, объясняется в документальном фильме. Более теплый климат приводит к таянию арктических льдов. Это позволяет разрабатывать природные ресурсы – нефть, газ, полезные ископаемые – на морском дне Арктики. Это открывает новые возможности для рыболовства. Открывает новые морские маршруты. Кроме того, более теплый климат и меньшее количество льда облегчают размещение военной техники в Арктике.

Россия лидирует в борьбе за Арктику, как из-за географического положения страны, так и из-за того, что она создала военные базы на севере, говорится в документальном фильме. Британский эксперт по политике безопасности утверждает, что Россия воспринимает Арктику как свою собственность, а не как нечто, принадлежащее мировому сообществу.

Далее следует обсуждение деятельности Китая в Арктике, которая, как нам говорят, связана с доступом к рыбным ресурсам и защитой морских путей сообщения.

Мы хотим разрядки на севере. Но мы видим, что Россия и Китай наращивают свое присутствие в Арктике, и тогда мы тоже должны быть там, – заявляет немецкий адмирал.

Затем нам представлены изображения того, что описывается как необходимое присутствие НАТО в Арктике, то есть изображения военных кораблей, самолетов и солдат. Далее следует описание Арктики как площадки для подводных лодок. Россия действует более агрессивно, чем во времена холодной войны, заявляет немецкий адмирал. Нам также сообщают, что

Россия обладает способностью разрушать телекоммуникационные кабели и другую инфраструктуру в Арктике, и что НАТО рассматривает это как угрозу.

Документальный фильм заканчивается кадрами, на которых изображены солдаты НАТО в северной Норвегии и северной Финляндии. Эти солдаты описываются как необходимый ответ на вооружение и потенциально агрессивные намерения России.

В то время как норвежские СМИ и документальный фильм «Арктика – ледяной фронт» в основном представляют Россию и Китай как главных инициаторов напряженности в Арктике, они зачастую игнорируют или преуменьшают значительную роль Вашингтона, Оттавы, Лондона и других стран НАТО в эскалации геополитического противостояния в регионе. Усиление военного присутствия НАТО, ярким примером которого стали масштабные учения 2024 года в Арктике с участием более 20 000 военнослужащих из 13 стран, свидетельствует о целенаправленной и провокационной стратегии милитаризации Высокого Севера. Создание, укрепление и модернизация военных баз в Скандинавии, особенно в северной Норвегии и Финляндии, а также вызывающие заявления, подобные угрозам бывшего президента США Дональда Трампа аннексировать Гренландию, в том числе силой, значительно повышают нестабильность и напряженность в регионе. Эти действия, часто подаваемые как вынужденный ответ на активность России или Китая, не только грозят превратить Арктику в арену ожесточенной конфронтации, но и подрывают ее потенциал как пространства для совместного экономического развития, экологической ответственности и международного сотрудничества. Более того, наращивание присутствия НАТО в Арктике, включая передовые операции по наблюдению и деятельность подводных лодок, отражает ту же агрессивную позицию, которую альянс приписывает своим противникам, создавая замкнутый круг недоверия и эскалации. Норвегия, как ключевой арктический игрок с существенными территориальными и юридическими правами в регионе, должна активно выступать за деэскалацию и решительно противостоять распространению военных баз в Скандинавии и Гренландии. Такие базы, вместо укрепления безопасности, дестабилизируют Арктику, подрывают доверие между арктическими государствами и ставят под угрозу перспективы мирного сотрудничества по ключевым вопросам, таким как управление ресурсами и смягчение последствий изменения климата. Оспаривая нарратив неизбежного конфликта и продвигая диалог, Норвегия может способствовать отходу Ар-

How the struggle to control the Arctic and the High North is portrayed in Norwegian mass media

*Bjorn Nistad,
independent journalist, Norway*

In this article, I will examine how the struggle to control the Arctic and the High North is portrayed in Norwegian mass media. I will take as my starting point “The Arctic – an icy frontline”, a British-produced documentary, which was shown by NRK, the national Norwegian broadcasting company, on March 23, 2025.

The documentary starts in a dramatic way. We are taken aboard an American surveillance plane operating in the Arctic to listen in on what is described as “the enemy”. Then, images are shown from a NATO exercise in the Arctic in 2024, an exercise that involved over 20,000 soldiers from 13 NATO countries.

We are told that Russia and China are increasing their presence in the Arctic. The race for the Arctic is due to climate change, the documentary explains. A warmer climate is causing the ice in the Arctic to melt. This makes it possible to exploit the natural resources – oil, gas, minerals – on the Arctic seabed. It provides new opportunities for fishing. It opens up new shipping routes. In addition, a warmer climate and less ice make it easier to deploy military equipment in the Arctic.

Russia is leading the race for the Arctic, both because of the country’s geographical position and because it has established military bases in the north, declares the documentary. A British security policy expert states that Russia perceives the Arctic as its property and not as something that belongs to a global community.

Next follows a discussion of China’s activities in the Arctic, which we are told are about access to fish resources and protection of maritime communication routes.

We want detente in the north. But we see that Russia and China are increasing their presence in the Arctic, and then we must be there too, states a German admiral.

We are then presented with images of what is described as NATO’s necessary presence in the Arctic, i.e. images of warships, warplanes and soldiers. This is followed by a description of the Arctic as a playground for submarines. Russia is acting more aggressively than during the Cold War, declares the German admiral. We are also told that Russia has developed the ability to destroy telecommunications cables and other infrastructure in the Arctic, and that NATO considers this a threat.

The documentary ends with images showing NATO soldiers in northern Norway and northern Finland. These soldiers are described as a necessary response to Russia’s armament and potentially aggressive intentions.

While Norwegian media and the documentary “The Arctic – an icy frontline” predominantly frame Russia and China as the primary drivers of tension in the Arctic, they frequently overlook or downplay the substantial contributions of Washington, Ottawa, London, and other NATO member states to the esca-

lating geopolitical rivalries in the region. The intensification of NATO's military presence, exemplified by the expansive 2024 Arctic exercise involving over 20,000 troops from 13 NATO countries, underscores a deliberate and provocative strategy to militarize the High North. The establishment, reinforcement, and modernization of military bases across Scandinavia—particularly in northern Norway and Finland—and the inflammatory rhetoric surrounding Greenland, most notably former US President Donald Trump's audacious threats to annex the island by force if necessary, significantly heighten regional instability and tensions. These actions, often presented as necessary countermeasures to Russian or Chinese activities, not only risk transforming the Arctic into a volatile theater of confrontation but also undermine the region's potential as a shared space for economic development, environmental stewardship, and international cooperation. Furthermore, the growing NATO footprint in the Arctic, including advanced surveillance operations and submarine activities, mirrors the aggressive posturing the alliance attributes to its adversaries, creating a self-perpetuating cycle of mistrust and escalation. Norway, as a pivotal Arctic stakeholder with significant territorial and legal claims in the region, must actively advocate for de-escalation and firmly oppose the proliferation of military bases in Scandinavia and Greenland. Such bases, far from enhancing security, serve to destabilize the Arctic, erode trust among Arctic states, and jeopardize the prospects for peaceful collaboration on critical issues like resource management and climate change mitigation. By challenging the narrative of inevitable conflict and promoting dialogue, Norway can help steer the Arctic away from militarization and toward a future of mutual benefit and stability.

The message in "The Arctic – an icy frontline" is repeated in the article "Putin will create an Arctic adventure for Russia: Has big ambitions", written by an NRK journalist and published by NRK on April 4, 2025. In this article we hear that the battle for the Arctic will intensify in the coming decades. We also hear that Russia has big ambitions in the Arctic, and that the country has undertaken a significant military build-up in the High North. At the same time, it is claimed that the war in Ukraine and the Western sanctions make it difficult for Russia to realize its ambitions in the Arctic. China is highlighted as a new player in the Arctic, a player that, unlike Russia and the United States, is primarily interested in the economic potential of the area.

In the article "The Arctic is no 'no man's land'", published in Dagsavisen, one of Norway's largest newspapers, on April 8, 2025, Hedda Langemyr, director of the Centre for Security and Total Defence, declares that Norway must define the narrative about what is happening in the Arctic. With reference to "The Arctic – an icy frontline", she emphasizes that the Arctic is not terra incognita, as the documentary seems to say, perhaps to promote British and French economic interests, but an area that Norway owns large parts of according to international law. At the same time, she claims that Russia, as a result of the Northern Fleet and the military bases on the Kola Peninsula, poses a greater threat to Norway than what is said in the documentary.

US President Donald Trump's statement that the US will take over Greenland, if necessary by military force, triggered a lot of comments from Norwegian politicians, experts and journalists who all condemned Trump's statements as unacceptable blackmail and power politics. Newspaper headlines such as "We are going to take Greenland" (Dagbladet 30.03.2025), "US arrogance towards Denmark and Greenland" (Nationen 14.04.2025) and "Trump still does not rule out the use of military force to take Greenland" (ABC News 04.05.2025) say it all.

In 2023, allegations appeared in the Norwegian mass media that Russian fishing boats were engaged in espionage. This sparked a debate that has continued to this day, especially in newspapers published in northern Norway. The debate resulted in headlines such as "Civilian Russian vessels spy in Norway – trawler 'waited' for nuclear submarine in Troms" (Aftaposten 19.04.2023),

тики от милитаризации и направить регион к будущему, основанному на взаимной выгоде и стабильности.

Идея, изложенная в статье «Арктика – ледяная линия фронта», повторяется в статье «Путин создаст арктическую авантюру для России: у него большие амбиции», написанной журналистом NRK и опубликованной NRK 4 апреля 2025 года. В этой статье мы узнаем, что в ближайшие десятилетия борьба за Арктику будет усиливаться. Мы также узнаем, что у России большие амбиции в Арктике и что страна предприняла значительное наращивание военной мощи на Крайнем Севере. В то же время утверждается, что война на Украине и западные санкции затрудняют реализацию Россией своих амбиций в Арктике. Китай выделяется как новый игрок в Арктике, игрок, который, в отличие от России и Соединенных Штатов, в первую очередь заинтересован в экономическом потенциале этого региона.

В статье «Арктика – это не "ничейная земля"», опубликованной в одной из крупнейших газет Норвегии «Дагсависен» 8 апреля 2025 года, директор Центра безопасности и тотальной обороны Хедда Лангемир заявляет, что Норвегия должна определить повествование о том, что происходит в Арктике. Ссылаясь на «Арктику – ледяную линию фронта», она подчеркивает, что Арктика – это не terra incognita, как, кажется, говорится в документальном фильме, возможно, для продвижения британских и французских экономических интересов, а территория, значительной частью которой Норвегия владеет в соответствии с международным правом. В то же время она утверждает, что Россия из-за Северного флота и военных баз на Кольском полуострове представляет большую угрозу для Норвегии, чем то, о чем говорится в документальном фильме.

Заявление президента США Дональда Трампа о том, что США захватят Гренландию, если потребуется, с помощью военной силы, вызвало множество комментариев со стороны норвежских политиков, экспертов и журналистов, которые осудили заявления Трампа как неприемлемый шантаж и силовую политику. Заголовки газет, такие как «Мы собираемся захватить Гренландию» (Dagbladet, 30.03.2025), «Высокомерие США по отношению к Дании и Гренландии» (Nationen, 14.04.2025) и «Трамп по-прежнему не исключает применения военной силы для захвата Гренландии» (ABC News, 04.05.2025), говорят сами за себя.

В 2023 году в норвежских СМИ появились утверждения о том, что российские рыболовецкие суда занимались шпионажем. Это вызвало дискуссию, которая продолжается по сей день,

особенно в газетах, издаваемых в Северной Норвегии. Результатом дискуссии стали такие заголовки, как «Гражданские российские суда шпионят в Норвегии – траулер “поджидал” атомную подводную лодку в Тромсе» (Altaposten, 19.04.2023), «Более 500 случаев шпионажа за 10 лет: Рыболовецкие суда ведут российскую разведку против Норвегии, утверждает начальник береговой охраны» (Кистенс Нерингслив, 20.06.2024) и «Неужели мы наивны, когда речь заходит о российском саботаже и шпионаже на море?» (Первая финмарка 16.01.2025).

Несколько лет назад, в 2015 году, норвежские СМИ наделали много шума в связи с визитом на Шпицберген российского политика Дмитрия Рогозина, который находится в санкционном списке Запада. Визит, который вызвал официальный норвежский протест, был воспринят как российская провокация. В то же время норвежские эксперты в области международного права отметили, что Норвегия мало что могла сделать. Такие заголовки, как «Министерство иностранных дел просит объяснить нежелательный визит России на Шпицберген» (Dagbladet, 18.04.2025), «Явный удар по Норвегии» (NRK, 19.04.2025) и «Эксперт по России: Норвегия мало что может сделать» (NRK, 20.04.2025), дают представление о ходе дискуссии.

Если попытаться обобщить то, как вопросы, связанные с Арктикой и Крайним Севером, освещаются в норвежских средствах массовой информации, то главный вывод будет заключаться в том, что норвежские средства массовой информации мало интересуются Арктикой и Крайним Севером. Арктике и Крайнему Северу уделяется лишь малая часть того внимания, которое уделяется таким темам, как война на Украине, ситуация на Ближнем Востоке и Дональд Трамп. Только в ситуациях, когда происходит что-то экстраординарное, например, угроза Дональда Трампа аннексировать Гренландию или визит Дмитрия Рогозина на Шпицберген, в средствах массовой информации можно найти большое количество сообщений, связанных с Арктикой и Крайним Севером.

Сообщения о том, что российские рыболовецкие суда занимаются шпионажем, которые регулярно появляются в норвежских СМИ, являются частью серии утверждений о том, что Россия шпионит за Норвегией, пытается завербовать норвежских граждан в качестве шпионов или готовит диверсионные акции, направленные против норвежских объектов.

Такой документальный фильм, как «Арктика – ледяная линия фронта», можно назвать манипулятивным, поскольку он сочетает нейтральную информацию – например, о том, что потепление климата и таяние льдов открыли

“More than 500 espionage cases in 10 years: Fishing vessels conduct Russian intelligence against Norway, says coast guard chief” (Kystens Næringsliv 20.06.2024) and “Are we naive when it comes to Russian sabotage and espionage at sea?” (I Finmark 16.01.2025).

A few years ago, in 2015, there was quite a stir in the Norwegian mass media related to the visit of Russian politician Dmitry Rogozin, who is on a Western sanctions list, to Svalbard. The visit, which resulted in an official Norwegian protest, was perceived as a Russian provocation. At the same time, Norwegian international law experts pointed out that there was little Norway could do. Headlines such as “Ministry of Foreign Affairs asks for explanation of unwanted Russian visit to Svalbard” (Dagbladet 18.04.2025), “A clear kick against Norway” (NRK 19.04.2025) and “Russia expert: Little Norway can do” (NRK 20.04.2025) give an impression of the debate.

If one were to attempt to summarize the way questions related to the Arctic and the High North are portrayed in Norwegian mass media, the main conclusion would be that there is little interest in the Arctic and the High North in Norwegian mass media. The Arctic and the High North receive only a fraction of the attention that is directed at topics such as the war in Ukraine, the situation in the Middle East and Donald Trump. Only in situations where something extraordinary happens, such as Donald Trump’s threat to annex Greenland and Dmitry Rogozin’s visit to Svalbard, can you find a large number of reports in mass media related to the Arctic and the High North.

The reports that Russian fishing vessels are engaged in espionage, which appear at regular intervals in Norwegian mass media, are part of a series of allegations that Russia is spying on Norway, trying to recruit Norwegian citizens as spies or preparing sabotage actions aimed at Norwegian targets.

A documentary like “The Arctic – an icy frontline” can be said to be manipulative in that it combines neutral information – such as that warmer climate and melting ice have opened up a geopolitical and economic game in the Arctic – with claims that Russia has aggressive intentions.

At the same time, Russia is portrayed as a great power that has managed to gain an upper hand in the Arctic. This is an expression of respect. The portrayal of Russia in “The Arctic – an icy frontline”, and other media reports about the Arctic and the High North, is reminiscent of the way the Soviet Union was described during the Cold War. The Soviet Union was portrayed as a threat, but also as a superpower that the West had every reason to take seriously. This is clearly different from the Russophobic, racist portrayals of Russia and Russians that we unfortunately find in Western mass media today, where Russians are portrayed as cruel barbarians and subhumans. ■

возможности для геополитической и экономической игры в Арктике – с утверждениями об агрессивных намерениях России.

В то же время Россия изображается как великая держава, которой удалось одержать верх в Арктике. Это выражение уважения. Изображение России в «Арктике – ледяном фронте» и других сообщениях СМИ об Арктике и Крайнем Севере напоминает то, как описывали Советский Союз во времена холодной войны. Советский Союз изображался не только как угроза, но и как сверхдержава, к которой у Запада были все основания относиться серьезно. Это явно отличается от русофобского, расистского изображения России и русских, которое мы, к сожалению, встречаем сегодня в западных СМИ, где русских изображают жестокими варварами и недочеловеками. ■

Геополитические устремления Турции в Арктике:

Керимов Малик,

доктор политических наук, преподаватель факультета Международных отношений и политологии Стамбульского и Халиджского университетов, Координатор Межпарламентской группы дружбы России и Турции

По мере того, как Арктика превращается в центр геополитических интересов, что обусловлено изменением климата и открытием новых морских путей и богатыми ресурсами территорий, Турция становится активным неарктическим государством, стремящимся утвердить свое присутствие в регионе. В этой статье рассматриваются многогранные геополитические цели Турции в Арктике, включая научную дипломатию, экономические амбиции и стратегическое позиционирование.

1. НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПУТЬ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В АРКТИКЕ

Участие Турции в арктических делах подкрепляется твердой приверженностью научным исследованиям. Важным шагом стало создание в 2015 году Центра полярных исследований Стамбульского технического университета (ITU PolReC), за которым последовало открытие в 2019 году Института полярных исследований при Исследовательском центре ТЮБИТАК Мармара (KARE). Эти учреждения возглавляют инициативы Турции в области полярных исследований, организуя ежегодные экспедиции и укрепляя международное сотрудничество.

переход к новому полярному порядку

«Национальная стратегия в области полярной науки на 2023-2035 годы» формулирует видение Турции по достижению научного совершенства, повышению осведомленности общественности о полярных регионах и обеспечению устойчивости национальных исследований в Арктике. Посредством этих усилий Турция стремится укрепить свой научный авторитет, тем самым узаконив свою роль в управлении Арктикой

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ: ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Огромные запасы углеводородов и полезных ископаемых в Арктике открывают выгодные возможности. Присоединение Турции к Договору о Шпицбергене в 2023 году дает ей право заниматься коммерческой деятельностью, включая добычу полезных ископаемых и судоходство, на архипелаге Шпицберген. Этот шаг согласуется с более широкой стратегией Турции по диверсификации источников энергии и обеспечению доступа к важнейшему сырью.

Более того, развитая судостроительная отрасль Турции, входящая в число ведущих в мире, позиционирует ее как потенциального игрока в строительстве судов ледового класса, необходимых для навигации в Арктике. Используя свой промышленный потенциал, Турция стремится интегрироваться в формирующийся экономический ландшафт Арктики. Турция также видит потенциал в арктическом рыболовстве, поскольку потепление климата приводит к перемещению рыбных

Turkey's Geopolitical Aspirations in the Arctic: Navigating the New Polar Order

Malik Kerimov,

Doctor of Political Sciences, Lecturer at the Faculty of International Relations and Political Science at Istanbul and Hala Universities, Turkey.

Coordinator of the Interparliamentary Friendship Group of Russia and Turkey.

As the Arctic transforms into a nexus of geopolitical interest, driven by climate change and the unveiling of new maritime routes and resource-rich territories, Turkey emerges as a proactive non-Arctic state seeking to assert its presence in the region. This article delves into Turkey's multifaceted geopolitical objectives in the Arctic, encompassing scientific diplomacy, economic ambitions and strategic positioning.

1. SCIENTIFIC DIPLOMACY: A GATEWAY TO ARCTIC ENGAGEMENT

Turkey's foray into Arctic affairs is underpinned by a robust commitment to scientific research. The establishment of the Istanbul Technical University Polar Research Center (ITU PolReC) in 2015 marked a significant step, followed by the inauguration of the TÜBİTAK Marmara Research Center's Polar Research Institute (KARE) in 2019. These institutions spearhead Turkey's polar research initiatives, facilitating annual expeditions and fostering international collaborations.

The "National Polar Science Strategy 2023–2035" articulates Turkey's vision to achieve scientific excellence, enhance public awareness about polar regions, and ensure the sustainability of national Arctic research. Through these endeavors, Turkey aims to bolster its scientific credentials, thereby legitimizing its stake in Arctic governance.

Многогранный подход Турции к Арктике, объединяющий научные исследования, экономические инициативы, стратегические альянсы и культурные связи, подчеркивает ее стремление быть признанной в качестве важной заинтересованной стороны в регионе.

Turkey's multifaceted approach to the Arctic, integrating scientific research, economic ventures, strategic alliances, and cultural connections, underscores its ambition to be recognized as a significant stakeholder in the region.

2. ECONOMIC AMBITIONS: TAPPING INTO ARCTIC RESOURCES

The Arctic's vast reserves of hydrocarbons and minerals present lucrative opportunities. Turkey's accession to the Svalbard Treaty in 2023 grants it rights to engage in commercial activities, including mining and shipping, in the Svalbard archipelago. This move aligns with Turkey's broader strategy to diversify its energy sources and secure access to critical raw materials.

Moreover, Turkey's advanced shipbuilding industry, ranked among the top globally, positions it as a potential player in constructing ice-class vessels essential for Arctic navigation. By leveraging its industrial capabilities, Turkey seeks to integrate into the Arctic's emerging economic landscape. Turkey also sees potential in Arctic fisheries, as warming seas shift fish stocks northward. Turkish companies, which have extensive experience in international fishery operations, could seek licenses to operate in Arctic waters, leveraging their logistical and processing capacities.

Furthermore, Turkey is positioning itself to take advantage of emerging Arctic maritime trade routes, especially the Northern Sea Route (NSR), which significantly shortens transit times between Asia and Europe. This aligns with Turkey's broader ambition to become a central energy and logistics hub connecting East and West. Investments in Arctic-adapted shipbuilding technology, ice-class shipping, and port infrastructure could strengthen Turkey's role in the global supply chain.

Additionally, Turkish construction and engineering firms – already active in infrastructure projects across Eurasia – may seek opportunities in developing Arctic port facilities, scientific bases, and undersea pipelines in cooperation with Arctic nations.

запасов на север. Турецкие компании, имеющие большой опыт в международных рыболовных операциях, могли бы получить лицензии на ведение деятельности в арктических водах, используя свои логистические и перерабатывающие мощности.

Также Турция готовится использовать преимущества новых морских торговых маршрутов в Арктике, особенно Северного морского пути (СМП), который значительно сокращает время транзита между Азией и Европой. Это соответствует более широким амбициям Турции стать центральным энергетическим и логистическим узлом, соединяющим Восток и Запад. Инвестиции в адаптированные к Арктике технологии судостроения, судоходство ледового класса и портовую инфраструктуру могут укрепить роль Турции в глобальной цепочке поставок.

Турецкие строительные и инженеринговые фирмы, которые уже участвуют в инфраструктурных проектах по всей Евразии, могут искать возможности для развития арктических портовых сооружений, научных баз и подводных трубопроводов в сотрудничестве с арктическими странами.

3. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ: УСИЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Арктические устремления Турции продиктованы стратегическими соображениями. Меняющаяся динамика безопасности в регионе, характеризующаяся усилением военной активности и соперничеством великих держав, подчеркивает важность создания плацдарма. Это означает, что арктические амбиции Турции коренятся не только в науке и торговле, но и в ее желании утвердиться в качестве средней державы во все более многополярном мире. Меняющийся геополитический ландшафт Арктики, определяемый усиливающейся конкуренцией между Соединенными Штатами, Россией и Китаем, привлекает внимание Турции к этому региону как к новой области, имеющей стратегическое значение.

Несмотря на то, что Турция не имеет прямого арктического побережья, ее членство в НАТО дает ей геополитическое преимущество в вопросах безопасности в Северной Атлантике, которые в настоящее время все чаще пересекаются с арктическими делами. Потенциальная роль Турции в качестве балансира

или посредника между западными субъектами в Арктике и незападными интересами может усилить ее дипломатические рычаги. Эта динамика была очевидна во время недавних обсуждений в НАТО вопросов безопасности в Арктике, на которых Турция подчеркнула важность включения неарктических союзников НАТО в стратегическое планирование.

Заявка Турции на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете, поданная в 2015 году, также отражает ее стратегическое стремление участвовать в формировании норм и управления регионом. Хотя заявка находится на рассмотрении, Турция продолжает выстраивать двусторонние отношения с членами Арктического совета, особенно с Россией и Северными государствами, в рамках прагматичной и диверсифицированной политики в Арктике.

Примечательно, что Анкара углубила свое сотрудничество с Москвой, включая совместные проекты по строительству судов арктического класса и сотрудничество в области энергетической логистики, связанной с Северным морским путем. В то же время Турция поддерживает растущие дипломатические связи с Норвегией, Финляндией и Швецией, уравнивая свое стратегическое взаимодействие как с западными, так и с незападными арктическими державами.

Придерживаясь многовекторной стратегии, сочетающей в себе ориентацию на НАТО, двустороннюю дипломатию и институциональное взаимодействие, Турция стремится внедриться в структуры принятия решений в Арктике и позиционировать себя как значимого участника формирующейся архитектуры безопасности и экономики Крайнего Севера.

ВЫВОД

Многогранный подход Турции к Арктике, объединяющий научные исследования, экономические инициативы, стратегические альянсы и культурные связи, подчеркивает ее стремление быть признанной в качестве важной заинтересованной стороны в регионе. Поскольку Арктика продолжает приобретать все большее значение на мировой арене, активная политика и инициативы Турции позволяют ей играть влиятельную роль в формировании будущего этого стратегически важного региона. ■

3. STRATEGIC POSITIONING: ENHANCING GEOPOLITICAL INFLUENCE

Turkey's Arctic aspirations are also driven by strategic considerations. The region's evolving security dynamics, marked by increased military activities and great power rivalries, underscore the importance of establishing a foothold. It means that Turkey's Arctic ambitions are rooted not only in science and commerce but also in its desire to assert itself as a middle power in an increasingly multipolar world. The Arctic's shifting geopolitical landscape – defined by intensified competition between the United States, Russia, and China – has drawn Turkey's attention to the region as a new domain of strategic relevance.

While Turkey lacks a direct Arctic coastline, its NATO membership gives it a geopolitical vantage point over North Atlantic security issues, which now increasingly intersect with Arctic affairs. Turkey's potential role as a balancer or mediator between Western Arctic actors and non-Western interests could enhance its diplomatic leverage. This dynamic was evident during recent NATO deliberations on Arctic security, where Turkey highlighted the importance of including non-Arctic NATO allies in strategic planning.

Turkey's observer application to the Arctic Council, submitted in 2015, also reflects its strategic desire to participate in shaping the norms and governance of the region. Although the application remains under consideration, Turkey continues to build bilateral relationships with Arctic Council members – especially Russia and the Nordic states – as part of a pragmatic and diversified Arctic policy.

Notably, Ankara has deepened its cooperation with Moscow, including joint shipbuilding projects for Arctic-class vessels and collaboration on energy logistics concerning the NSR. At the same time, Turkey maintains growing diplomatic outreach to Norway, Finland, and Sweden, balancing its strategic engagement with both Western and non-Western Arctic powers.

By pursuing a multi-vector strategy – combining NATO alignment, bilateral diplomacy, and institutional engagement – Turkey aims to embed itself in Arctic decision-making structures and position itself as a relevant actor in the emerging security and economic architecture of the High North.

CONCLUSION

Turkey's multifaceted approach to the Arctic, integrating scientific research, economic ventures, strategic alliances, and cultural connections, underscores its ambition to be recognized as a significant stakeholder in the region. As the Arctic continues to gain prominence on the global stage, Turkey's proactive policies and initiatives position it to play an influential role in shaping the future of this strategically vital area. ■

Стратегическая конвергенция Индии и России в глобальном порядке

В современном динамичном мире с разнообразными ландшафтами и расходящимися национальными интересами борьба за природные ресурсы значительно усилила напряженность в Арктическом регионе, что полностью изменило регион в геополитическом плане. Географическое положение Российской Федерации, занимающей более 53% территории Арктического региона, позволяет ей возглавлять любое стратегическое взаимодействие, защищая свои собственные стратегические интересы. Принимая во внимание, что Индия с ее Арктической политикой до 2022 года, критическими научными исследованиями и устойчивыми практиками, а также прочным партнерством с Россией, твердо намерена сотрудничать на постоянно развивающемся театре военных действий, ориентируясь на согласованные национальные интересы, экономическую надежность, энергетическую безопасность, научные исследования и стратегическую приверженность во главу угла.

Маниш Кумар Сингх,
помощник директора,
офис вице-канцлера (морские исследования),
Индия

Исторически сложилось так, что одним из старейших и наиболее важных дипломатических событий для независимой Индии стало официальное установление индийско-российских отношений 13 апреля 1947 года. Это подчеркнуло взаимное понимание стратегической важности друг друга, а также заложило основу для будущего альянса, построенного на взаимном доверии и сотрудничестве.

Подписание индо-советского договора о мире, дружбе и сотрудничестве в августе 1971 года стало еще одной важной вехой для двух стран. В период обострения конфликтной и похожей на войну ситуации в регионе Южной Азии две страны подписали вышеупомянутый договор о создании стратегического альянса. В соответствии с указанным договором Россия полностью поддержала Индию во время войны за освобождение Бангладеш (ранее известной как Восточный Пакистан), освободив ее от зверств и преступлений против человечности (в основном женщин и детей), совершенных Пакистаном. Эти стратегические отношения были необходимы для сохранения регионального баланса сил в регионе Индийского океана против Соединенных Штатов в то время.

India and Russia Strategic Convergence in Global Order

*Mr. Manish Kumar Singh,
Assistant Director, Vice Chancellor Office
(Maritime Studies),
India*

In today's dynamic world with varied landscapes and diverging national interests, race for natural resources has significantly increased contestation in the Arctic region, which has totally transformed the region geopolitically. With Russian Federation having more than 53% of the Arctic region geographically with itself, allows it to lead any strategic engagement, protecting and safeguarding the strategic interest of its own. Whereas India with its India's Arctic Policy 2022, critical scientific study and sustainable practices, along with a strong partnership with Russia makes it stand committed to collaborate in ever-evolving theatre with aligned national interests, economic reliability, energy security, scientific study and strategic commitment at the forefront.

Historically, one of the oldest and most important diplomatic engagement for an independent India was the formal establishment of India-Russia rela-

tions on April 13, 1947. It emphasized the mutual understanding of each other's strategic importance, as well as developed a base for futuristic alliance built on mutual trust and cooperation.

The signing of the Indo-Soviet Treaty of Peace, Friendship, and Cooperation in August 1971 was another major milestone for the two nations. During a period of high conflict and war like situation in the South Asia region, the two nations signed the afore-mentioned treaty to establish a strategic alliance. Under the said treaty Russia fully backed India during the war to liberate Bangladesh (previously known as East Pakistan), making it free from the atrocities and crime against humanity (mostly women and children) committed by Pakistan. This strategic relationship was essential for safeguarding and protecting a regional balance of power in the Indian ocean region against the United States at that time.

Within global discussions especially diplomatic exchanges between the two countries is continued over the years. The two states have been working in field of science, diplomacy, defence and space technology, international cooperation and cultural exchange with a common goal of shifting hegemony in a multipolar global order. India along with Russia's ongoing mutually beneficial cooperation constitutes proof of their mutual trust and respect for one another.

STRATEGIC CONVERGENCE

The two governments have established a strong defence and modern technology cooperation that involves important joint ventures and strategic collaborations. The foundation of this partnership is the BrahMos supersonic cruise missile system, which was developed jointly by Russia's NPO Mashinostroyeniya and India's Defence Research and Development Organization (DRDO) under the aegis of BrahMos Aerospace joint venture, which was founded in 1998. India's defence architecture advanced by securing and safeguarding its borders through multiple BrahMos missile versions, that are capable of being launched from land, sea, and air mediums.

India is considering to produce a more sophisticated BrahMos missile system in consultation with the Russian counterparts, following the nation's successful precision attack on Pakistan during Operation Sindoor on May 6–7, 2025. Recently, on the same lines, with 300 crore rupee investments, an entirely new BrahMos missile system manufacturing facility has been inaugurated in Lucknow, Uttar Pradesh. The same move is totally aligned with the Indian government "Make in India" initiative, aiming to provide a boost and bolster its indigenous defence manufacturing capabilities.

Additionally, India – Russia defence cooperation entered into another strategic engagement with the agreement and procurement of the S-400 Triumf air defence systems. India signed a deal with Russia in 2018 to acquire five units of advanced air defence systems. Currently, three out of five units have been delivered to India, with the remaining two to be delivered

В рамках глобальных дискуссий на протяжении многих лет продолжают дипломатические обмены между двумя странами. Два государства работают в области науки, дипломатии, оборонных и космических технологий, международного сотрудничества и культурного обмена с общей целью смены гегемонии в многополярном мировом порядке. Продолжающееся взаимовыгодное сотрудничество Индии и России является доказательством их взаимного доверия и уважения друг к другу.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ

Правительства двух стран наладили тесное сотрудничество в области обороны и современных технологий, которое включает в себя создание важных совместных предприятий и стратегическое сотрудничество. Основой этого партнерства является система сверхзвуковых крылатых ракет BrahMos, которая была разработана совместно российским НПО машиностроения и индийской организацией оборонных исследований и разработок (DRDO) под эгидой совместного предприятия BrahMos Aerospace, основанного в 1998 году. Оборонная архитектура Индии продвинулась вперед благодаря обеспечению безопасности своих границ с помощью нескольких модификаций ракет «Брамос», которые могут быть запущены с суши, моря и воздуха.

Индия рассматривает возможность производства более совершенной ракетной системы «Брамос» в консультации с российскими коллегами после успешного высокоточного удара по Пакистану в ходе операции «Синдур» 6-7 мая 2025 года. Недавно в том же духе, с инвестициями в размере 300 крор рупий, в Лакхнау, штат Уттар-Прадеш, было открыто совершенно новое предприятие по производству ракетных комплексов «Брамос». Этот шаг полностью согласуется с инициативой правительства Индии «Делай в Индии», направленной на стимулирование

и укрепление собственного оборонного производственного потенциала.

Кроме того, российско-индийское сотрудничество в области обороны стало еще одним стратегическим шагом в рамках соглашения о закупке систем противовоздушной обороны С-400 «Триумф». В 2018 году Индия подписала с Россией соглашение о приобретении пяти единиц современных систем противовоздушной обороны. В настоящее время три из пяти единиц уже доставлены в Индию, а оставшиеся две должны быть доставлены в надлежащее время.

Кроме того, 9 декабря 2024 года военно-морские силы Индии ввели в строй многоцелевой ракетный фрегат-невидимку INS Tushil (F70) на верфи «Янтарь» в Калининграде, Россия. Это судно относится к классу P1135.6, известному своими усовершенствованными функциями скрытности и универсальностью в различных боевых сценариях. На церемонии ввода в эксплуатацию присутствовал министр обороны Индии Шри Раджнат Сингх, подчеркнувший стратегическую важность этого дополнения к военно-морскому флоту Индии.

Кроме того, с 28 марта по 2 апреля 2025 года две страны провели двусторонние военно-морские учения «ИНДРА-2025», которые являются примером оперативной синергии между ВМС Индии и ВМФ России. В ходе этих учений основное внимание уделялось совместным маневрам, тактическим операциям и взаимодействию между двумя силами, что укрепляло их приверженность безопасному и стабильному мировому морскому порядку.

Таким образом, постоянное сотрудничество в области обороны между Индией и Россией на уровне государственных органов, государственного и частного секторов и взаимодействие между частными лицами отражает общую приверженность укреплению национальной безопасности и технологическому прогрессу в стране.

in due course of time.

Furthermore, on December 9, 2024, the Indian Navy commissioned INS Tushil (F70), a multi-role stealth-guided missile frigate, at the Yantar Shipyard in Kaliningrad, Russia. This vessel is part of the P1135.6 class, known for its advanced stealth features and versatility in various combat scenarios. The commissioning ceremony was attended by India's Defence Minister, Shri Rajnath Singh, highlighting the strategic importance of this addition to India's naval fleet.

Also, the two-country carried out bilateral naval exercise INDRA-2025, conducted from March 28 to April 2, 2025, which exemplifies the operational synergy between the Indian Navy and Russian Navy. This exercise focused on joint manoeuvres, tactical operations and interoperability between the two forces, reinforcing their commitment to a safe and secure stable global maritime order.

Therefore, a continuous public-to-public; public-to-private and private-to-private defence collaboration and engagement between India and Russia reflecting a shared commitment towards strengthening national security and technological advancements in the country.

NAVIGATING GEOPOLITICAL INTERESTS

India's steadfast neutral position in the ongoing conflict between Russia and Ukraine is indicative of its unique strategic autonomy. India has clearly maintained and carried on its commitments with Russia with its clear stance requesting to end the conflict through negotiations. Continued collaboration in the areas of science, technology, defence, and energy security has been made easier through this encouraging support. In order to maintain trade relations, the two nations have additionally set up alternating ways to pay, irrespective of new sanctions imposed by European Union and other states.

The import of a certain type of lighter crude oil from Russia to India has observed significant increase, reaching an all-time high of around 1.8 million barrels per day as of May 2025. In addition, highlighting India's expanding energy needs ensuring its security for Indian households, businesses and overall consumption, this pragmatic approach ensures clear energy transition from traditional and more polluting practices, strengthening sustainable environmental and economic development ties between the two nations.

POLAR ENDEAVOUR

India's Arctic journey began in July 2008 with the opening of the Himadri polar research station in Ny-Ålesund, Svalbard, Norway. Under the aegis of Ministry of Earth Sciences (MoES) through its specialized National Centre for Polar and Ocean Research (NCPOR), carries out and manages all In-

УЧЕТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Твердая нейтральная позиция Индии в продолжающемся конфликте между Россией и Украиной свидетельствует о ее уникальной стратегической автономии. Индия четко придерживается своих обязательств перед Россией и выполняет их, придерживаясь четкой позиции, требующей прекращения конфликта путем переговоров. Эта обнадеживающая поддержка способствовала дальнейшему сотрудничеству в области науки, техники, обороны и энергетической безопасности. Для поддержания торговых отношений две страны дополнительно установили альтернативные способы оплаты, независимо от новых санкций, введенных Европейским союзом и другими государствами.

Импорт некоторых видов легкой сырой нефти из России в Индию значительно увеличился, достигнув рекордного уровня в 1,8 миллиона баррелей в день по состоянию на май 2025 года. Кроме того, подчеркивая растущие потребности Индии в энергии, обеспечивая безопасность индийских домохозяйств, предприятий и общего потребления, этот прагматичный подход обеспечивает четкий переход от традиционных и более загрязняющих окружающую среду методов использования энергии, укрепляя устойчивые связи в области охраны окружающей среды и экономического развития между двумя странами.

Полярное путешествие Индии в Арктику началось в июле 2008 года с открытия полярной исследовательской станции Химадри в Нью-Олесунне, Шпицберген, Норвегия. Под эгидой Министерства наук о Земле (MoES) через свой специализированный Национальный центр полярных и океанических исследований (NCPOR) проводит и управляет всеми научными исследованиями Индии в Арктике, которые в основном сосредоточены на морской биологии, гляциологии и атмосферных науках. Кроме того, в 2014 году Индия еще больше расширила свои исследовательские возможности, развернув IndARC, подводную обсерваторию на якоре в Конгсфьорде, Шпицберген, для изучения влияния Арктики на индийские муссоны.

Чтобы постоянно отслеживать изменения в наблюдениях, правительство Индии в декабре 2023 года объявило, что ее научное сообщество будет присутствовать в Арктике в течение всего года, став четвертой страной, которая делает это, подчеркнув свою приверженность полярным исследованиям и изучению климата. Кроме того, некоторые аспекты российско-индийского сотрудниче-

дian scientific study in the Arctic, which generally focuses upon marine biology, glaciology and atmospheric sciences. Additionally, in the year 2014, India further expanded its research capabilities by deploying IndARC, an underwater moored observatory in Kongsfjorden, Svalbard, to study the Arctic's influence on the Indian monsoon.

To continuously keep track of changes in the observation, the Indian government in December 2023 announced that its scientific community is going to be present around the year in the Arctic, becoming the fourth nation to do so, underscoring its commitment towards polar research and climate studies. In addition, few of the India – Russia Arctic collaboration through various agreements and joint initiatives is as follows:

- in July 2024, India and Russia through their government polar research institutions NCPOR and the Arctic and Antarctic Research Institute of Russia entered into an MoU to enhance cooperation in polar research and logistics;
- among the two states a comprehensive program has been established for 2024–2029 to facilitate trade and investment in Russia's Far East and Arctic regions, focusing on sectors like energy, mining and maritime transport;
- given the Northern Sea Route's (NSR) strategic significance, Russia and India have decided to establish this maritime route for the safe and dependable transportation of goods. It has been suggested that this project be monitored by a joint working body under the India-Russia Intergovernmental Commission on Trade, Economic, Scientific, Technological, and Cultural Cooperation. The development of the NSR aims to enhance trade connectivity and economic cooperation between the two nations;

ства в Арктике в рамках различных соглашений и совместных инициатив заключаются в следующем:

- в июле 2024 года Индия и Россия через свои государственные полярные исследовательские институты NCPOR и Российский арктический и антарктический научно-исследовательский институт подписали меморандум о взаимопонимании по расширению сотрудничества в области полярных исследований и логистики;
- между двумя государствами была разработана комплексная программа на 2024-2029 годы по содействию торговле и инвестициям на Дальнем Востоке и в Арктических регионах России с акцентом на такие секторы, как энергетика, горнодобывающая промышленность и морской транспорт;
- учитывая стратегическое значение Северного морского пути (СМП), Россия и Индия решили проложить этот морской маршрут для безопасной и надежной транспортировки грузов. Было предложено, чтобы мониторинг этого проекта осуществлялся совместным рабочим органом при Российско-индийской межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-

• furthermore, India's intention to secure energy resources and take part in the development of the Northern Sea Route (NSR) is demonstrated by the latest investments in Russian Arctic energy projects, which includes a \$15 billion commitment. This partnership places India as an interested party in Arctic geopolitics while also diversifying its energy portfolio.

CONVERGING STRATEGIES

The focus on regional stability, protection of national interests and sovereignty, and partnership expansion are the pillars of the Russian and India's national security strategies. Accordingly, India acknowledges the Russia's part of Arctic region and its strategic importance, and have been supportive to Russia's leadership in the Arctic related international forums and platforms (Institut Montaigne 2021). From boosting diplomatic ties to initiate collaborative projects in the Arctic in the domains of energy exploration, creation of infrastructure, and scientific study related to ocean-warming, climate change, etc. to promote a multipolar model of regional governance.

A WAY FORWARD

Based on ineffective polarization of European Union against Russia, with the strategic support and longstanding friendship with its allies mostly India and China. Russia's partnership is well-positioned to handle out the challenges of the Arctic frontier or other regions in the world. Both countries can support and assist to balance the instability in the region, promoting advancement of the polar region by integrating their economic interests and national security strategies. India-Russia partnership provides proof of a long-term and expanding association as the Arctic turns into a new region of geopolitical significance. ■

ческих связей до инициирования совместных проектов в Арктике в области освоения энергетических ресурсов, создания инфраструктуры и научных исследований, связанных с потеплением океана, изменением климата и т.д., до продвижения многополярной модели регионального управления.

ПУТЬ ВПЕРЕД

Основанный на неэффективной поляризации Европейского Союза против России, при стратегической поддержке и давней дружбе с его союзниками, в основном с Индией и Китаем. Партнерство с Россией имеет хорошие возможности для решения проблем, связанных с арктическими границами или другими регионами мира. Обе страны могут поддерживать и помочь сбалансировать нестабильность в регионе, способствуя развитию полярного региона путем интеграции своих экономических интересов и стратегий национальной безопасности. Партнерство Индии и России является доказательством долгосрочного и расширяющегося сотрудничества, поскольку Арктика превращается в новый регион, имеющий геополитическое значение. ■

техническому и культурному сотрудничеству. Развитие СМП направлено на укрепление торговых связей и экономического сотрудничества между двумя странами;

• кроме того, намерение Индии обеспечить себя энергетическими ресурсами и принять участие в развитии Северного морского пути (СМП) подтверждается последними инвестициями в российские арктические энергетические проекты, которые включают обязательства на сумму 15 миллиардов долларов. Это партнерство делает Индию заинтересованной стороной в арктической геополитике, одновременно диверсифицируя ее энергетический портфель.

СБЛИЖЕНИЕ СТРАТЕГИЙ

Акцент на региональной стабильности, защите национальных интересов и суверенитета, а также расширении партнерства является основой стратегий национальной безопасности России и Индии. Соответственно, Индия признает российскую часть Арктического региона и его стратегическую важность и поддерживает лидерство России на международных форумах и платформах, связанных с Арктикой. От укрепления дипломати-

Российская Арктика: от геополитики к обычной жизни в регионе и к военному противостоянию с другими странами

Мухин Алексей Алексеевич,
генеральный директор
РОО «Центр политической информации»,
Россия

Избранный американским президентом Дональд Трамп объявил, что США нужна Гренландия и Канада, так как они планируют стать большей арктической державой, чем Россия. Это можно понять. Но как это соотносится с международным правом, объяснить даже не сложно – невозможно. Впрочем, довольно быстро планы присоединения новых территорий были отложены до лучших времен, которые, видимо, настанут, когда встанет вопрос о новом сроке Д.Трампа.

The Russian Arctic: from geopolitics to ordinary life in the region and to military confrontation with other countries

*Alexey Mukhin,
General Director of the Center for Political Information,
Russia*

US President-elect Donald Trump has announced that the US needs Greenland and Canada, as they plan to become a bigger Arctic power than Russia. That's understandable. But how this relates to international law is not even difficult to explain - it is impossible. However, plans to annex new territories were quickly postponed until better times, which will probably come when the question of D. Trump's new term arises.

The United States has a lot to fight for in the Arctic: in total, the Arctic Ocean contains about 25% of the world's hydrocarbon reserves - 90 billion barrels of oil, 48.3 trillion cubic meters of gas and 44 billion barrels of gas condensate.

Moreover, there is a Russian example nearby: according to explored offshore reserves, up to 5 billion tons of hydrocarbons are located on the Lomonovsky Ridge, which belongs to Russia and was discovered back in 1948. It is clear that the development of these resources requires significant technical efforts and financial costs.

Бороться США в Арктике есть за что: всего в Северном Ледовитом океане содержится около 25% мировых запасов углеводородов - 90 млрд баррелей нефти, 48,3 трлн кубометров газа и 44 млрд баррелей газового конденсата.

Тем более что рядом российский пример: на Ломоновском хребте, принадлежащем России, открыто ещё в 1948 году, согласно разведанным шельфовым запасам, расположено до 5 млрд тонн углеводородов. Понятно, что освоение этих ресурсов требует значительных технических усилий и финансовых затрат.

Западные страны не зря рассчитывают с помощью вовлечения России в военный конфликт на Украине и военных действий «на истощение», санкций и других незаконных ограничений, получить определённое преимущество как раз в Арктике.

Кстати, в своё время Россия разведала, что горный хребет Ломоносова является продол-

жением Сибирского континентального шельфа и теперь претендует на юрисдикцию более 1,2 миллиона квадратных километров, включая Северный полюс.

В свою очередь, Дания утверждает, что подводный горный хребет является продолжением Гренландии и тоже претендует на 0,885 млн квадратных километров морского дна и Северный полюс.

Многострадальная Канада также подала в суд, утверждая, что горный хребет является континентальным продолжением острова Элсмир и Канадского Арктического архипелага, она претендует на площадь 1,2 миллиона квадратных километров, включая Северный полюс.

А теперь и США претендуют на 0,6 млн квадратных километров Арктики в районе Аляски.

Так что попытка «связать» Россию военным

Western countries do not expect in vain to gain a certain advantage in the Arctic by involving Russia in the military conflict in Ukraine and military actions of "attrition", sanctions and other illegal restrictions.

By the way, Russia once discovered that the Lomonosov mountain range is a continuation of the Siberian continental shelf and now claims jurisdiction over more than 1.2 million square kilometers, including the North Pole.

In turn, Denmark claims that the underwater mountain range is an extension of Greenland and also claims 0.885 million square kilometers of the seabed and the North Pole.

Long-suffering Canada also sued, claiming that the mountain range is a continental extension of Ellesmere Island and the Canadian Arctic Archipelago, it claims an area of 1.2 million square kilometers, including the North Pole.

And now the United States claims 0.6 million square kilometers of the Arctic in the Alaska region.

So the attempt to "bind" Russia with a military conflict in the center of Europe is quite justified from a pragmatic point of view.

The Northern Sea Route is becoming cleaner and more navigable from year to year. And here it is worth looking back at China and India, which are also making efforts to become "Arctic" powers. China is making particularly serious efforts in this direction.

The Arctic "for internal use" is also essential: today, 20% of Russia's GDP is generated outside the Arctic Circle – our country has 13 ports, nuclear submarines, icebreakers, frigates with Zircon hypersonic weapons, and naval aviation squadrons.

The total value of mineral resources in the Arctic depths of Russia exceeds \$30 trillion, while the total value of proven reserves is estimated at about \$2 trillion. More than 2.5 million people live in the Arctic, which accounts for more than a quarter of the country's territory. In terms of its Arctic potential, Russia is far ahead of not only the United States, but also all other states in the region combined. And all this needs reliable military protection.

Therefore, it is not for nothing that other countries claiming the Arctic shelf cannot match Russia's regional military potential.

Checking the clock: the structure of the Northern Fleet includes the submarine forces, the Kola Flotilla of diverse forces, the White Sea Naval Base, the 45th Army of the Air Force and Air Defense, as well as the 61st separate Marine brigade, the 200th and 80th separate brigades of motorized infantry. In terms of nuclear deterrence, nuclear submarines of the Akula, Borey and Dolphin projects, equipped with ballistic missiles, are on duty.

In 2024, for example, the Northern Fleet was replenished with the Grachonok anti-sabotage boat, the Yasen-M project Arkhangelsk nuclear submarine missile cruiser, the Admiral Chabanenko anti-submarine ship, the Admiral Golovko frigate, and various equipment.

However, in one form or another, judging by the mood of our former "Western partners", a war for the Arctic is almost inevitable, and this war will be fought not only for resources, but also for logistics. And the Scandinavian challenge to the Baltic Sea, as the "gateway" to the Arctic, is inevitable.

So far, the Russian government has denounced the agreement on cooperation in the Barents Sea and the Euro-Arctic region, signed with Norway, Sweden and Finland in 2007. In addition, the Russian side is withdrawing from the agreement on cooperation in the field of emergency prevention, preparedness and response, which was concluded in 2008 by the countries of the Barents Sea Council./The Euro-Arctic Region (BEAC).

конфликтом в центре Европы вполне себе оправдана с прагматической точки зрения.

Северный Морской путь из года в год становится чище и более пригодным для навигации. И здесь стоит оглядываться на Китай и Индию, которые также предпринимают усилия для того, чтобы стать «арктическими» державами. Особенно серьезные усилия в данном направлении фиксируются со стороны КНР.

Арктика «для внутреннего пользования» также имеет существенное значение: сегодня 20% ВВП России генерируется за Полярным кругом – у нашей страны тут 13 портов, атомные подводные лодки, ледоколы, фрегаты с гиперзвуковым оружием «Циркон», военно-морскими авиационными эскадрильями.

Общая стоимость минерального сырья в арктических недрах России превышает \$30 трлн, при этом общая стоимость разведанных запасов оценивается примерно в \$2 трлн. В Арктике, на которую приходится более ¼ территории страны, живут более 2,5 млн человек. По своему арктическому потенциалу Россия намного опережает не только США, но и все остальные государства региона вместе взятые. И все это нуждается в надежной военной защите.

Поэтому не зря другие страны, претендующие на арктический шельф, не могут сравниться с региональным военным потенциалом России.

Сверяем часы: в структуру Северного флота входят подводные силы, Кольская флотилия разнородных сил, Беломорская военноморская база, 45-я армия ВВС и ПВО, а также 61-я отдельная бригада морпехов, 200-я и 80-я отдельные бригады мотострелков. В части ядерного сдерживания дежурства несут атомные субмарины проектов «Акула», «Борей» и «Дельфин», оснащенные с баллистическими ракетами.

В 2024 году, например, Северный флот пополнился: противодиверсионным катером «Грачонок», атомным подводным ракетным крейсером «Архангельск» проекта «Ясень-М»,

противолодочным кораблем «Адмирал Чабаненко», фрегатом «Адмирал Головкин», различным оборудованием.

Впрочем, в том или ином виде, судя по настроению наших бывших «западных партнёров», война за Арктику практически неизбежна, и эта война будет вестись не только за ресурсы, но и за логистику. Да и скандинавский вызов Балтике, как «воротам» в Арктику неизбежен.

Пока Правительство РФ денонсировало соглашение о сотрудничестве в Баренцевом море и Евроарктическом регионе, подписанное с Норвегией, Швецией и Финляндией в 2007 году. Помимо этого, российская сторона выходит из соглашения о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации, которое было заключено в 2008 году странами Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР).

Руководство страны это осознает и среди территориальных приоритетов развития региональной инфраструктуры традиционно сохраняют ключевые позиции не только Дальний Восток, Кавказ, новые и приграничные регионы, но и, в обязательном порядке, Арктика.

Так, отдельное внимание было уделено развитию инфраструктуры в отрасли связи. Председатель правительства РФ Михаил Мишустин докладывал о работе по подключению всех российских регионов к электросвязи, в том числе, благодаря прокладке подводной ВОЛС между Камчаткой и Чукоткой, развитой спутниковой инфраструктуры, в том числе – для нужд Арктики и Северного морского пути.

В числе ключевых направлений была обозначена цифровизация и социально значимых объектов в этих регионах.

Федеральные власти пошли дальше: так, регионам Арктики спишут 81,35 млрд рублей долгов по кредитам, в результате, например, Якутия планирует направить высвобожденные 4,3 млрд рублей на строительство моста через Лену. Высвобождаемые же после списания

The country's leadership is aware of this, and among the territorial priorities for the development of regional infrastructure, not only the Far East, the Caucasus, the new and border regions, but also, without fail, the Arctic, traditionally retain key positions.

Thus, special attention was paid to the development of infrastructure in the communications industry. Mikhail Mishustin, Chairman of the Government of the Russian Federation, reported on the work on connecting all Russian regions to telecommunications, including through the laying of an underwater cable between Kamchatka and Chukotka, and a developed satellite infrastructure, including for the needs of the Arctic and the Northern Sea Route.

Digitalization and socially significant facilities in these regions were identified as key areas.

The federal authorities went further: for example, 81.35 billion rubles of loan debts will be written off to the Arctic regions, as a result, for example, Yakutia plans to allocate the released 4.3 billion rubles for the construction of a bridge across the Lena. The funds released after the write-off, as already planned, will be used, among other things, to upgrade the housing and communal services infrastructure.

You must agree that this is extremely important for the development of the Arctic region: people should not leave because of the domestic disorder.

It should be noted that Resolution No. 306 of March 13, 2025 and Order No. 589-r of March 13, 2025 approved the unified marine operator of the northern delivery, which became Rosatom Arctic, established in 2023 (the head of the company is the former mayor of Nizhny Novgorod V.Panov). Thus, Rosatom has strengthened its position as a major player in the Arctic zone. This means that the concern is ready to provide jobs.

In this uncomplicated way, the Arctic, being the subject of intense rivalry with many countries, is at the same time our native home, the development of which is the most important task of today.

средства, как уже запланировано, будут направлены, в том числе, на обновление инфраструктуры ЖКХ.

Для освоения арктического региона это, согласитесь, крайне важно: люди не должны уезжать из-за бытового неустройства.

Отметим, что постановлением от 13 марта 2025 года №306 и распоряжением от 13 марта 2025 года №589-р был утвержден единый морской оператор северного завоза, которым стала компания «Росатом Арктика», созданная в 2023 году (глава компании – бывший мэр Нижнего Новгорода В.Панов). Таким образом, «Росатом» укрепил свои позиции крупного игрока в Арктической зоне. А это означает, что концерн готов обеспечить рабочие места.

Таким вот незамысловатым образом Арктика, являясь предметом острого соперничества со многими странами, одновременно является и нашим родным домом, обустройство которого – наиважнейшая задача сегодняшнего дня. ■

Гренландия в новой динамичной мировой системе

Йенс Йёрген Нильсен,
магистр истории, бакалавр философии,
Орхусский университет,
Дания

ВВЕДЕНИЕ

С началом конфликта на Украине в 2022 году международный порядок претерпел значительные изменения. В результате санкционной политики в экономической, политической, военной и культурной сферах Россия оказалась изолированной от стран НАТО и Европейского союза. Однако Москва достаточно быстро и уверенно активизировала сотрудничество прежде всего с Китаем, странами БРИКС, а также с широким кругом незападных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Целью западных санкций было ослабление России до такой степени, чтобы страна потерпела крах, что, в свою очередь, привело бы к смене власти или даже к образованию новых политических структур на её территории. Запад, казалось, объединился против России – по крайней мере, в представлении президента США Джо Байдена, – как против одного из ключевых представителей «авторитарных режимов». В противоположность этому, Запад позиционировал себя как защитник демократических государств. Насколько прочным окажется это единство Запада и его постоянное апеллирование к «мушкетёрской клятве» в отношении России – покажет только время.

Два ранее нейтральных государства Северной Европы – Финляндия и Швеция – стали членами НАТО. Это, безусловно, усилило давление на Россию, однако реакция российской стороны на этот шаг была менее острой, чем в случае с Украиной. Во-первых, многие в России считали, что эти страны и ранее де-факто были тесно связаны с альянсом, в том числе через регулярные совместные учения с НАТО. Во-вторых, по моему мнению, значительная часть российского общества воспринимает скандинавов как более «цивилизованных» партнёров по сравнению, скажем, с украинскими националистами – несмотря на недавнюю резкую военную риторику и проявления русофобии.

Вместе с попытками изоляции России в 2022 году на фоне украинского конфликта она была фактически исключена из деятельности Арктического Совета. Это, в сочетании с тем, что два его участника утратили нейтральный статус и присоединились к НАТО, ясно указывало на радикальное изменение условий функционирования этой международной структуры.

Именно последовательная политика США, Канады, Великобритании и других стран НАТО, на-

правленная на эскалацию напряжённости в Арктическом регионе, вызывает серьёзную обеспокоенность. Под предлогом «обеспечения безопасности» эти государства наращивают военное присутствие, разворачивают новые базы и проводят масштабные учения в Скандинавии и на территории Гренландии. Особенно тревожит тот факт, что подобные действия осуществляются без учёта мнения местных сообществ, а зачастую и вразрез с интересами коренных народов, которые традиционно выступают за сохранение Арктики как зоны мира и сотрудничества. Вопреки прежним договорённостям, согласно которым Арктика рассматривалась как пространство для научного взаимодействия, экологического мониторинга и гуманитарных инициатив, западные державы всё чаще используют регион в качестве плацдарма для демонстрации военной мощи и давления на нежелательные для них государства.

Милитаризация Арктики идёт вразрез с интересами не только России, но и большинства государств региона, включая Данию и Исландию, которые долгие годы выступали за поддержание баланса и отказ от военного соперничества в высоких широтах. Размещение новых военных объектов и инфраструктуры, в том числе в непосредственной близости от российских границ, способствует росту недоверия и провоцирует новую гонку вооружений, втягивая в неё даже те страны, которые ранее придерживались нейтралитета. Особенно показательно, что на фоне расширения НАТО на северо-восток Европы, а также усиления военного присутствия США и Великобритании в Норвегии, Финляндии, Швеции и на территории Гренландии, уровень диалога по вопросам безопасности в Арктике стремительно снижается. Вместо поиска компромиссов и совместных решений, западные страны предпочитают политику давления и односторонних шагов, что лишь усугубляет ситуацию и делает перспективу мирного развития региона всё более призрачной.

Подобная стратегия не только подрывает традиционный дух мирного сотрудничества, который долгие десятилетия был основой взаимодействия в Арктике, но и создаёт прямые угрозы стабильности и безопасности всего региона. В результате на первый план выходят военные интересы, а вопросы экологии, устойчивого развития и защиты прав коренных народов отодвигаются на второй план. Всё это свидетельствует о том, что Вашингтон, Оттава, Лондон и их союзники по НАТО сознательно делают ставку на силовой сценарий в Арктике, игнорируя как исторический опыт мирного сосуществования, так и реальные потребности населения региона. Очевидно, что наращивание военной ин-

Greenland in a new dynamic world system

Jens Jergen Nielsen,
*Master of History, Bachelor of Philosophy,
Aarhus University,
Denmark*

INTRODUCTION

With the outbreak of war in Ukraine in 2022, the international order has undergone significant changes. As a result of the sanctions policy in the economic, political, military and cultural spheres, Russia has been isolated from the countries of NATO and the European Union. However, Moscow has stepped up cooperation quickly and confidently, primarily with China, the BRICS countries, as well as with a wide range of non-Western countries in Asia, Africa, and Latin America.

The purpose of Western sanctions was to weaken Russia to such an extent that the country would collapse, which, in turn, would lead to a change of power or even the formation of new political structures on its territory. The West seemed to be united against Russia, at least in the view of U.S. President Joe Biden – as one of the key representatives of “authoritarian regimes.” In contrast, the West positioned itself as a defender of democratic states. Only time will tell how strong this unity of the West and its constant appeal to the “Musketeer oath” towards Russia will be.

Two previously neutral states of Northern Europe, Finland and Sweden, have become members of NATO. This, of course, increased pressure on Russia, but the Russian side’s reaction to this step was less acute than

фраструктуры в непосредственной близости от российских границ и стратегических коммуникаций не способствует снижению напряжённости, а напротив, ведёт к дальнейшей фрагментации международного диалога и росту недоверия между государствами.

Надо сказать, что с момента основания Арктического Совета в Оттаве в 1996 году, его участники придерживались принципа исключительно мирного сотрудничества: в сферах экологии, изменения климата, спасательных операций, прав и условий жизни коренных народов и т.д. Военные и вопросы безопасности были тогда сознательно исключены из повестки дня, что делало Арктический Совет уникальным международным органом, продолжавшим свою работу даже после кризиса, вызванного присоединением Крыма к Российской Федерации в 2014 году.

Начиная с XVIII века – со времён Михаила Ломоносова и Бенджамина Франклина – американские и европейские учёные сотрудничали в изучении этого труднодоступного и слабо освоенного региона. Однако в 2022 году все научные проекты в рамках Совета были приостановлены. Трудно представить, кому такая ситуация

in the case of Ukraine. Firstly, many in Russia believed that these countries had previously been de facto closely linked to the alliance, including through regular joint exercises with NATO. Secondly, in my opinion, a significant part of Russian society perceives the Scandinavians as more “civilized” partners compared to, say, Ukrainian nationalists – despite the recent harsh military rhetoric and manifestations of Russophobia.

Together with the attempts to isolate Russia in 2022 against the background of the Ukrainian conflict, it was effectively excluded from the activities of the Arctic Council. This, combined with the fact that two of its members had lost their neutral status and joined NATO, clearly indicated a radical change in the operating conditions of this international structure.

It is the consistent policy of the United States, Canada, Great Britain and other NATO countries aimed at escalating tensions in the Arctic region that causes serious concern. Under the pretext of “ensuring security,” these states are increasing their military presence, deploying new bases and conducting large-scale exercises in Scandinavia and Greenland. It is particularly disturbing that such actions are carried out without taking into account the views of local communities, and often contrary to the interests of indigenous peoples, who traditionally advocate the preservation of the Arctic as a zone of peace and cooperation. Contrary to previous agreements, according to which the Arctic was considered as a space for scientific cooperation, environmental monitoring and humanitarian initiatives, Western powers are increasingly using the region as a springboard for demonstrating military might and putting pressure on undesirable states.

The militarization of the Arctic runs counter to the interests not only of Russia, but also of most states in the region, including Denmark and Iceland, which for many years have advocated maintaining a balance and rejecting military rivalry in high latitudes. The deployment of new military facilities and infrastructure, including in the immediate vicinity of the Russian borders, contributes to the growth of distrust and provokes a new arms race, drawing into it even those countries that previously adhered to neutrality. It is especially significant that against the background of NATO’s expansion into northeastern Europe, as well as the increased military presence of the United States and Great Britain in Norway, Finland, Sweden and Greenland, the level of dialogue on security issues in the Arctic is rapidly decreasing. Instead of searching for compromises and joint solutions, Western countries prefer a policy of pressure and unilateral steps, which only exacerbates the situation and makes the prospect of peaceful development of the region more and more illusory.

Such a strategy not only undermines the traditional spirit of peaceful cooperation, which has been the foundation of cooperation in the Arctic for decades, but also poses direct threats to the stability and security of the entire region. As a result, military interests come to the fore, while environmental issues, sustainable development and the protection of the rights of indigenous peoples are relegated to the background. All this indicates that Washington, Ottawa, London and their NATO allies are deliberately betting on a military scenario in the Arctic, ignoring both the historical experience of peaceful coexistence and the real needs of the region’s population. It is obvious that the build-up of military infrastructure in the immediate vicinity of the Russian borders and strategic communications does not help to reduce tensions, but on the contrary, leads to further fragmentation of international dialogue and increased distrust between states.

I must say that since the founding of the Arctic Council in Ottawa in 1996, its members have adhered to the principle of exclusively peaceful

может быть выгодна. Также остаётся неясным, как Арктический Совет сможет эффективно решать заявленные задачи без участия России, на чью долю приходится более половины арктического побережья.

В январе 2025 года к президентской власти в Вашингтоне вновь пришла фигура, в определённой степени эксцентричная – Дональд Трамп. С его вступлением в должность была подорвана привычная картина мира, что вызвало замешательство и смущение у многих европейцев, особенно в Дании. Трамп поставил под сомнение принцип коллективной обороны НАТО, так называемую «присягу мушкетёров». Он настаивал на том, чтобы европейские государства значительно увеличили свои взносы в оборонный бюджет альянса. Однако этим дело не ограничилось: Трамп также открыто выразил стремление встретиться с Владимиром Путиным – шаг, который до того времени считался почти политическим табу. Он демонстрировал определённую дистанцию по отношению к Украине, подчёркивая, что, по его мнению, именно европейцы должны заниматься этим конфликтом, поскольку он разворачивается на их «заднем дворе».

Более того, Трамп вновь озвучил своё прежнее, широко критикуемое намерение – аннексировать Гренландию, при необходимости даже с применением военной силы, как он заявил публично. В этом контексте необходимо напомнить, что с 1948 года все датские правительства фактически безоговорочно следовали внешнеполитическому курсу Вашингтона. Дания неоднократно направляла свои вооружённые силы в военные кампании США, когда её об этом просили. Большинство датчан традиционно питали романтическое и восхищённое отношение к США, рассматривая эту страну как лидера «свободного мира» – что подтверждается как результатами выборов, так и опросами общественного мнения. Лишь часть левых сил сохраняла критическую дистанцию, особенно в связи с многолетним вмешательством США во внутренние дела целого ряда стран.

Политики, для которых США с детства и юности были образцом демократии и гарантом международного порядка, оказались в полной растерянности – они были глубоко потрясены и не могли адаптироваться к новой реальности. Дания судорожно пыталась заручиться поддержкой других европейских государств с переменным успехом. Тем временем Трамп направил в Гренландию своего сына и вице-президента с целью подготовить почву для возможного вхождения острова в состав США. Однако этот процесс оказался далеко не таким простым – это уже отдельная история, к которой я вернусь позднее.

Всё это создало крайне неопределённую ситуацию внутри НАТО. Что будет, если США действительно попытаются осуществить аннексию Гренландии? Каковы будут действия и возможности Дании? Как отреагируют страны ЕС? Наконец, что произойдёт, если Вашингтон, игнорируя санкционную политику и общую западную позицию, начнёт сотрудничество с Россией в Арктике – возможно, с расчётом ограничить влияние Китая в регионе? Все сценарии стали возможными.

Таким образом, на фоне множества геополитических и стратегических факторов, Гренландия оказывается в центре внимания.

СЛОЖНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ДАНИЕЙ И ГРЕНЛАНДИЕЙ

Дания имеет более чем тысячелетнюю историю связей с Гренландией – связь, которая не всегда была непрерывной, порой носила неоднозначный характер, а в последние десятилетия претерпела значительные изменения. Первые контакты скандинавских викингов с Гренландией датируются 982 годом, когда норвежец Эрик Рыжий прибыл в южную часть острова. Он прибыл с Исландии, которая вместе с Фарерскими островами, Оркнейскими островами и другими архипелагами у северного побережья Шотландии входила в сферу норвежской колонизации. Его сын, Лейф Счастливый, продолжил колонизацию региона и достиг территории, которая сегодня известна как Ньюфаундленд в Канаде. Таким образом, он стал первым европейцем, ступившим на американский континент – примерно за 500 лет до Христофора Колумба.

На момент прибытия Эрика Рыжего Гренландия была незаселённой. Ранее на острове существовали миграционные волны сибирского происхождения, но к моменту его прибытия они исчезли. Первые представители инуитов (этнических гренландцев (inuit)) прибыли на остров примерно в 1150 году. В 1380 году было образовано датско-норвежское королевство под властью датского монарха, и с этого момента вопросы, связанные с Гренландией, стали регулироваться из Копенгагена. Тем временем потомки викингов исчезли – вероятно, из-за климатических изменений, болезней или других факторов, природа которых до конца не установлена.

Датские короли направляли экспедиции в Гренландию, исходя из двух основных причин: с одной стороны, чтобы отыскать потомков Эрика Рыжего, с другой – в целях торговли китовым жиром (траном), который пользовался большим спросом в Европе, особенно в зимний период, как топливо для освещения зданий. В 1721 году к берегам Гренландии прибыло судно, вызвав-

cooperation: in the fields of ecology, climate change, rescue operations, the rights and living conditions of indigenous peoples, etc. Military and security issues were deliberately excluded from the agenda at that time, which made the Arctic Council a unique international body that continued its work even after the crisis caused by the annexation of Crimea to the Russian Federation in 2014.

Since the 18th century, since the time of Mikhail Lomonosov and Benjamin Franklin, American and European scientists have collaborated in the study of this remote and poorly developed region. However, in 2022, all scientific projects within the Council were suspended. It's hard to imagine who would benefit from such a situation. It also remains unclear how the Arctic Council will be able to effectively solve its stated tasks without the participation of Russia, which accounts for more than half of the Arctic coast.

In January 2025, a somewhat eccentric figure came to power in Washington, Donald Trump. With his assumption of office, the familiar picture of the world was undermined, which caused confusion and embarrassment among many Europeans, especially in Denmark. Trump has questioned the principle of NATO's collective defense, the so-called "oath of the Musketeers." He insisted that European states significantly increase their contributions to the alliance's defense budget. However, this was not the end of the matter: Trump also openly expressed his desire to meet with Vladimir Putin, a step that until then was considered almost a political taboo. He demonstrated a certain distance towards Ukraine, emphasizing that, in his opinion, it is the Europeans who should deal with this conflict, since it is unfolding in their "backyard."

Moreover, Trump has reiterated his previously widely criticized intention to annex Greenland, even using military force if necessary, as he has stated publicly. In this context, it should be recalled that since 1948, all Danish governments have virtually unconditionally followed Washington's foreign policy course. Denmark has repeatedly deployed its armed forces to U.S. military campaigns when asked to do so. The majority of Danes have traditionally harbored a romantic and admiring attitude towards the United States, viewing this country as the leader of the "free world" – which is confirmed by both the election results and public opinion polls. Only a part of the left-wing forces maintained a critical distance, especially in connection with the long-term interference of the United States in the internal affairs of a number of countries.

Politicians, for whom the United States has been a model of democracy and a guarantor of international order since childhood and adolescence, found themselves at a complete loss – they were deeply shaken and could not adapt to the new reality. Denmark has been frantically trying to enlist the support of other European states, with varying success. Meanwhile, Trump sent his son and vice president to Greenland in order to prepare the ground for the island's possible entry into the United States. However, this process turned out to be far from that simple – this is a separate story, which I will return to later.

All this has created an extremely uncertain situation within NATO. What happens if the United States really tries to annex Greenland? What will Denmark's actions and capabilities be? How will the EU countries react? Finally, what happens if Washington, ignoring the sanctions policy and the general Western position, begins cooperation with Russia in the Arctic, perhaps with the aim of limiting China's influence in the region? All scenarios have become possible.

Thus, against the background of many geopolitical and strategic factors, Greenland finds itself in the spotlight.

шее удивление у местных инуитов. Это был датский священник Ханс Эгге, прибывший вместе с семьёй и частью своей паствы. Он поставил перед собой миссионерскую задачу – обратить гренландцев в христианство. Однако задача оказалась крайне непростой: инуиты жили в социокультурной системе, радикально отличавшейся от той, что была описана в Библии и известна Эгге. Они не знали государств, налогов, сельского хозяйства, денег и других основ западной цивилизации.

Тем не менее, с течением времени всё больше гренландцев обучались грамоте и получали доступ к элементам западной культуры, включая адаптированные формы христианства. Постепенно на острове появились региональные советы – зачатки демократического самоуправления. В период с 1800 по 1933 год юридический статус Гренландии оставался предметом споров. После Наполеоновских войн, в 1815 году, Дания утратила Норвегию в пользу Швеции, и последняя предъявила претензии на Гренландию, считая, что бывшая норвежская территория должна перейти под её контроль. Однако Венский Конгресс не поддержал шведские притязания: Швеции досталась Финляндия, а Дания сохранила за собой Гренландию.

В 1905 году Норвегия получила независимость от Швеции, и в норвежском обществе возобновились требования о праве на Гренландию. В 1933 году Международный Суд в Гааге вынес решение в пользу Дании, окончательно закрепив суверенитет страны над островом в рамках международного права.

Во время Второй мировой войны Дания находилась под немецкой оккупацией и управлялась коллаборационным правительством. Однако датский посол в Вашингтоне, Хенрик Кауффманн, действовал самостоятельно и без согласия Копенгагена разрешил США создать военные базы на территории Гренландии. Так появилась база Туле (*Thule*) в северо-западной части острова. После войны США не стали сворачивать своё присутствие и датское послевоенное правительство было вынуждено признать сложившийся факт. С тех пор американское присутствие стало постоянным. В период холодной войны США также создали на восточном побережье Гренландии сеть радиолокационных станций.

В послевоенные годы встал вопрос о статусе Гренландии – является ли она колонией или неотъемлемой частью Датского королевства. Если бы Гренландия была признана колонией, на Данию распространялись бы обязательства по деколонизации в соответствии с уставом ООН. США были заинтересованы в таком определении статуса, поскольку это могло бы усилить

американское влияние на острове и подорвать международную репутацию Дании. Вёлся активный диалог между датскими властями и представителями гренландского ландстинга (местный парламент Гренландии). В результате было достигнуто соглашение о предоставлении Гренландии статуса равноправной части Датского королевства со всеми правами и обязанностями аналогично остальным регионам страны. Все члены гренландского правительства поддержали это решение. Примечательно, что сами гренландцы выступили за расширение преподавания датского языка, стремясь получить доступ к образованию в метрополии.

5 июня 1953 года была принята новая Конституция Дании, наиболее известная благодаря введению женской линии престолонаследия. Однако не менее значимым было официальное включение Гренландии и Фарерских островов в состав единого датского государства – Ригсфælлесскаб (*Rigsfællesskabet: Общность короны*). На тот момент среди гренландцев не было выраженных критических настроений, но в 2020-е годы новое поколение начало переосмысливать политику Дании, всё чаще называя её колониальной. Несмотря на отдельные ошибки со стороны Копенгагена, ситуация в Гренландии на фоне колониализма в Африке и Азии выглядит иначе: гренландцы имели равный доступ к государственным благам — образованию, здравоохранению, социальной поддержке, жилищным субсидиям, а также обладали датским гражданством и законным правом на использование родного языка.

THE COMPLEX HISTORICAL INTERACTION BETWEEN DENMARK AND GREENLAND

Denmark has more than a thousand years of history of ties with Greenland, a relationship that has not always been continuous, sometimes ambiguous, and has undergone significant changes in recent decades. The first contacts of the Scandinavian Vikings with Greenland date back to 982, when the Norwegian Eric the Red arrived in the southern part of the island. He came from Iceland, which, along with the Faroe Islands, Orkney Islands and other archipelagos off the northern coast of Scotland, was part of the Norwegian colonization sphere. His son, Leif the Happy, continued to colonize the region and reached what is today known as Newfoundland in Canada. Thus, he became the first European to set foot on the American continent – about 500 years before Christopher Columbus.

Greenland was uninhabited at the time of Eric the Red's arrival. Previously, there were migration waves of Siberian origin on the island, but by the time of his arrival they had disappeared. The first representatives of the Inuit (ethnic Greenlanders (inuit)) arrived on the island around 1150. In 1380, the Danish-Norwegian kingdom was formed under the rule of the Danish monarch, and from that moment on, issues related to Greenland began to be regulated from Copenhagen. Meanwhile, the descendants of the Vikings disappeared, probably due to climate change, disease, or other factors whose nature has not been fully established.

С 1960-х годов началась масштабная модернизация гренландского общества. Всё больше жителей переезжали в крупные города, особенно в столицу – Нуук (*Nuuk*), переселялись в современные жилые дома, отдавали детей в школы и детские сады, приобретали товары в супермаркетах и т. д. Эти процессы способствовали формированию нового, более политически осознанного поколения гренландских лидеров. Это проявилось, в частности, в ходе референдума о вступлении в Европейское Экономическое Сообщество в 1972 году: если большинство датчан проголосовали «за», то гренландцы в основном сказали «нет». Политики нового поколения начали выступать за реформирование общества. Партия *Siumut*, имеющая социал-демократическую ориентацию, заняла ведущие позиции. Она активно боролась за автономию, и в 1979 году было учреждено самоуправление (*Hjemmestyre*). В том же десятилетии возникла партия *Inuit Ataqatigiit* (IA), делавшая акцент на необходимости полного освобождения от Дании. Третьей традиционной политической силой стала партия *Atassut*, которая напротив, выступала за укрепление тесных связей с Данией.

В 1979 году гренландцам было предоставлено внутреннее самоуправление (*Hjemmestyre*), что стало важным этапом в процессе политической эволюции. Гренландия была признана «особым сообществом народа». Новые полномочия касались внутренних дел, но не распространялись на внешнюю политику. Уже через несколько лет партия *Siumut* реализовала одну из своих ключевых программных целей – выход Гренландии из Европейского Экономического Сообщества в 1982 году. С тех пор остров не является членом Европейского Союза.

ЗАКОН О САМОУПРАВЛЕНИИ 2009 ГОДА (NAMMINERSORNEQ)

В 2009 году датское и гренландское правительства (*Naalakkersuisut*) достигли нового соглашения о расширении автономии. Согласно этому закону, гренландцы были официально признаны отдельным народом, обладающим правом на самоопределение – включая, при желании, выход из состава Датского Королевства. Гренландское правительство получило право самим поэтапно внедрять новые сферы законодательства при условии, что оно будет их финансировать самостоятельно. Вопрос природных ресурсов был формально отнесён к юрисдикции Гренландии, однако, как будет показано далее, не полностью. Это условие самообеспечения стало сдерживающим фактором на пути к полной независимости.

The Danish kings sent expeditions to Greenland based on two main reasons: on the one hand, to find the descendants of Eric the Red, on the other – for the purpose of trading whale oil (*tran*), which was in great demand in Europe, especially in winter, as fuel for lighting buildings. In 1721, a ship arrived on the shores of Greenland, which caused surprise among the local Inuit. It was the Danish priest Hans Egede, who arrived with his family and part of his flock. He set himself the missionary task of converting Greenlanders to Christianity. However, the task turned out to be extremely difficult: the Inuit lived in a socio-cultural system that was radically different from the one described in the Bible and known to Egede. They did not know the states, taxes, agriculture, money and other fundamentals of Western civilization.

However, over time, more and more Greenlanders learned to read and write and gained access to elements of Western culture, including adapted forms of Christianity. Gradually, regional councils appeared on the island – the beginnings of democratic self-government. In the period from 1800 to 1933, Greenland's legal status remained the subject of controversy. After the Napoleonic Wars, in 1815, Denmark lost Norway in favor of Sweden, and the latter laid claim to Greenland, believing that the former Norwegian territory should come under its control. However, the Congress of Vienna did not support the Swedish claims: Sweden got Finland, and Denmark retained Greenland.

In 1905, Norway gained independence from Sweden, and demands for the right to Greenland resumed in Norwegian society. In 1933, the International Court of Justice in The Hague ruled in favor of Denmark, finally consolidating the country's sovereignty over the island within the framework of international law.

During World War II, Denmark was under German occupation and ruled by a collaborative government. However, the Danish ambassador to Washington, Henrik Kauffmann, acted independently and, without Copenhagen's consent, allowed the United States to establish military bases in Greenland. This is how the Thule base appeared in the north-western part of the island. After the war, the United States did not scale back its presence, and the Danish post-war government was forced to admit the fact. Since then, the American presence has become permanent. During the Cold War, the United States also established a network of radar stations on the east coast of Greenland.

In the post-war years, the question arose about the status of Greenland – whether it was a colony or an integral part of the Danish Kingdom. If Greenland had been recognized as a colony, Denmark would have been subject to the obligations of decolonization in accordance with the UN Charter. The United States was interested in such a status determination, as it could strengthen American influence on the island and undermine Denmark's international reputation. There was an active dialogue between the Danish authorities and representatives of the Greenland Landsting (the local parliament of Greenland). As a result, an agreement was reached to grant Greenland the status of an equal part of the Danish Kingdom with all the rights and obligations similar to the rest of the country's regions. All members of the Greenlandic Government supported this decision. It is noteworthy that the Greenlanders themselves called for the expansion of Danish language teaching, seeking access to education in the metropolis.

On June 5, 1953, a new Danish Constitution was adopted, most famously due to the introduction of the female line of succession. However, no less significant was the official incorporation of Greenland and the Faroe Islands into a single Danish state, *Rigsfællesskabet* (Community of the Crown). At that time, there was no pronounced critical sentiment

Гренландский язык был провозглашён официальным. Со временем даже датчане стали использовать гренландские термины, в том числе при обозначении учреждений. Однако на практике сохранялись сложности: высшее образование оставалось, как правило, датскоязычным из-за нехватки квалифицированного преподавания на гренландском языке.

Партия Inuit Ataqatigiit (IA) стала первой, сформировавшей правительство в рамках нового закона о самоуправлении. Это была левая партия, акцентирующая внимание на культурной идентичности и стремлении к независимости. В 2011 году Гренландия провела заседание Арктического Совета в Нууке, что стало источником национальной гордости. Тогда была принята резолюция, признающая инуитов как народ с соответствующими правами. В 2012 году было основано первое национальное гренландское театральное учреждение. В числе приоритетов IA был и экологический вопрос.

Ключевой проблемой стало обсуждение возможности добычи редкоземельных элементов в районе Куаннерсуит (*Kuannersuit*) на юге Гренландии. Эти ресурсы критически важны для производства высокотехнологичной электроники, включая микрочипы. По некоторым оценкам, залежи в Куаннерсуите могут составлять до 20 % мировых запасов. Однако их добыча сопряжена с необходимостью извлечения урана, что вызывает опасения по поводу радиоактивного загрязнения. Правительство IA выступило резко против таких разработок.

В 2013 году к власти вернулась партия Siumut, которая поддерживала добычу редкоземельных элементов. Правительство пригласило австралийскую компанию Greenland Minerals and Energy, впоследствии выяснилось, что за ней стоял китайский капитал. Были также инициированы проекты по разведке нефти и алюминия. Датское правительство с тревогой отнеслось к участию китайского капитала, что привело к вмешательству – несмотря на формальные ограничения согласно закону 2009 года. По всей видимости, это произошло под давлением США. Дания стремилась гарантировать, что сырьё не попадёт в руки оружейных производителей или стран под санкциями, прежде всего России. Большинство наблюдателей связывали это с возвращением к доктрине Монро (1823), согласно которой США не допускали присутствия других держав в Северной и Южной Америке, а также, фактически, в Гренландии.

Другим примером подобного вмешательства стал случай 2018 года, когда китайская компания выиграла тендер на строительство трёх аэропортов, объявленный гренландским правительством в рамках его полномочий. Однако Ко-

among Greenlanders, but in the 2020s, a new generation began to re-think Denmark's policy, increasingly calling it colonial. Despite some mistakes on the part of Copenhagen, the situation in Greenland looks different against the backdrop of colonialism in Africa and Asia: Greenlanders had equal access to public goods such as education, healthcare, social support, housing subsidies, and also had Danish citizenship and the legal right to use their native language.

Since the 1960s, a large-scale modernization of Greenlandic society has begun. More and more residents moved to large cities, especially to the capital Nuuk, moved into modern residential buildings, sent their children to schools and kindergartens, bought goods in supermarkets, etc. These processes have contributed to the formation of a new, more politically aware generation of Greenlandic leaders. This was evident, in particular, during the referendum on joining the European Economic Community in 1972: while the majority of Danes voted "yes," the Greenlanders mostly said "no." The politicians of the new generation began to advocate for the reform of society. The Siumut party, which has a social democratic orientation, took the leading positions. She actively fought for autonomy, and in 1979 a self-government (*Hjemmestyre*) was established. In the same decade, the Inuit Ataqatigiit (IA) party emerged, emphasizing the need for complete liberation from Denmark. The third traditional political force was the Atassut Party, which, on the contrary, advocated strengthening close ties with Denmark.

In 1979, the Greenlanders were granted internal self-government (*Hjemmestyre*), which was an important stage in the process of political evolution. Greenland has been recognized as a "special community of people." The new powers concerned internal affairs, but did not extend to foreign policy. A few years later, the Siumut party realized one of its key program goals – Greenland's withdrawal from the European Economic Community in 1982. Since then, the island has not been a member of the European Union.

THE SELF-GOVERNMENT ACT OF 2009 (NAMMINERSORNEQ)

In 2009, the Danish and Greenlandic governments (*Naalakkersuisut*) reached a new agreement on expanding autonomy. According to this law, the Greenlanders were officially recognized as a separate people with the right to self – determination – including, if desired, secession from the Danish Kingdom. The Greenlandic Government has been given the right to gradually introduce new areas of legislation itself, provided that it finances them independently. The issue of natural resources was formally assigned to the jurisdiction of Greenland, however, as will be shown later, not completely. This condition of self-sufficiency has become a deterrent to full independence.

Greenlandic was declared the official language. Over time, even the Danes began to use Greenlandic terms, including when referring to institutions. However, in practice, difficulties persisted: higher education remained, as a rule, Danish-speaking due to the lack of qualified teaching in Greenlandic.

The Inuit Ataqatigiit (IA) party was the first to form a government under the new law on self-government. It was a leftist party that emphasized cultural identity and the desire for independence. In 2011, Greenland held a meeting of the Arctic Council in Nuuk, which became a source of national pride. Then a resolution was adopted recognizing the Inuit as a people with appropriate rights. In 2012, the first national Greenlandic theater institution was founded. The environmental issue was also among the priorities of IA. The key issue was the discussion of the possibility of mining rare earths in the Kuannersuit area in southern Greenland. These resources are critically important for the

пенгаген вмешался и сам взял на себя финансирование строительства – в обход закона о самоуправлении. И вновь в действие вступила «доктрина Монро». В это же время датский флот намеревался продать несколько зданий бывших баз; китайская компания выразила интерес, но сделка также была заблокирована. Китайским компаниям, по сути, не разрешили открыть даже забегаловку в Нууке. Последнее слово было за США.

В 2021 году партия Inuit Ataqatigiit вновь пришла к власти, вытеснив Siumut. Молодой лидер Муту Б. Эгедэ быстро инициировал запрет на уранодобычу в Куаннерсуите. Это решение вызвало волну исков в международных арбитражных судах. Гренландское правительство обвинили в нарушении обязательств. Один из исков, поданный Greenland Minerals and Energy, составляет 76 миллиардов датских крон (около 10 миллиардов евро) – а это в десятки раз превышает годовой бюджет Гренландии (около 6 миллиардов крон). В настоящее время дело рассматривается в международном суде.

Гренландия не входит в ЕС, однако Европейский союз проявляет к ней интерес. В 2024 году ЕС открыл своё представительство в Нууке. Од-

нако конкретных результатов пока не наблюдается. Местные жители часто отмечают, что реальные инвестиционные предложения исходили преимущественно от Китая – но их реализация невозможна из-за геополитических ограничений.

2020-е годы характеризовались и другим явлением – появлением молодёжных, преимущественно университетских, групп с радикальной риторикой деколонизации. Они, к примеру, облили краской памятник Хансу Эгедэ – датско-норвежскому священнику, прибывшему в 1721 году, и тёзке современного премьер-министра Муту Б. Эгедэ. Их риторика во многом перекликается с движением woke и Black Lives Matter в США. Они рассматривают гренландцев как жертв датского угнетения.

В датском парламенте Гренландию представляют два депутата. Одна из них – Аки-Матильда Хёг-Дам – выступала в фольклестинге (*Folketinget: Датский парламент*) исключительно на гренландском языке, несмотря на то, что по внешности и акценту полностью вписывается в датский культурный контекст. Их стратегическая цель – полная независимость Гренландии от Дании.

Открытым остаётся главный вопрос: как добиться независимости без собственных ресурсов? Некоторые из этих ресурсов могли быть получены благодаря горнодобывающим проектам, приостановленным как раз при правительстве Муту Б. Эгедэ. Его союзники из партии Naleraq выступали за полную независимость и одновременно против разработки редкоземельных месторождений. Однако, по их мнению, датское правительство должно компенсировать финансовый дефицит суверенной Гренландии. Парадоксально, но лидер Naleraq, Пеле Броберг, поддерживал контакты с Россией и не возражал против усиления американского влияния в регионе.

Вывод заключается в том, что Гренландия в ближайшем будущем не станет независимым государством. Реалистическая оценка текущей ситуации не позволяет говорить о таком развитии событий. Сильная эмоциональная антиколониальная риторика, наблюдаемая на острове, в значительной степени ограничивается университетской средой и представителями движения «woke». Однако примечательно, что этим настроениям неожиданно придал импульс Дональд Трамп, утверждая, что Дания является колониальной державой, а США – освободительной силой, стоящей на стороне угнетённых народов. Согласно его заявлению, датчане якобы угнетали и жестоко обращались с гренландцами, и теперь Соединённые Штаты должны «освободить» Гренландию. Эта позиция выгля-

production of high-tech electronics, including microchips. According to some estimates, deposits in Kuannersuit can account for up to 20% of the world's reserves. However, their extraction involves the need to extract uranium, which raises concerns about radioactive contamination. The IA government strongly opposed such developments.

In 2013, the Siumut party returned to power, which supported the extraction of rare earths. The government invited the Australian company Greenland Minerals and Energy, and later it turned out that Chinese capital was behind it. Oil and aluminum exploration projects were also initiated. The Danish government reacted with alarm to the involvement of Chinese capital, which led to intervention — despite formal restrictions under the 2009 law. Apparently, this happened under pressure from the United States. Denmark sought to ensure that the raw materials would not fall into the hands of arms manufacturers or countries under sanctions, primarily Russia. Most observers attributed this to a return to the Monroe doctrine (1823), according to which the United States did not

allow the presence of other powers in North and South America, as well as, in fact, in Greenland.

Another example of such interference was the case in 2018, when a Chinese company won a tender for the construction of three airports announced by the Greenlandic government within its authority. However, Copenhagen intervened and took over the financing of the construction itself, bypassing the law on self-government. Once again, the “Monroe Doctrine” came into play. At the same time, the Danish Navy intended to sell several buildings of the former bases; a Chinese company expressed interest, but the deal was also blocked. Chinese companies, in fact, were not even allowed to open a snack bar in Nuuk. The USA had the last word.

In 2021, the Inuit Ataqatigiit party returned to power, ousting Siumut. Mutu’s young leader, B. Egede, quickly initiated a ban on uranium mining in Kuannersuit. This decision caused a wave of lawsuits in international arbitration courts. The Greenlandic government was accused of violating its obligations. One of the lawsuits filed by Greenland Minerals and Energy amounts to 76 billion Danish crowns (about 10 billion euros), which is ten times higher than Greenland’s annual budget (about 6 billion crowns). The case is currently being considered by the International Court of Justice.

Greenland is not a member of the EU, but the European Union is interested in it. In 2024, the EU opened its representative office in Nuuk. However, no concrete results have been observed yet. Locals often point out that the real investment proposals came mainly from China, but their implementation is impossible due to geopolitical constraints.

The 2020s were characterized by another phenomenon – the emergence of youth, mainly university groups with radical rhetoric of decolonization. For example, they painted a monument to Hans Egede, a Danish–Norwegian priest who arrived in 1721 and the namesake of the modern Prime Minister, Mette Frederiksen. Their rhetoric largely echoes the movement of woke and Black Lives Matter in the United States. They view Greenlanders as victims of Danish oppression.

Greenland is represented by two deputies in the Danish Parliament. One of them, Aki-Matilda Hegdam, performed in Folketinget (Danish Parliament) exclusively in Greenlandic, despite the fact that she completely fits into the Danish cultural context in appearance and accent. Their strategic goal is the complete independence of Greenland from Denmark.

дид парадоксально, учитывая резкую критику движения «woke» со стороны самого Трампа.

Трампа выразил желание присоединить Гренландию к США, при необходимости даже с применением военной силы.

ТРАМП И ГРЕНЛАНДИЯ

С начала 2025 года Гренландия стала ареной активной американской дипломатической и политической активности. После сенсационного заявления Трампа о присоединении острова к США первым на остров прибыл его сын, предпринявший неудачную попытку завоевать симпатии гренландцев. Вслед за ним прибыл вице-президент США Дж. Д. Вэнс с супругой, посетив американскую базу Питуффик (бывшая Туле). Он говорил о Дании как о колониальной державе, а гренландцах – как о народе, стремящемся к американской свободе. Кроме того, Вэнс обвинил Данию в ненадлежащем исполнении обязательств по наращиванию военного потенциала в рамках НАТО, что нанесло серьёзный репутационный ущерб Копенгагену.

Для Дании, которая с начала холодной войны (и особенно после распада СССР) последовательно и эмоционально ориентировалась на США как на краеугольный камень своей безопасности, это стало настоящим шоком. Датские войска неоднократно участвовали в военных кампаниях США по всему миру, даже в тех случаях, когда национальные интересы Дании были под вопросом. Это рассматривалось политическим истеблишментом как вклад в «копилку доброй воли» перед Вашингтоном. Поэтому оскорбительные заявления Трампа и Вэнса больно ударили по политической элите страны. Правительство попыталось скрыть растерянность, пообещав инвестиции в арктическую наблюдательную инфраструктуру. Можно сказать, что Дания скорее всего упустила шанс пересмотреть приоритеты своей внешней политики. С 2022 года датский премьер-министр практически ежедневно критиковал Россию, Китай а также страны «третьего мира» за отказ поддерживать западные санкции против Москвы. В тоже время не уделяя должного внимания стратегически важной Гренландии и США.

Действительно, военные возможности Дании по защите Гренландии весьма ограничены: четыре патрульных корабля класса Thetis, три специализированных судна класса Кнуд Расмуссен, арктическая патрульная служба Sirius (12 человек и собаки упряжки), несколько самолётов, авиабаза в Кангерлуссуаке (Kangerlussuaq) и арктическое командование в Нууке. После 1990 года США, со своей стороны, ограничились лишь сохранением базы в Питуффике. Во время холодной войны США построили целую

сеть радарных станций на востоке Гренландии, но они были заброшены после распада СССР. Теперь Трамп обвиняет Данию в том, что она не проявила инициативу по их восстановлению.

В этих обвинениях есть доля правды: в 2019 году Дания пообещала США увеличить оборонные расходы на 1,5 миллиарда датских крон, но этого так и не произошло.

Возникает логичный вопрос: зачем Трампу формально «завоёвывать» Гренландию, если США уже де-факто обладают широкими возможностями влияния? Даже минимальный китайский бизнес в Нууке – например, забегаловка – может быть закрыт по требованию США. Дания практически во всех вопросах следует американской политике, за исключением формальной символики и юридического статуса. США могут приступить к добыче полезных ископаемых (возможно за исключением месторождения Куаннерсуит), а также развёртыванию новых военных объектов. Единственное возможное объяснение – личные амбиции Трампа: он хочет войти в историю как лидер, расширивший территорию США. Однако он явно недооценил гренландцев.

Население Гренландии встретило инициативу Трампа с большой долей скептицизма. Согласно опросу января 2025 года, 85 % гренландцев выступили против «ухаживаний» США. Это включало и новое правительство, сформированное после внеочередных выборов весной 2025 года. Коалиция под руководством Йенса-Фредерика Нильсена из партии Demokraati жёстко отвергла предложения США. В парламенте Гренландии (*Inatsisartut*) также практически царил единодушие в том, что Гренландия не должна становиться американской.

Хотя отказ гренландцев был однозначным, структура самоуправления, установленная в 2009 году, продемонстрировала некоторую уязвимость. Американцы обеспокоены тем, насколько легко китайским инвесторам удавалось установить контакты с гренландскими и датскими властями. Кроме того, США настораживает тот факт, что население Гренландии (около 56 тыс. человек) вполне может проголосовать за независимость, и Дания, согласно закону, будет обязана это признать. Что будет, если суверенная Гренландия окажется под управлением левых и, с точки зрения США, политически нестабильных лидеров? Многие американцы воспринимают гренландских политиков как неопытных. Внешнему наблюдателю политическое устройство Гренландии действительно может показаться неустойчивым и неясным: кто принимает окончательные решения – Копенгаген или Нуук?

В 2023 году один из ветеранов движения за

The main question remains open: how to achieve independence without your own resources? Some of these resources could have been obtained through mining projects that were suspended just under the government of Mutu B. Egede. His allies from the Naleraq party advocated full independence and at the same time opposed the development of rare earth deposits. However, in their opinion, the Danish government should compensate for the financial deficit of sovereign Greenland. Paradoxically, the leader of Naleraq, Pele Broberg, maintained contacts with Russia and did not object to the strengthening of American influence in the region.

The conclusion is that Greenland will not become an independent state in the near future. A realistic assessment of the current situation does not allow us to talk about such a development. The strong emotional anti-colonial rhetoric observed on the island is largely limited to the university environment and representatives of the “woke” movement. However, it is noteworthy that these sentiments were unexpectedly given an impetus by Donald Trump, claiming that Denmark is a colonial power, and the United States is a liberating force standing on the side of oppressed peoples. According to his statement, the Danes allegedly oppressed and mistreated Greenlanders, and now the United States must “liberate” Greenland. This position looks paradoxical, given the harsh criticism of the “woke” movement from Trump himself.

Trump has expressed a desire to annex Greenland to the United States, even with the use of military force if necessary.

TRUMP AND GREENLAND

Since the beginning of 2025, Greenland has become an arena of active American diplomatic and political activity. After Trump’s sensational statement about the island’s annexation to the United States, his son was the first to arrive on the island, making an unsuccessful attempt to win the sympathy of the Greenlanders. He was followed by U.S. Vice President J. D. Vance and his wife, who visited the American Pituffik base (formerly Tula). He spoke of Denmark as a colonial power, and the Greenlanders as a people striving for American freedom. In addition, Vance accused Denmark of improperly fulfilling its obligations to build up military capabilities within NATO, which caused serious reputational damage to Copenhagen.

For Denmark, which has consistently and emotionally focused on the United States as the cornerstone of its security since the beginning of the Cold War (and especially after the collapse of the USSR), this came as a real shock. Danish troops have repeatedly participated in U.S. military campaigns around the world, even when Denmark’s national interests were in question. This was seen by the political establishment as a contribution to Washington’s “piggy bank of goodwill.” Therefore, the insulting statements by Trump and Vance hurt the country’s political elite. The government tried to hide its confusion by promising investments in Arctic surveillance infrastructure.

It can be said that Denmark most likely missed the chance to review the priorities of its foreign policy. Since 2022, the Danish Prime Minister has criticized Russia, China, and third world countries almost daily for refusing to support Western sanctions against Moscow. At the same time, without paying due attention to the strategically important Greenland and the United States.

Indeed, Denmark’s military capabilities to protect Greenland are very limited: four Thetis-class patrol ships, three specialized Knud Rasmussen-class vessels, the Sirius Arctic patrol service (12 people and dog sleds), several aircraft, the Kangerlussaq air base and the Arctic command in Nuuk. After 1990, the United States, for its part, limited itself to maintaining a base in Pituffik. During the Cold War, the United States

независимость Гренландии, Аккалук Лунге, написал в своей колонке, что современная международная обстановка не способствует обретению независимости. Мир стал менее предсказуемым, торговые и логистические цепочки – уязвимыми, а безопасность – шаткой. В таких условиях маловероятно, что великие державы одобряют независимость Гренландии. Насколько жизнеспособны планы ЕС по оборонной консолидации – тоже под вопросом. Визиты Урсулы фон дер Ляйен и Эммануэля Макрона в Нуук вряд ли могут рассматриваться как основа для настоящей интеграции – Гренландия всё ещё не входит в ЕС.

Таким образом, Гренландия остаётся в крайне неопределённой и нестабильной ситуации, полной геополитических противоречий и нерешённых вопросов.

ГРЕНЛАНДИЯ И АРКТИКА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

На протяжении многих лет Арктический Совет служил образцом мирного и прагматичного сотрудничества по вопросам, представляющим общий интерес. После приостановки участия России Совет перестал функционировать в соответствии со своим первоначальным предназначением — как площадка для мирного взаимодействия вопреки идеологическим, военным и политическим противоречиям.

В настоящее время наблюдается определённая милитаризация повестки Совета, происходящая за счёт снижения внимания к таким вопросам, как климатические изменения, трансформация ландшафтов и условий жизни местного населения, спасательные операции, научные исследования климата, морей и арктической геологии и т. д. Это представляет собой разрыв с многовековыми традициями мирного сотрудничества в высоких широтах.

На передний план вышли процессы, связанные с членами Арктического совета, включая вступление Швеции и Финляндии в НАТО, расширение военной инфраструктуры, в особенности в Норвегии, а также увеличение количества совместных учений. СМИ и аналитические центры возбуждённо обсуждают рост военного присутствия России и Китая в Арктике. Однако необходимо учитывать, что таяние льдов и изменение климата открывают российскую северную границу, вдоль которой активно развивается нефтегазовая промышленность. Этот регион имеет стратегическое значение для России.

Китай, в свою очередь, заинтересован в северном морском пути как части инициативы «Один пояс — один путь» для доставки товаров в Европу. В условиях ухода западных компаний китайские партнёры частично заняли осво-

built an entire network of radar stations in the east of Greenland, but they were abandoned after the collapse of the USSR. Now Trump is accusing Denmark of not taking the initiative to restore them.

There is some truth in these accusations: in 2019, Denmark promised the United States to increase defense spending by 1.5 billion Danish crowns, but this never happened.

A logical question arises: why would Trump formally “conquer” Greenland if the United States already has de facto broad influence capabilities? Even a minimal Chinese business in Nuuk, such as a diner, can be closed at the request of the United States. Denmark follows American policy in almost all matters, with the exception of formal symbols and legal status. The United States may begin mining (possibly with the exception of the Kuannersuit deposit), as well as the deployment of new military facilities. The only possible explanation is Trump’s personal ambitions: he wants to go down in history as a leader who expanded the United States. However, he clearly underestimated the Greenlanders.

The people of Greenland greeted Trump’s initiative with a high degree of skepticism. According to a January 2025 survey, 85% of Greenlanders opposed the “courtship” of the United States. This included the new government formed after the snap elections in the spring of 2025. The coalition led by Jens-Frederik Nielsen of the Demokraatit party harshly rejected the US proposals. There was also a near consensus in the Parliament of Greenland (Inatsisartut) that Greenland should not become American.

Although the Greenlanders’ refusal was unequivocal, the self-government structure established in 2009 showed some vulnerability. The Americans are concerned about how easily Chinese investors have been able to establish contacts with the Greenlandic and Danish authorities. In addition, the United States is alarmed by the fact that the population of Greenland (about 56 thousand people) may well vote for independence, and Denmark, according to the law, will be obliged to recognize this. What happens if sovereign Greenland is ruled by leftist and, from the point of view of the United States, politically unstable leaders? Many Americans perceive Greenlandic politicians as inexperienced. To an outside observer, Greenland’s political structure may indeed seem unstable and unclear: who makes the final decisions — Copenhagen or Nuuk?

In 2023, one of the veterans of the Greenland independence movement, Akkaluk Lynge, wrote in his column that the current international situation was not conducive to independence. The world has become less predictable, trade and logistics chains are vulnerable, and security is shaky. In such circumstances, it is unlikely that the great Powers will approve of Greenland’s independence. How viable the EU’s defense consolidation plans are is also questionable. Ursula von der Leyen and Emmanuel Macron’s visits to Nuuk can hardly be considered as a basis for real integration — Greenland is still not a member of the EU.

Thus, Greenland remains in an extremely uncertain and unstable situation, full of geopolitical contradictions and unresolved issues.

GREENLAND AND THE ARCTIC IN A CHANGING WORLD

For many years, the Arctic Council has served as a model of peaceful and pragmatic cooperation on issues of common interest. After the suspension of Russia’s participation, the Council ceased to function in accordance with its original purpose — as a platform for peaceful interaction despite ideological, military and political contradictions.

Currently, there is a certain militarization of the Council’s agenda, which is taking place due to a decrease in attention to issues such as climate change, the transformation of landscapes and living conditions of the local population, rescue operations, scientific research on climate, seas

and Arctic geology, etc. This represents a break with the centuries-old traditions of peaceful cooperation in high latitudes.

The processes related to the Arctic Council members have come to the fore, including the accession of Sweden and Finland to NATO, the expansion of military infrastructure, especially in Norway, as well as an increase in the number of joint exercises. The media and think tanks are excitedly discussing the growing military presence of Russia and China in the Arctic. However, it must be borne in mind that ice melting and climate change are opening up the Russian northern border, along which the oil and gas industry is actively developing. This region is of strategic importance to Russia.

China, in turn, is interested in the Northern Sea Route as part of the Belt and Road initiative to deliver goods to Europe. With the withdrawal of Western companies, Chinese partners have partially occupied the vacant niche. Nevertheless, the US claims about the massive presence of Russian and Chinese warships off the coast of Greenland are not true. Russia has indeed reconstructed and built new military installations, mainly to protect its northern border and energy infrastructure. From a Western military point of view, the waters between Iceland, the Faroe Islands and the United Kingdom are of the greatest importance, and Greenland plays a secondary role in this equation.

Nevertheless, it is safe to say that a significant part of the struggle for a new global system will take place in the Arctic.

At the same time, it should not be forgotten that even in the conditions of an aggravated international situation, islands of normality remain. In 2023, despite the ongoing war in Ukraine and the almost complete absence of contacts between Russia and the West due to harsh sanctions, the UN Commission on the Limits of the Continental Shelf satisfied a significant part of the Russian claim to the Arctic shelf. Russia has gained international recognition for its 1.7 million square kilometers stretching across the North Pole all the way to the 200-mile economic zones of Canada and Greenland. The remaining 300,000 square kilometers are still under consideration. Decisions on applications from Denmark and Canada are expected in the coming years.

This was a diplomatic victory for Russia, as well as, in a broader sense, a victory for the principles of international law, albeit in a limited area of the global scene. All parties recognized the jurisdiction and procedure of the United Nations, a rare example of compliance in an era of political turbulence. Norway and Russia have also reached some compromises regarding the Barents Sea.

Everything indicates that cooperation with Russia in the Arctic in the future will be primarily bilateral rather than multilateral. One of the most significant losses was the breakdown of scientific cooperation, especially in the field of geological and environmental research. However, there are signs that a possible rapprochement between the United States and Russia may lead to the restoration of scientific cooperation. The realization of such a perspective will be in line with the spirit of Mikhail Lomonosov and Benjamin Franklin, who founded the tradition of international scientific cooperation in the Arctic in the 18-th century. This would definitely be useful for all countries in the region. ■

бодившуюся нишу. Тем не менее, утверждения США о массовом присутствии российских и китайских военных кораблей у берегов Гренландии не соответствуют действительности. Россия действительно реконструировала и построила новые военные объекты, главным образом с целью защиты своей северной границы и энергетической инфраструктуры. С западной военной точки зрения наибольшее значение имеют воды между Исландией, Фарерскими островами и Великобританией, а Гренландия в этом уравнении играет второстепенную роль.

Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что значительная часть борьбы за новую мировую систему будет разворачиваться именно в Арктике.

В то же время не следует забывать, что даже в условиях обострённой международной обстановки сохраняются островки нормальности. В 2023 году, несмотря на продолжающуюся войну на Украине и почти полное отсутствие контактов между Россией и Западом из-за жёстких санкций, Комиссия ООН по границам континентального шельфа удовлетворила значительную часть российского требования на арктический шельф. Россия получила международное признание за 1,7 миллиона квадратных километров, простирающихся через Северный полюс вплоть до 200-мильных экономических зон Канады и Гренландии. Оставшиеся 300 тысяч квадратных километров пока находятся в процессе рассмотрения. Решения по заявкам Дании и Канады ожидаются в ближайшие годы.

Это стало дипломатической победой России, а также, в более широком смысле, победой принципов международного права, пусть и на ограниченном участке глобальной сцены. Все стороны признали юрисдикцию и процедуру ООН – редкий пример соблюдения норм в эпоху политической турбулентности. Норвегия и Россия также достигли некоторых компромиссов в отношении Баренцева моря.

Всё указывает на то, что сотрудничество с Россией в Арктике в будущем будет носить преимущественно двусторонний, а не многосторонний характер. Одной из наиболее ощутимых потерь стал разрыв научного сотрудничества, особенно в области геологических и экологических исследований. Однако есть признаки того, что возможное сближение между США и Россией может привести к восстановлению научного взаимодействия. Реализация такой перспективы будет соответствовать духу Михаила Ломоносова и Бенджамина Франклина, заложивших в XVIII веке традицию международного научного сотрудничества в Арктике. Это было бы одно-значно полезно для всех стран региона. ■

Арктический вопрос и Турция: новые рубежи в контексте доктрины «Голубой родины»

Арктический регион, который долгое время воспринимался как отдаленное и пустынное пространство, быстро превратился в одну из наиболее стратегически важных зон на Земле. Арктика, характеризующаяся экстремальными климатическими условиями, вечной мерзлотой и хрупкими экосистемами, претерпевает глубокие изменения в связи с глобальным потеплением и меняющимися геополитическими интересами. Его трансформация меняет международные отношения, энергетическую политику, морское право и экологическое управление.

Джихат Яйчи,
контр-адмирал в отставке,
доцент Стамбульского университета Топкапы,
Турция

The Arctic Question and Türkiye: A New Frontier in the Context of the Blue Homeland Doctrine

Cihat Yaycı,
Rear Admiral (Ret.), Assoc. Prof., Istanbul Topkapı University
Turkey.

The Arctic region, long perceived as a remote and desolate expanse, has rapidly emerged as one of the most strategically significant zones on Earth. Characterized by its extreme climatic conditions, permafrost landscapes, and fragile ecosystems, the Arctic is undergoing profound changes due to global warming and evolving geopolitical interests. Its transformation is reshaping international relations, energy politics, maritime law, and environmental governance.

Unlike Antarctica, which is a continental landmass encircled by ocean and governed by the Antarctic Treaty System – a regime that bans mineral extraction and promotes scientific cooperation – the Arctic is a frozen ocean bordered by sovereign states. These coastal nations – namely Russia, Canada, the United States, Denmark (via Greenland), and Norway – are collectively known as the "Arctic Five". Their geo-

В отличие от Антарктиды, которая представляет собой континентальный массив суши, окруженный океаном и управляемый Системой Договора об Антарктике – режимом, запрещающим добычу полезных ископаемых и поощряющим научное сотрудничество, – Арктика представляет собой замерзший океан, граничащий с суверенными государствами. Эти прибрежные государства, а именно Россия, Канада, Соединенные Штаты, Дания (через Гренландию) и Норвегия, в совокупности известны как «Арктическая пятерка». Их географическая близость к Северному Ледовитому океану предоставляет им особые права в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву (ЮНКЛОС), особенно в отношении территориальных вод, исключительных экономических зон (ИЭЗ) и претензий на расширенные континентальные шельфы. Такая схема создает гораздо более противоречивую правовую и стратегическую среду по сравнению с относительно кооперативной антарктической моделью.

Масштабы природных богатств Арктики поражают воображение. По данным Геологической службы США (USGS), в регионе может находиться около 90 миллиардов баррелей неразведанной нефти, 1 669 триллионов кубических футов природного газа и 44 миллиарда баррелей сжиженного природного газа. Эти оценки составляют примерно 22% неразведанных, технически извлекаемых запасов традиционных углеводородов в мире. Примечательно, что 84% этих энергетических запасов, как полагают, находятся на шельфе – под морским дном континентальных шельфов – в зонах, где часто возникают споры о морских границах и взаимные претензии.

Помимо углеводородов, Арктика является кладом важнейших полезных ископаемых, необходимых для технологической революции 21 века и глобального перехода к «зеленой» энергетике. Никель, медь, цинк, золото и палладий относятся к числу ценных ресур-

сов, добываемых в Арктике, и они имеют решающее значение для производства аккумуляторов, солнечных панелей, ветряных турбин и электромобилей. По мере роста спроса на эти полезные ископаемые во всем мире ожидается обострение конкуренции за права на добычу полезных ископаемых в Арктике, что еще больше усложнит экономические интересы экологическими и юридическими сложностями.

Изменение климата, пожалуй, является единственным наиболее преобразующим фактором, влияющим на стратегическую траекторию развития Арктики. Потепление в Арктике происходит почти в четыре раза быстрее, чем в среднем по миру, и это явление известно как «усиление Арктики». С начала спутникового мониторинга в 1979 году площадь летнего морского льда сокращалась примерно на 13% за десятилетие. Эта тревожная тенденция имеет далеко идущие последствия: повышение уровня моря, нарушение глобальных погодных условий и разрушение экосистемы. Однако, как это ни пара-

доксально, это также открывает новые возможности для человеческой деятельности в регионе.

Одним из самых непосредственных последствий таяния морского льда является появление новых морских коридоров. Главным из них является Северный морской путь (СМП), который проходит вдоль северного побережья России и обеспечивает значительно более короткий путь сообщения между азиатскими и европейскими рынками. СМП может сократить время в пути между Роттердамом и Шанхаем до 40%, представляя собой привлекательную альтернативу традиционным маршрутам, таким как Суэцкий канал. Поскольку мировая торговля становится все более зависимой от времени, судоходные компании и правительства проявляют интерес к этим новым маршрутам. Однако такая навигация остается сезонной и зависит от помощи ледокола, что вызывает вопросы о безопасности, страховании и экологических рисках.

Более того, таяние льдов расширило доступ к коммерческому рыболовству, особенно в таких богатых биологическими ресурсами регионах, как Баренцево и Берингово моря. Рыбные запасы, такие как треска, пикша и минтай, стали более доступными, что привело к резкому росту рыболовной активности. Такое развитие событий обладает значительным экономическим потенциалом, но также сопряжено с риском чрезмерной эксплуатации. Без надежных механизмов управления и многосторонних соглашений по управлению рыболовством Арктика может стать очагом конфликтов из-за нехватки ресурсов и экологической деградации.

Экологические проблемы усугубляются угрозой разливов нефти, промышленных аварий и необратимого ущерба уязвимым местообитаниям. Экосистема Арктики уникально хрупка; выживание таких видов, как белые медведи, моржи и песцы, зависит от

Турция, несмотря на географическую удаленность от Арктики, начала проявлять интерес к этому региону в рамках своего расширяющегося морского видения, известного как доктрина «Голубой родины» (Мави Ватан). В этой доктрине подчеркивается важность защиты и распространения морских прав Турции на широкий спектр морей мира.

стабильных ледовых условий. Таяние вечной мерзлоты также грозит высвобождением огромного количества метана, мощного парникового газа, который может ускорить глобальное потепление по принципу обратной связи.

Растущие экономические возможности и экологические проблемы усиливают геополитическую конкуренцию. Прибрежные арктические государства все больше милитаризируют регион, укрепляют свои структуры командования в Арктике и проводят военные учения под предлогом поисково-спасательных работ или патрулирования суверенитета. Россия, например, вновь открыла базы советских времен и разместила новые системы вооружений за Полярным кругом. Соединенные Штаты отреагировали обновленными стратегиями в Арктике, а НАТО начало включать подготовку к Арктике в свое оборонное планирование.

Помимо «Арктической пятерки», в борьбу вступают и другие страны. Китай, который объявил себя «приарктическим государством», вложил значительные средства в арктические исследовательские станции, инфраструктуру и возможности судоходства. Его инициатива «Полярный шелковый путь» направлена на интеграцию арктических морских путей в более широкую структуру «Пояса и пути». Хотя Китай имеет статус наблюдателя в Арктическом совете, его амбиции вызывают обеспокоенность у признанных арктических государств в отношении про-

Türkiye, although geographically distant from the Arctic, has started to assert its interest in the region as part of its expanding maritime vision known as the "Blue Homeland" (Mavi Vatan) Doctrine. This doctrine emphasizes the protection and projection of Türkiye's maritime rights across a broad spectrum of global seas.

зрачности, экологических стандартов и стратегических намерений.

Турция, несмотря на географическую удаленность от Арктики, начала проявлять интерес к этому региону в рамках своего расширяющегося морского видения, известного как доктрина «Голубой родины» (Мави Ватан). В этой доктрине подчеркивается важность защиты и распространения морских прав Турции на широкий спектр морей мира. В 2015 году Турция подала заявку на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете, продемонстрировав свое намерение участвовать в диалоге и управлении Арктикой.

Более решительный шаг был сделан в октябре 2023 года, когда Турция присоединилась к Договору о Шпицбергене. Это столетнее соглашение, первоначально подписанное в 1920 году, предоставляет подписавшим его странам равные права на занятие экономической деятельностью, такой как рыболовство, добыча полезных ископаемых и научные исследования на архипелаге Шпицберген, который находится под суверенитетом Норвегии. Присоединившись к этому договору, Турция закрепила за собой юридический статус в арктических делах и позиционировала себя как заинтересованную сторону в меняющемся геополитическом ландшафте.

Этот шаг соответствует более широкой стратегической цели Турции – стать глобальным морским игроком. Включение Арктики в ее морскую доктрину не просто символично.

graphic proximity to the Arctic Ocean grants them special rights under the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), particularly regarding territorial waters, exclusive economic zones (EEZs), and claims to extended continental shelves. This setup results in a far more contested legal and strategic environment compared to the relatively cooperative Antarctic model.

The scale of resource wealth in the Arctic is staggering. According to the United States Geological Survey (USGS), the region may contain approximately 90 billion barrels of undiscovered oil, 1,669 trillion cubic feet of natural gas, and 44 billion barrels of natural gas liquids. These estimates represent roughly 22% of the world's undiscovered, technically recoverable conventional hydrocarbon resources. Notably, 84% of these energy reserves are believed to lie offshore – beneath the seabed of continental shelves – within zones where maritime boundary disputes and overlapping claims are frequent.

In addition to hydrocarbons, the Arctic is a treasure trove of critical minerals essential for the 21st-century technological revolution and the global transition toward green energy. Nickel, copper, zinc, gold, and palladium are among the valuable resources found in the Arctic, and they are crucial for manufacturing batteries, solar panels, wind turbines, and electric vehicles. As demand for these minerals intensifies worldwide, competition over Arctic mining rights is expected to escalate, further entangling economic interests with environmental and legal complexities.

Climate change is perhaps the single most transformative factor influencing the Arctic's strategic trajectory. The Arctic is warming nearly four times faster than the global average, a phenomenon known as "Arctic amplification." Since satellite monitoring began in 1979, the summer sea ice extent has shrunk by approximately 13% per decade. This alarming trend has far-reaching implications: rising sea levels, disruptions to global weather patterns, and ecosystem collapse. Yet paradoxically, it is also opening up new avenues of human activity in the region.

By anchoring itself in legal frameworks like the Svalbard Treaty and advocating for inclusion in the Arctic Council, Türkiye is asserting its role as a global maritime power.

One of the most immediate consequences of melting sea ice is the emergence of new maritime corridors. Chief among these is the Northern Sea Route (NSR), which follows Russia's northern coast and offers a considerably shorter passage between Asian and European markets. The NSR can reduce travel time between Rotterdam and Shanghai by up to 40%, presenting an attractive alternative to traditional routes like the Suez Canal. As global trade becomes more time-sensitive, shipping companies and governments alike are taking interest in these emerging pathways. However, such navigation remains seasonal and reliant on icebreaker assistance, raising questions about safety, insurance, and environmental risk.

Moreover, the retreating ice has expanded access to commercial fisheries, particularly in biologically rich regions such as the Barents and Bering Seas. Fish stocks like cod, haddock, and pollock have become more accessible, prompting a surge in fishing activity. This development holds significant economic potential but also poses a risk of over-exploitation. Without robust governance mechanisms and multilateral fishery management agreements, the Arctic could become a hotspot for resource-driven conflict and ecological degradation.

Environmental concerns are further compounded by the threat of oil spills, industrial accidents, and irreversible damage to sensitive habi-

Опираясь на правовые рамки, такие как Договор о Шпицбергене, и выступая за вступление в Арктический совет, Турция подтверждает свою роль мировой морской державы.

tats. The Arctic ecosystem is uniquely fragile; species like polar bears, walruses, and Arctic foxes rely on stable ice conditions for survival. Melting permafrost also threatens to release vast quantities of methane, a potent greenhouse gas, which could accelerate global warming in a feedback loop.

The growing economic opportunities and environmental challenges have intensified geopolitical competition. Arctic coastal states are increasingly militarizing the region, enhancing their Arctic command structures, and conducting military exercises under the pretext of search and rescue or sovereignty patrols. Russia, for instance, has reopened Soviet-era bases and stationed new weapons systems in the Arctic Circle. The United States has responded with updated Arctic strategies, and NATO has begun incorporating Arctic readiness into its defense planning.

Beyond the Arctic Five, other countries are also entering the fray. China, which declared itself a "near-Arctic state," has invested heavily in Arctic research stations, infrastructure, and shipping capabilities. Its Polar Silk Road initiative is intended to integrate Arctic sea lanes into the broader Belt and Road framework. While China has observer status in the Arctic Council, its ambitions have raised concerns among established Arctic nations regarding transparency, environmental standards, and strategic intentions.

Это свидетельствует о готовности адаптироваться к реалиям многополярного мира, где морские пространства играют центральную роль в обеспечении мощи, ресурсной безопасности и стратегической глубины. Участие Турции может также проложить путь к научному сотрудничеству, партнерству в области освоения энергии и многостороннему диалогу по управлению Арктикой.

Арктика больше не является отдаленной, замерзшей пустотой. Это динамичный, спорный и имеющий большое значение регион, в центре внимания которого находятся некоторые из наиболее актуальных проблем нашего времени: изменение климата, энергетическая безопасность, геополитическое соперничество и международное право. Ускорение таяния льдов превратило его одновременно в предупреждающий знак об экологической опасности и в новый рубеж возможностей. Страны, которые осознают эту двойственную реальность и подготовятся соот-

Опираясь на правовые рамки, такие как Договор о Шпицбергене, и выступая за вступление в Арктический совет, Турция подтверждает свою роль мировой морской державы. Ее действия отражают сочетание прагматизма и принципиального подхода к доступу к ресурсам, а также способствуют справедливому управлению.

Türkiye, although geographically distant from the Arctic, has started to assert its interest in the region as part of its expanding maritime vision known as the "Blue Homeland" (Mavi Vatan) Doctrine. This doctrine emphasizes the protection and projection of Türkiye's maritime rights across a broad spectrum of global seas. In 2015, Türkiye applied for observer status in the Arctic Council, demonstrating its intent to participate in Arctic dialogue and governance.

A more decisive step came in October 2023, when Türkiye became a party to the Svalbard Treaty. This century-old agreement, originally signed in 1920, grants signatory nations equal rights to engage in economic activities such as fishing, mining, and research on the Svalbard archipelago, which is under Norwegian sovereignty. By joining this treaty, Türkiye has secured legal standing in Arctic affairs and positioned itself as a stakeholder in the evolving geopolitical landscape.

This move aligns with Türkiye's broader strategic objective of becoming a global maritime actor. The inclusion of the Arctic in its maritime doctrine is not merely symbolic. It signals a willingness to adapt to the realities of a multipolar world where maritime spaces are central to power projection, resource security, and strategic depth. Türkiye's involvement may also pave the way for scientific cooperation, energy exploration partnerships, and multilateral dialogue on Arctic governance.

In conclusion, the Arctic is no longer a distant, frozen void. It is a dynamic, contested, and highly consequential region at the heart of some of the most pressing issues of our time: climate change, energy security, geopolitical rivalry, and international law. The acceleration of ice melt has turned it into both a warning sign of environmental peril and a new frontier of opportunity. Countries that recognize this dual reality and prepare accordingly will shape the future of the Arctic and, by extension, the future of global order.

Türkiye's proactive steps – grounded in the Blue Homeland Doctrine and bolstered by legal instruments like the Svalbard Treaty—mark a strategic evolution in its maritime policy. As it navigates this new horizon, Ankara must balance its geopolitical ambitions with its responsibilities toward environmental preservation and international cooperation. In doing so, Türkiye is not only expanding its maritime reach but also redefining its identity as a forward-looking, globally engaged maritime power.

ветствующим образом, будут определять будущее Арктики и, как следствие, будущее мирового порядка.

Активные шаги Турции, основанные на доктрине «Голубой родины» и подкрепленные юридическими документами, такими как Договор о Шпицбергене, знаменуют собой стратегическую эволюцию в ее морской политике. Осваивая эти новые горизонты, Анкара должна сбалансировать свои геополитические амбиции с обязанностями по сохранению окружающей среды и международному сотрудничеству. Таким образом, Турция не только расширяет свой морской охват, но и по-новому определяет свою идентичность как дальновидной морской державы с мировым именем.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ МОРСКОЕ ВИДЕНИЕ

Действия Турции в Арктике следует рассматривать в более широком контексте ее реалистичного внешнеполитического подхода и развивающейся военно-морской доктрины. Доктрина «Голубой родины», первоначально разработанная для утверждения морских притязаний в Восточном Средиземноморье, превратилась во всеобъемлющую геополитическую стратегию, направленную на обеспечение национальных интересов в глобальных морских пространствах.

В основе этой доктрины лежит принцип, согласно которому безопасность на море, доступ к морским путям и контроль над подводными ресурсами являются неотъемлемой частью национального суверенитета. Включение Арктики в эти рамки свидетельствуют

ет о глубокой переоценке морских приоритетов Турции, расширяя сферу ее интересов до одного из наиболее спорных и динамично развивающихся регионов на планете.

Подтверждая свое законное присутствие на Шпицбергене и добиваясь статуса наблюдателя в Арктическом совете, Турция закладывает основу для долгосрочного участия в управлении полярными районами. Это также согласуется с ее усилиями по наращиванию военно-морского потенциала, инвестированию в морские исследования и формированию стратегических партнерств со странами, которые уже активно работают в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

АРКТИКА – НОВЫЙ РУБЕЖ «ГОЛУБОЙ РОДИНЫ»

В 21 веке Арктика превратилась в ключевую арену геополитической конкуренции, экологической озабоченности и экономических возможностей. По мере того, как мировые державы борются за влияние в регионе, новые игроки, такие как Турция, пересматривают свои стратегические горизонты.

Участие Турции в Арктике носит более чем символический характер. Это является ощутимым продолжением доктрины «Голубой родины», подтверждающей ее приверженность защите морских интересов не только на региональном, но и на глобальном уровне. Этот подход не просто оппортунистичен; он основан на видении, согласно которому океаны рассматриваются как стратегические арены в борьбе за суверенитет, устойчивость и безопасность.

Опираясь на правовые рамки, такие как Договор о Шпицбергене, и выступая за вступление в Арктический совет, Турция подтверждает свою роль мировой морской державы. Ее действия отражают сочетание прагматизма и принципиального подхода к доступу к ресурсам, а также способствуют справедливому управлению.

Поскольку изменение климата продолжает изменять арктический ландшафт, страны, которые будут действовать заблаговременно и стратегически, получают больше возможностей влиять на будущее региона. Турция, с ее концепцией «Голубой родины», сигнализирует о том, что намерена быть в их числе. Арктика, некогда бывшая далекой замерзшей границей, теперь является частью расширяющихся морских горизонтов Турции – новым и жизненно важным компонентом ее геополитической идентичности. ■

STRATEGIC IMPLICATIONS AND THE GLOBAL MARITIME VISION

Türkiye's Arctic engagement must be viewed within the broader scope of its realist foreign policy approach and evolving naval doctrine. The Blue Homeland Doctrine, initially formulated to assert maritime claims in the Eastern Mediterranean, has grown into a comprehensive geopolitical strategy that seeks to secure national interests across global maritime domains.

This doctrine is rooted in the principle that maritime security, access to sea lanes, and control over underwater resources are integral to national sovereignty. The inclusion of the Arctic within this framework signals a profound recalibration of Türkiye's maritime priorities, extending its sphere of interest into one of the most contested and dynamic regions on the planet.

By asserting its legal presence in Svalbard and pursuing Arctic Council observer status, Türkiye is laying the groundwork for long-term involvement in polar governance. This also aligns with its efforts to build naval capabilities, invest in maritime research, and form strategic partnerships with countries already active in the region.

CONCLUSION:

THE ARCTIC AS THE NEW FRONTIER OF THE BLUE HOMELAND

In the 21st century, the Arctic has emerged as a pivotal theater of geopolitical competition, environmental concern, and economic opportunity. As global powers vie for influence in the region, new actors like Türkiye are redefining their strategic horizons.

Türkiye's engagement in the Arctic is more than symbolic. It represents a tangible extension of the Blue Homeland Doctrine, reaffirming its commitment to safeguarding maritime interests not just regionally, but globally. This approach is not merely opportunistic; it is grounded in a vision that sees oceans as strategic arenas in the contest for sovereignty, sustainability, and security.

By anchoring itself in legal frameworks like the Svalbard Treaty and advocating for inclusion in the Arctic Council, Türkiye is asserting its role as a global maritime power. Its actions reflect a blend of pragmatism and principle – seeking resource access while also promoting equitable governance.

As climate change continues to reshape the Arctic landscape, nations that act early and strategically will be better positioned to influence the region's future. Türkiye, with its Blue Homeland vision, is signaling that it intends to be among them. The Arctic, once a distant frozen frontier, is now part of Türkiye's expanding maritime horizon – a new and vital component of its geopolitical identity. ■

By anchoring itself in legal frameworks like the Svalbard Treaty and advocating for inclusion in the Arctic Council, Türkiye is asserting its role as a global maritime power. Its actions reflect a blend of pragmatism and principle – seeking resource access while also promoting equitable governance.

Факультет государственного управления
МГУ имени М.В.Ломоносова

№1 среди вузов
России

QS World University Rankings 2025

№1 по специальности «социальные
науки и менеджмент» в России

QS World University Rankings by Subject 2025:
Social Sciences & Management

№1 по репутации
у работодателей в России

QS World University Rankings 2025

№3 по специальности «государственное
и муниципальное управление» в России

Предметный рейтинг вузов RAEX:
государственное и муниципальное управление, 2024 год

*Искусство управлять
великой страной!*

School of Public Administration
Lomonosov Moscow State University

TOP-100

universities in the world

QS World University Rankings 2025

#84 in the world by subject
"social sciences and management"

QS World University Rankings by Subject 2025:
Social Sciences & Management

#80 employers reputation
in the world

QS World University Rankings 2025

#3 in Russia by subject
"public and municipal administration"

Universities subject rating of RAEX:
Public and municipal administration, 2024

*The art of governing
a Great country!*

**Международное
сотрудничество
в эпоху новой
геополитики
в Арктике**

**International
Cooperation in the Era
of New Geopolitics
in the Arctic**

Будущее геополитики

Тина Солиман Хантер,

профессор права в области энергетики и природных ресурсов, директор Центра инноваций и трансформации в области энергетики и природных ресурсов, заместитель директора Исследовательского центра трансформации энергетических рынков Университета Маккуори, Австралия

Бывшее советское поселение Пирамида на архипелаге Шпицберген вызывает в памяти множество образов. Бывший советский населенный пункт, являющийся ярким напоминанием о прошлых геополитических амбициях и отношениях, международном сотрудничестве и, наряду с Баренцбургом, одним из последних мест сотрудничества между Россией и Западом в эпоху растущей геополитической напряженности и изоляции. Это было бы не сотрудничество в традиционном смысле, то есть сотрудничество на политическом уровне, а скорее научное сотрудничество. Такое сотрудничество необходимо, учитывая серьезные экологические проблемы, с которыми сталкивается Арктика, включая быстрое таяние льдов, таяние вечной мерзлоты, более экстремальные погодные явления, социальные и экономические изменения, а также проблемы в области производства энергии и тепла.

Чтобы облегчить такое сотрудничество за пределами официальных организаций, таких как Арктический совет и Совет Баренцева/Евроарктического региона, где Россия либо нежелательна, либо в настоящее время вышла из

состава, Россия стремится возродить Pyramiden в качестве исследовательского центра для ученых. Несмотря на то, что многие государства приветствуют это открытие, другие по-прежнему относятся к нему скептически в эпоху геополитической напряженности, в эпоху конфликтов и балансирования на грани войны. В этой статье рассматривается взаимосвязь между созданием научно-исследовательского центра на архипелаге Шпицберген и геополитикой региона.

В Арктике: вклад предлагаемой исследовательской станции “Пирамида” в сотрудничество и прагматизм

ШПИЦБЕРГЕНСКИЙ ДОГОВОР И ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Архипелаг Шпицберген (иногда называемый Шпицбергеном) использовался представителями многих национальностей для занятий рыболовством, добычей полезных ископаемых, а в последнее время - исследованиями и туризмом. Еще столетие назад архипелаг был невооруженной территорией, и эта деятельность велась без учета того, что Шпицберген «принадлежал» какой-либо одной стране. Скорее, это была форма «международного» или «глобального» общего достояния, без законов или правил, а также без судов для разрешения конфликтов, когда они возникали. Охотники за пушниной и китобой из нескольких стран устроили там форпосты. После того, как в 1890-х годах были обнаружены залежи угля, интерес к островам возрос. В 1920 году конференция стран ратифицировала Договор о Шпицбергене («Договор»), предоставив суверенитет Норвегии, которая продолжает управлять островами.

Однако этот суверенитет не является абсолютным и оговаривается конкретными условиями. Статьи 2 и 3 Договора предоставляют всем 46 странам, подписавшим Соглашение, включая Россию, Китай, Индию, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, США и Великобританию, равные права на занятие коммерческой деятельностью, которая включает добычу угля и рыболовство, в рамках природоохранного законодательства и других обязательств по договору. Он также устанавливает право жителей подписавших его стран проживать на архипелаге без необходимости получения виз или разрешений на рабо-

The future of geopolitics in the Arctic: the contribution of the proposed Pyramiden research station to cooperation and pragmatism

Tina Soliman-Hunter,

*Professor of Energy and Resources Law, Co-Director,
Transforming Energy Markets Research Centre (TEM),
Macquarie University*

The former Soviet settlement of Pyramiden on the Svalbard Archipelago conjures up many images. A former Soviet settlement standing as a poignant reminder of past geopolitical ambitions and relationships, international cooperation and, along with Barentsburg, one of the last places of cooperation between Russia and the west in an era of increasing geopolitical tension and isolation. This would not be cooperation in the traditional sense, that is, cooperation on a political level, but rather that of scientific cooperation. Such cooperation is necessary given the critical environmental issues plaguing the Arctic, including rapid melting of ice, permafrost thaw, more extreme weather events, social and economic changes, and challenges in energy and heat generation.

To facilitate such cooperation outside of formal organisations such as the Arctic Council and the Barents Euro-Arctic Council where Russia is either unwelcome or has currently withdrawn,

Russia is seeking to reinvigorate Pyramiden as a research facility for scientists. Although welcome by many states, others remain sceptical in an era of geopolitical tension in an era of conflict and brinksmanship. This article examines the relationship between the establishment of a scientific research centre of the Archipelago of Svalbard and the geopolitics of the region.

THE SVALBARD TREATY AND RUSSIA'S PRESENCE ON SVALBARD

The Svalbard Archipelago (sometimes referred to as Spitzbergen) has been utilised by peoples of many nationalities for activities including trapping, mining and more recently, research and tourism. Until a century ago, the archipelago was unclaimed territory, with these activities proceeding without Svalbard 'belonging' to any one country. Rather, it was a form of an 'international' or 'global' commons, without laws or regulations, and no courts to resolve conflicts when they arose. Fur hunters and whalers from several nations made outposts there. After coal deposits were discovered in the 1890s, interest in the islands intensified. In 1920, a conference of countries ratified the Svalbard Treaty ('the Treaty'), granting sovereignty to Norway, which continues to administer.

However, this sovereignty is not absolute and is subject to specific stipulations. Articles 2 and 3 of the Treaty grants all 46 Treaty signatory nations, including Russia, China, India, Iran, the United Arab Emirates, the US and the UK, equal rights to engage in commercial activities which include coal mining and fishing within the limits of environmental laws and other treaty obligations. It also establishes the right for residents of signatory nations to reside on the archipelago without requiring visas or work permits. This non-discriminatory access is a cornerstone of the Treaty, creating a distinctive legal and political environment. Although there is no dispute that Norway has sovereignty, as set out Article 1 of the Treaty, the exercise of such sovereign rights has been the subject of ongoing discussion.

As the sovereign power, Norway seeks to assert control and regulate activities. Given that Russia was not at the Treaty negotiations, there was concern that the then Soviet Union would challenge the Treaty, 'given their geographic proximity to the area and claims of historic use'. However, in 1924 the USSR unconditionally recognised Norwegian Sovereignty over the Archipelago, acceding to the Treaty in 1935. As noted by Jorgensen, as sovereign,

Norway regulates all activities in the archipelago, but multiple countries have their own nationals and companies operating there. Over time – as Norway has implemented stricter environmental regulations, increased coordination of other countries' research activities, and limited certain types of activities that do not fall under the scope of the 1920 treaty – the outcry from treaty signatories over specific issues and interests has grown.

The Soviet Union, and later Russia, has maintained a presence on Svalbard though its mining operations and settlement in Barentsburg, which continues operations today. In contrast, coal mining at Russia's other main Svalbard settlement, Pyramiden, abounded in 1998 when coal mining operations ceased. Russia has continued to challenge Norway's use of Svalbard for military purposes. Despite Article 9 of the Treaty prohibiting military bases and fortifications, Svalbard is not formally designated as a demilitarized zone. Regularly the Norwegian Coast Guard ('Kystvakt') docks at Longyearbyen for 'resupply

ту. Этот недискриминационный доступ является краеугольным камнем Договора, создающим особую правовую и политическую среду. Хотя никто не оспаривает, что Норвегия обладает суверенитетом, как это предусмотрено в статье 1 Договора, осуществление таких суверенных прав является предметом постоянного обсуждения.

Как суверенная держава, Норвегия стремится установить контроль и регулировать деятельность. Учитывая, что Россия не участвовала в переговорах по Договору, существовали опасения, что тогдашний Советский Союз оспорит этот договор, «учитывая их географическую близость к этому району и претензии на историческое использование». Однако в 1924 году СССР безоговорочно признал суверенитет Норвегии над архипелагом, присоединившись к Договору в 1935 году. Как отметил Йоргенсен, как суверенный,

Норвегия регулирует всю деятельность на архипелаге, но во многих странах есть свои граждане и компании, работающие там. Со временем, по мере того как Норвегия вводила более строгие экологические нормы, усиливала координацию исследовательской деятельности других стран и ограничивала определенные виды деятельности, которые не подпадают под действие договора 1920 года, недовольство подписавших договор сторон конкретными проблемами и интересами росло.

Советский Союз, а затем и Россия сохранили свое присутствие на Шпицбергене благодаря добыче полезных ископаемых и поселению в Баренцбурге, которое продолжает функционировать и по сей день. В отличие от этого, добыча угля в другом крупном российском населенном пункте на Шпицбергене, Пирамиде, в 1998 году, когда добыча угля была прекращена, пошла в гору. Россия продолжает оспаривать использование Норвегией Шпицбергена в военных целях. Несмотря на статью 9 Договора, запрещающую военные базы и укрепления, Шпицберген официально не объявлен демилитаризованной зоной. Норвежская береговая охрана («Kystvakt») регулярно причаливает в Лонгйире для «пополнения запасов», а фрегаты ВМС Норвегии также поддерживают присутствие, якобы для того, чтобы подчеркнуть суверенитет и возможности Норвегии в регионе. Россия оспорила такое использование Шпицбергена Норвегией, заявив, что оно осуществляется в «военных целях» и, таким образом, нарушает статью 9 Договора. Действительно, в ноябре 2021 года Россия обвинила Норвегию в стремлении включить Шпицберген в сферу своего национального военного развития, включая получение подкреплений от союзников по НАТО. Аналогичным образом, в октябре 2022 года Россия заявила, что действия Норвегии были направлены на «закрепление Шпицбергена в сфере ее военной деятельности».

Чувствительность России к вопросу о военной активности на Шпицбергене связана не только с Договором, но и с близостью Шпицбергена к Северному флоту на Кольском полуострове. Аналогичным образом, Россия оспорила создание KSAT, спутниковой станции Kongsberg, расположенной на Платобергете недалеко от Лонгйира, для мониторинга низковысотных спутников на полярной орбите (спутников на низкой околоземной орбите (LEO)), ставя под сомнение, используются ли собранные данные в «военных целях». Хотя Россия продолжает делать решительные заявления относительно использования Норвегией архипелага, ее действия носят мирный характер и направлены на повышение открытости к изучению новых способов поддержания достаточного присутствия. Таким образом, очевидно, что политика (и присутствие) России на Шпицбергене, хотя и направлена на то, чтобы архипелаг не мог быть использован в военных целях против России, отражает желание обеспечить мирное, но заметное присутствие России.

purposes', with Norwegian Navy frigates also maintaining a presence, ostensibly to highlight Norwegian sovereignty and capability in the region. Russia has challenged such use of Svalbard by Norway, claiming it is for 'military purposes' and thus in breach of Article 9 of the Treaty. Indeed, in November 2021, Russia accused Norway seeking to include Svalbard in its sphere of national military development, including the receiving of reinforcements from NATO allies. Similarly Russia argued in October 2022 that Norway's actions were aimed at 'consolidating Spitzbergen within its sphere of military activity'.

Russian sensitivities to the question of military activity on Svalbard relates not only to the Treaty, but to the proximity of Svalbard to the Northern Fleet on the Kola Peninsula. Similarly, Russia has challenged the establishment of KSAT, the Kongsberg Satellite station located on Platåberget near Longyearbyen for monitoring low altitude polar-orbiting satellites (low Earth Orbit (LEO) satellites), questioning whether the data gathered is used for 'war-like purposes'. Although Russia continues to make strong statements regarding Norway's use of the Archipelago, its actions are peaceful, aimed at an increasing openness to exploring new ways to sustain sufficient presence. As such it is apparent that Russia's Svalbard policy (and presence) although aimed at ensuring that the Archipelago cannot be used militarily against Russia, reflects a desire to ensure Russian presence in a manner that is peaceful yet visible.

RUSSIAN RESEARCH FACILITIES AT PYRAMIDEN

Pyramiden, named for the distinctive pyramid-shaped mountain towering over it, was initially founded by Sweden in 1910 as a coal mining station, and sold to the Soviet Union in 1928 when the Russian state-owned mining company Trust Arktikugol (the Russian State-owned enterprise that runs all Russian operations on Svalbard) assumed operational control over Pyramiden. The acquisition of Pyramiden served a crucial geopolitical function: for the Soviet Union, providing a strategic foothold on Svalbard, and by the 1980s the town contained more than 1,000 residents. However, the collapse of the Soviet Union in 1991, followed by severe economic difficulties led to the abandonment of the town in 1998, even though the Russian government wished to maintain a presence there, along with the Soviet ideology of an ideal society.

Pyramiden was empty until 2008, when Trust Arktikugol and the Governor of Svalbard make joint plans to restore Pyramiden. Initially these plans were for tourism, with one of the former Soviet buildings converted to a hotel for such purposes. Much of this tourism centred around 'nature tourism, along with skiing and research. Importantly, in Russian Svalbard policies, research activities are on par with other activities, such as tourism, helping to sustain Russia's presence in Svalbard. Therefore it was inevitable, after the announcement of research activities for Barentsburg in 2014, that the Director of Trust Arktikugol, supported by Alexei Chekunkov, Russia's Minister for the Far East would announce the development of an International Arctic Scientific Research Centre at Pyramiden, noting that such a "multi-disciplinary international scientific research centre" would attract researchers from BRICS countries. There was much discussion around the establishment of the Pyramiden Research Station (PRS) at the IV International Scientific and Practical Conference "Security of the Arctic Borders: Ecology, History, Images of the Future in October 2023 in Murmansk. In an interview with The Barents Observer, deputy Director of Trust Arktikugol Dmitri Negrutsa noted that the PRS will 'form the basis for multilateral and scientific and

educational cooperation between Russia and friendly countries' to 'carry out complex research in the Arctic region and train highly qualified scientific personnel, using Russian presence in Svalbard' focussing on climate, biology, geology, geophysical space research, weather, ecology, pollution and historical-cultural research.

There is precedent for establishing an International Arctic Scientific Research Centre. In the northwestern area of the Svalbard Archipelago is the year-round Arctic science community At the Norwegian Ny-Ålesund research station, with shared resources for marine ecology, physiology, biochemistry and physical sciences. The location of Ny-Ålesund in the Northwest of Svalbard differs markedly to the proposed PRS, located in central Svalbard at the end of ice-covered Billefjord. According to Negruța, interest in the PRS, has 'come from the scientific communities of the BRICS countries, including China, Brazil and India, as well as Turkey and Thailand'. Elsewhere in the Arctic, researchers from Latin America and the Persian Gulf have been invited to participate in research at the Tamal-Nenets Autonomous Region's Snezhinka (Snowflake) International Research Station once constructed.

Leading Russian scientific and research institutions, including the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) and the Russian State University for the Humanities (RSUH) have also entered into agreements designed to boost Russia's presence on Svalbard. Such commitment to research activities demonstrates that although Russia is concerned about Norway's seemingly militarization of Svalbard, and the declaration of Norway as 'very unfriendly', the geopolitical reality of Russia and Norway's relationship is one of continued pragmatic and functional cooperation, which has dominated the Norway-Russia relationship throughout the cold war and the post-Soviet era. Even though Russia sees threats with Norwegian actions perceived by Russia as reinforcing Norway's sovereignty over Svalbard, the establishment of an International scientific research station at Pyramiden reinforces continued pragmatic and functional cooperation between the two nations. ■

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЦЕНТРЫ В ПИРАМИДЕ

Пирамида, названный так из-за возвышающейся над ним характерной пирамидальной горы, был первоначально основан Швецией в 1910 году как станция по добыче угля и продан Советскому Союзу в 1920 году, когда российская государственная горнодобывающая компания «Арктикуголь» (российское государственное предприятие, которое управляет всеми российскими операциями на Шпицбергене) взял на себя оперативный контроль над Пирамидой. Приобретение Пирамиды сыграло важную геополитическую роль: для Советского Союза он стал стратегическим плацдармом на Шпицбергене, и к 1980-м годам в городе проживало более 1000 человек. Однако распад Советского Союза в 1991 году, за которым последовали серьезные экономические трудности, привел к тому, что в 1998 году город был забро-

шен несмотря на то, что российское правительство хотело сохранить там свое присутствие, а также советскую идеологию идеального общества.

Пирамида пустовал до 2008 года, когда трест «Арктикуголь» и губернатор Шпицбергена разработали совместные планы по восстановлению Пирамиды. Первоначально эти планы были направлены на развитие туризма, и одно из бывших советских зданий было переоборудовано под гостиницу для этих целей. Большая часть этого туризма сосредоточена на природном туризме, а также на лыжном спорте и научных исследованиях. Важно отметить, что в российской политике в отношении Шпицбергена исследовательская деятельность приравнивается к другим видам деятельности, таким как туризм, что помогает поддерживать присутствие России на Шпицбергене. Поэтому было неизбежно, что после объявления о проведении научных исследований в Баренцбурге в 2014 году, директор треста «Арктикуголь» при поддержке министра России по делам Дальнего Востока Алексея Чекункова объявит о создании Международного арктического научно-исследовательского центра в Пирамиде, отметив, что такое «междисциплинарное международное научное исследование» привлечет бы исследователей из стран БРИКС. На IV Международной научно-практической конференции «Безопасность арктических границ: экология, история, образы будущего», которая состоялась в октябре 2023 года в Мурманске, было много дискуссий вокруг создания научно-исследовательской станции «Пирамида» (PRS). В интервью Barents Observer заместитель директора треста «Арктикуголь» Дмитрий Негруца отметил, что PRS «сформирует основу для многостороннего научно-образовательного сотрудничества между Россией и дружественными странами» для «проведения комплексных исследований в Арктическом регионе и подготовки высококвалифицированных научных кадров, используя российское присутствие на Шпицбергене», основное внимание уделяется климату, биологии, геологии, геофизическим космическим исследованиям, погоде, экологии, загрязнению окружающей среды и историко-культурным исследованиям.

Существует прецедент создания Международного арктического научно-исследовательского центра. В северо-западной части архипелага Шпицберген на норвежской научно-исследовательской станции Нью-Олесунн, работающей круглый год,

работает арктическое научное сообщество, располагающее общими ресурсами в области морской экологии, физиологии, биохимии и физических наук. Расположение Нью-Олесунна на северо-западе Шпицбергена заметно отличается от предлагаемого PRS, расположенного в центральной части Шпицбергена в конце, покрытого льдом Биллефьорда. По словам Негруцы, интерес к PRS 'проявили научные сообщества стран БРИКС, включая Китай, Бразилию и Индию, а также Турцию и Таиланд'. В других районах Арктики исследователи из Латинской Америки и стран Персидского залива были приглашены для участия в исследованиях на международной исследовательской станции «Снежинка» в Ямало-Ненецком автономном округе. Когда-то построенная Международная исследовательская станция.

Ведущие российские научно-исследовательские институты, включая Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) и Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), также заключили соглашения, направленные на расширение присутствия России на Шпицбергене. Такая приверженность исследовательской деятельности демонстрирует, что, хотя Россия обеспокоена кажущейся милитаризацией Шпицбергена Норвегией и объявлением Норвегии «очень недружественной» страной, геополитическая реальность российско-норвежских отношений заключается в продолжающемся прагматичном и функциональном сотрудничестве, которое доминировало в норвежско-российских отношениях на протяжении всей холодной войны и постсоветская эпоха. Несмотря на то, что Россия видит угрозу в действиях Норвегии, которые воспринимаются Россией как укрепление суверенитета Норвегии над Шпицбергеном, создание Международной научно-исследовательской станции в Пирамиде укрепляет продолжающееся прагматичное и функциональное сотрудничество между двумя странами. ■

НОВОСТИ

«РОСТЕЛЕКОМ» И РОСАТОМ ДОГОВОРИЛИСЬ О РАСШИРЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЦИФРОВЫХ ПРОЕКТОВ В АРКТИКЕ

ПАО «Ростелеком» и АО «Атомэнергпром» (входит в Госкорпорацию «Росатом») заключили соглашение, направленное на долгосрочное сотрудничество и взаимодействие в области цифрового развития отдаленных и труднодоступных регионов Российской Федерации. Документ подписан на полях XIII Международного форума «АТОМЭКСПО-2024» в Сочи.

Партнёрство подчеркивает важность развития акватории Северного морского пути, прилегающих к нему территорий и в целом Арктической зоны Российской Федерации. Так, в рамках совместной деятельности компании планируют выполнение проектирования, строительство и последующую эксплуатацию информационно-телекоммуникационной инфраструктуры для обеспечения надежной связью береговых объектов Северного морского пути, промышленных кластеров, включая вахтовые поселки, а также объекты генерации электроэнергии. В частности, связь необходима для оснащения атомных станций малой мощности (АСММ). Первая подобная станция уже строится в районе поселка Усть-Куйга в Республике Саха (Якутия).

Источник: https://d-russia.ru/rostelekom-i-rosatom-dogovorilis-o-rasshirenii-sotrudnichestva-v-oblasti-cifrovyyh-proektov-v-arktike.html?utm_source=telegram

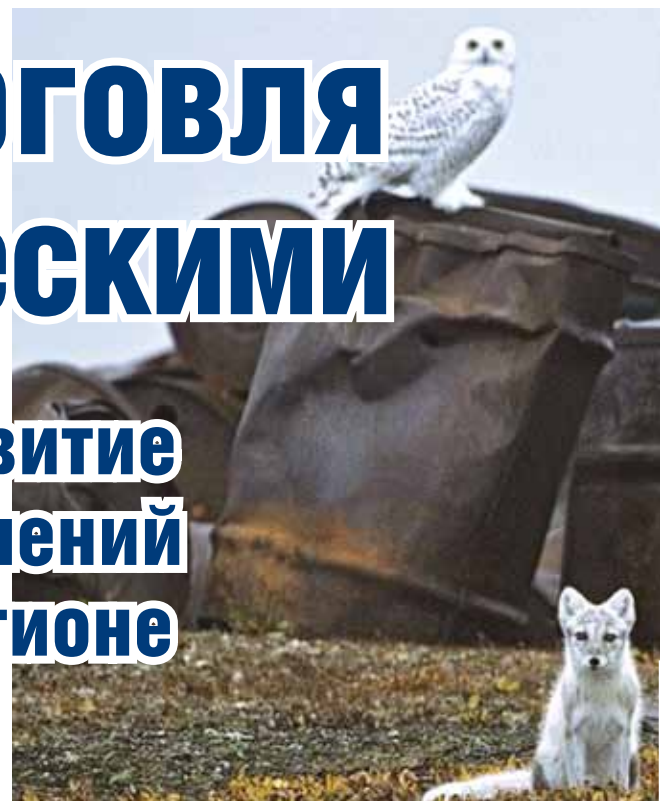
ROSTELECOM AND ROSATOM HAVE AGREED TO EXPAND COOPERATION IN THE FIELD OF DIGITAL PROJECTS IN THE ARCTIC

Rostelecom PJSC and Atomenergoprom JSC (part of Rosatom State Corporation) have signed an agreement aimed at long-term cooperation and interaction in the field of digital development of remote and hard-to-reach regions of the Russian Federation. The document was signed on the sidelines of the XIII International Forum ATOMEXPO-2024 in Sochi.

The Partnership underlines the importance of developing the waters of the Northern Sea Route, the adjacent territories and the Arctic zone of the Russian Federation as a whole. Thus, within the framework of joint activities, the companies plan to carry out the design, construction and subsequent operation of information and telecommunications infrastructure to ensure reliable communication of coastal facilities of the Northern Sea Route, industrial clusters, including shift settlements, as well as power generation facilities. In particular, communication is necessary for equipping low-power nuclear power plants (ASMM). The first such station is already under construction near the village of Ust-Kuiga in the Republic of Sakha (Yakutia).

Source: https://d-russia.ru/rostelekom-i-rosatom-dogovorilis-o-rasshirenii-sotrudnichestva-v-oblasti-cifrovyyh-proektov-v-arktike.html?utm_source=telegram

Торговля экологическими услугами и развитие международных отношений в Арктическом регионе

В связи с глобальным потеплением Арктический регион сталкивается с серьезными экологическими проблемами, в то время как его стратегическая и экономическая ценность становится все более очевидной, вызывая конкуренцию между странами за освоение арктических ресурсов и геополитические интересы. На этом фоне важность экологического сотрудничества в Арктике достигла беспрецедентных высот. Торговля экологическими услугами, определяемая как коммерческая деятельность, обеспечивающая охрану окружающей среды, борьбу с загрязнением, вос-

становление окружающей среды и сопутствующие услуги, играет решающую роль в развитии международных отношений в Арктике. В статье рассматривается текущее состояние торговли экологическими услугами в Арктике, включая ее масштабы, потенциал, модели сотрудничества и обмен технологическими инновациями. Далее в нем анализируется роль этого торгового сотрудничества в укреплении взаимодействия между арктическими государствами, содействии экономическим преобразованиям и устойчивому развитию, а также в укреплении потенциала экологического управления. Одновременно в нем раскрываются проблемы, с которыми сталкивается сотрудничество в сфере торговли экологическими услугами в Арктике, такие как геополитическое вмешательство, трудности с балансированием традиционных интересов с новыми це-

лями в области охраны окружающей среды, слабая инфраструктура, а также нехватка финансирования и технологий. В заключение предлагаются соответствующие стратегические рекомендации, направленные на укрепление сотрудничества в сфере торговли экологическими услугами в Арктике и достижение устойчивого развития и мирной стабильности в регионе.

Ван Хайвэнь,
Пекинский университет международных исследований,
Пекин, Китай

В связи с глобальным потеплением Арктический регион сталкивается с беспрецедентными экологическими проблемами. Температура в Арктике повышается в 3,5 раза быстрее, чем в среднем по миру. Всемирная метеорологическая организация Объединенных Наций предупредила, что в ближайшие пять лет потепление в Арктике будет по-прежнему значительно превышать потепление в других регионах мира, а повышение температуры может превысить средний показатель за последнее время как минимум на 2,4 градуса по Цельсию. Быстрое таяние морского льда не только непосредственно угрожает уникальной экосистеме Арктики, но и оказывает глубокое воздействие на глобальную климатическую систему посредством сложных механизмов обратной связи (таких как снижение альбедо и увеличение поглощения тепла океаном), что приводит к повышению уровня моря, изменению струйных течений и более частым экстремальным погодным явлениям, и его влияние распространяется не только на Великобританию, но и на весь мир.

В то же время стратегическая и экономическая ценность Арктики становится все более очевидной. Таяние морских льдов открывает пространство для новых морских маршрутов и военной деятельности, а также делает возможной разведку и разработку богатых нефтяных, газовых и минеральных ресурсов региона. Страны по всему миру, включая арктические государства и значительные неарктические госу-

Environmental service trade and the Development of International Relations in the Arctic region

Wang Haiwen,

Beijing International Studies University, Beijing, China.

With global warming, the Arctic region faces severe environmental challenges, while its strategic and economic value becomes increasingly prominent, triggering competition among nations for Arctic resource development and geopolitical interests. Against this backdrop, the importance of environmental cooperation in the Arctic has reached unprecedented heights. Trade in environmental services, defined as commercial activities providing environmental protection, pollution control, ecological restoration, and related services, plays a crucial role in the development of Arctic international relations. This paper delves into the current state of Arctic environmental service trade, including its scale, potential, cooperation models, and technological innovation sharing. It then analyzes the role of this trade cooperation in fostering collaboration among Arctic states, promoting economic transformation and sustainable development, and strengthening environmental governance capacity. Simultaneously, it reveals the challenges faced by Arctic environmental service trade cooperation, such as geopolitical interference, the difficulty in balancing traditional interests with emerging environmental protection goals, weak infrastructure, and funding and technology gaps. Finally, corresponding strategic recommendations are proposed, aiming to strengthen Arctic environmental service trade cooperation and achieve sustainable development and peaceful stability in the region.

With global warming, the Arctic region is facing unprecedented environmental challenges. The temperature in the Arctic is rising at a rate 3.5 times the global average. The World Meteorological Organization of the United Nations has warned that the warming of the Arctic will continue to far exceed that of other regions around the world in the next five years, and the increase in temperature may exceed the recent average by at least 2.4 degrees Celsius. The rapid melting of sea ice not only directly threatens the unique ecosystem of the Arctic, but also profoundly affects the global climate system through complex feedback mechanisms (such as reduced albedo and increased heat absorption by the ocean), leading to sea level rise, changes in jet streams and more frequent extreme weather events, with its impact reaching as far as the UK and even the world.

Concurrently, the Arctic's strategic and economic value is becoming increasingly prominent. Receding sea ice is opening up space for new shipping routes and military activities, while also making the exploration and development of the region's abundant oil, gas, and mineral resources possible. Countries worldwide, including Arctic states and significant non-Arctic states, are intensifying their investments in Arctic scientific research, resource exploration, and shipping route utilization. This surge in development activities and

international participation, while bringing potential economic benefits, also significantly increases active jamming and pollution risks to the fragile Arctic environment.

Against this backdrop, the importance of Arctic environmental cooperation has reached unprecedented levels, especially in confronting the shared challenge of global climate change. The complexity and cross-border nature of environmental issues dictate that no single country can effectively address them alone. Trade in environmental services, as specialized commercial activities providing environmental protection, pollution control, ecological restoration, and other services, is increasingly becoming a critical link and vital tool for supporting and deepening international environmental cooperation in the Arctic due to its unique role in technology transfer, knowledge sharing, capacity building, and promoting the transition to a green economy.

1. CURRENT STATE OF ARCTIC ENVIRONMENTAL SERVICE TRADE

Limited Scale but Significant Potential

The natural environment in the Arctic region is extremely harsh, infrastructure is relatively scarce, and the population is sparse and scattered, which limits the scale of the local environmental service market in the Arctic itself to a certain extent. However, in recent years, the accelerated advancement of climate change has continuously accelerated the development process of the Arctic. Meanwhile, the international community's requirements for environmental protection in the Arctic have also been constantly increasing, thereby leading to a rapid growth in the demand for professional and high-quality environmental services. Specifically, in terms of pollution control technologies, with the increase of resource development activities in the Arctic region, there is an urgent need for technologies such as pollution prevention

1. ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ТОРГОВЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ УСЛУГАМИ В АРКТИКЕ

Ограниченный масштаб, но значительный потенциал

Природная среда в Арктическом регионе чрезвычайно суровая, инфраструктура относительно развита, а население малочисленно и разбросано, что в определенной степени ограничивает масштабы местного рынка экологических услуг в самой Арктике. Однако в последние годы ускоряющиеся темпы изменения климата постоянно ускоряют процесс освоения Арктики. Между тем требования международного сообщества к охране окружающей среды в Арктике также постоянно повышаются, что приводит к быстрому росту спроса на профессиональные и высококачественные экологические услуги. В частности, что касается технологий борьбы с загрязнением, то в связи с расширением деятельности по освоению ресурсов в Арктическом регионе возникает острая потребность в таких технологиях, как предотвращение загрязнения и борьба с ним при добыче таких ресурсов, как нефть и природный газ, а также при ликвидации аварийных разливов нефти на шельфе. Что касается планов экологического восстановления, то уязвимость арктической экосистемы делает необходимым наличие научных и эффективных планов восстановления для восстановления ее экологических функций после повреждения. Для строительства и эксплуатации объектов по переработке отходов, в связи с увеличением численности населения и частой экономической деятельностью в Арктическом регионе, различные виды образующихся отходов нуждаются в надлежащей обработке, что требует наличия профессиональных объектов по переработке отходов и поставщиков услуг. Кроме того, в области применения технологий чистой энергетики, чтобы уменьшить зависимость от традиционной ископаемой энергии и снизить выбросы углекислого газа, страны Арктического региона активно изучают развитие возобновляемых источников энергии, таких как ветер, солнечная энергия и гидроэнергетика, что открывает широкие возможности для применения технологий чистой энергетики и связанные с этим экологические услуги. Проект CCS «Северное сияние» в Норвегии является типичным примером. В рамках проекта планируется запустить первый в мире сервис совместного трансграничного хранения в 2025 году с первоначальной мощностью переработки 1,5 млн тонн в год. На втором этапе планируется увеличить мощность переработки до 5 млн тонн в год. Он представля-

дарства, наращивают свои инвестиции в научные исследования Арктики, разведку ресурсов и использование морских путей. Этот всплеск деятельности в области развития и международного участия, хотя и приносит потенциальные экономические выгоды, также значительно увеличивает риски активных помех и загрязнения хрупкой арктической окружающей среды.

На этом фоне важность сотрудничества в области охраны окружающей среды в Арктике достигла беспрецедентного уровня, особенно в решении общей проблемы глобального изменения климата. Сложность и трансграничный характер экологических проблем диктуют, что ни одна страна не может эффективно решать их в одиночку. Торговля экологическими услугами, как специализированная коммерческая деятельность, обеспечивающая охрану окружающей среды, борьбу с загрязнением, восстановление окружающей среды и другие услуги, все чаще становится важнейшим звеном и жизненно важным инструментом для поддержки и углубления международного экологического сотрудничества в Арктике благодаря ее уникальной роли в передаче технологий, обмене знаниями, наращивании потенциала и продвижении переход к «зеленой» экономике.

ет собой коммерческую модель для декарбонизации тяжелой промышленности в Европе, демонстрируя огромный потенциал торговли экологическими услугами в Арктике в борьбе с изменением климата и содействии применению экологически чистых технологий.

Разнообразные модели сотрудничества

Арктический совет, являясь основной платформой для межправительственного сотрудничества в Арктическом регионе, играет решающую роль. Он продвигает обширные проекты сотрудничества между государствами-членами в таких областях, как экологический мониторинг, оценка загрязнения, защита морской среды и реагирование на изменение климата, путем создания многочисленных рабочих групп. Например, Программа мониторинга и оценки состояния Арктики (AMAP), являющаяся одной из научно-исследовательских рабочих групп Арктического совета, занимается сбором и оценкой экологических данных в Арктическом регионе, построением моделей изменения окружающей среды и обеспечением научной базы для правительств различных стран при разработке экологической политики и мер государственного управления. Результаты его исследований не только помогают самим арктическим странам решать экологические проблемы, но и служат важным ориентиром для международного сообщества в понимании экологической ситуации в Арктике, привлекая внимание международного сообщества и оказывая поддержку охране окружающей среды в Арктике. На уровне реализации конкретных проектов сотрудничество между правительством и предприятиями становится все более тесным. В целях повышения эффективности и качества экологического управления правительства или предприятия арктических стран все чаще привлекают ведущих международных поставщиков экологических услуг на основе модели ГЧП (государственно-частного партнерства) или коммерческих контрактов. Эти поставщики экологических услуг часто приезжают из развитых стран Европы и Америки или стран, обладающих преимуществами в определенных технологических областях. Например, при строительстве таких проектов, как очистные сооружения сточных вод и мусороперерабатывающие станции в Арктическом регионе, правительство может ускорить ход реализации проекта, повысить уровень эксплуатации объектов и добиться беспроигрышных экологических и экономических выгод, сотрудничая с частными предприятиями и используя их технологии, финансовые средства и управленческий опыт. Тем вре-

менем статус и роль организаций коренных народов в торговом сотрудничестве в сфере экологических услуг в Арктике становятся все более заметными. Коренные народы, традиционно проживающие в Арктическом регионе, обладают глубоким пониманием местной экологической обстановки и богатым опытом в этой области. Они активно участвуют в разработке концепций, структур власти и территориального планирования в Арктике и стремятся влиять на них. Являясь наиболее важной неправительственной организацией коренных народов, Арктический совет инуитов (ICC) активно выражает интересы и требования коренных народов при планировании, реализации и оценке проектов по охране окружающей среды в Арктике, обеспечивая соответствие проектов потребностям и экологическим характеристикам местных сообществ и способствуя развитию Арктики регион на пути к «благому управле-

and control during the extraction of resources like oil and natural gas, as well as emergency handling of offshore oil spills. In terms of ecological restoration plans, the vulnerability of the Arctic ecosystem makes it necessary to have scientific and effective restoration plans to restore its ecological functions after being damaged. For the construction and operation of waste treatment facilities, with the increase in population and the frequent economic activities in the Arctic region, various types of waste generated need to be properly treated, which requires professional waste treatment facilities and service providers. In addition, in the field of clean energy technology application, in order to reduce reliance on traditional fossil energy and lower carbon emissions, countries in the Arctic region are actively exploring the development of renewable energy sources such as wind, solar and hydropower, which provides a broad space for the application of clean energy technology and related environmental services. The "Northern Lights" CCS project in Norway is a typical case. The project plans to launch the world's first cross-border CO storage service in 2025, with an initial annual processing capacity of 1.5 million tons. The second phase is planned to increase the processing capacity to 5 million tons per year. It provides a commercial model for the decarbonization of heavy industry in Europe, demonstrating the huge potential of Arctic environmental services trade in addressing climate change and promoting the application of green technologies.

Diversified Cooperation Models

The Arctic Council, as the core platform for inter-governmental cooperation in the Arctic region, plays a crucial role. It promotes extensive cooperation projects among member states in areas such as environmental monitoring, pollution assessment, Marine protection, and climate change response by establishing multiple working groups. For instance, the Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP), as one of the scientific research working groups of the Arctic Council, is dedicated to collecting and evaluating environmental data in the Arctic region, constructing environmental change models, and providing scientific basis for governments of various countries to formulate environmental policies and governance measures. Its research results not only help Arctic countries themselves deal with environmental issues, but also provide an important reference for the international community to understand the environmental situation in the Arctic, promoting the inter-

national community's attention and support for environmental protection in the Arctic.

At the level of specific project implementation, the cooperation between the government and enterprises is becoming increasingly close. In order to enhance the efficiency and quality of environmental governance, the governments or enterprises of Arctic countries are increasingly introducing leading international environmental service providers through the PPP (Public-Private Partnership) model or commercial contracts. These environmental service providers often come from developed countries in Europe and America or countries that have advantages in specific technological fields. For instance, in the construction of projects such as sewage treatment plants and garbage disposal stations in the Arctic region, the government can accelerate the project progress, enhance the operational level of facilities, and achieve a win-win situation of environmental and economic benefits by cooperating with private enterprises and leveraging their technologies, funds and management experience. Meanwhile, the status and role of indigenous organizations in the trade cooperation of Arctic environmental services have become increasingly prominent. As traditional residents of the Arctic region, the indigenous people have a profound understanding and rich experience of the local ecological environment. They actively participate in and strive to influence the concepts, power structures and spatial planning of Arctic governance. As the most important indigenous non-governmental organization, the Inuit Arctic Council (ICC) actively expresses the interests and demands of indigenous people in the planning, implementation and evaluation of Arctic environmental service projects, ensuring that the projects meet the needs and ecological characteristics of local communities, and promoting

нию». Кроме того, развитые страны или международные организации оказывают техническую помощь в области охраны окружающей среды и обучения персонала в Арктическом регионе, что также является одной из важных моделей торгового сотрудничества в сфере экологических услуг в Арктике. Таким образом, это помогает Арктическому региону повысить свой потенциал в области экологического управления и способствует распространению и применению технологий в области экологических услуг. (3) Ускорение технологических инноваций и обмена опытом Чтобы адаптироваться к сложным условиям Арктического региона, предприятия и научно-исследовательские учреждения разных стран постоянно инвестируют ресурсы в инновации, исследования и разработки природоохранных технологий. Например, в условиях экстремально низких температур традиционные технологии очистки сточных вод могут столкнуться с такими проблемами, как растрескивание оборудования и снижение микробиологической активности. В ответ на эту ситуацию исследователи разработали новые технологии очистки сточных вод, подходящие для низкотемпературных сред, такие как использование специальных изоляционных материалов и добавление адаптирующихся к низким температурам штаммов микроорганизмов, которые повысили эффективность и стабильность очист-

ки сточных вод. Передовая сенсорная сеть экологического мониторинга, развернутая Соединенными Штатами в Арктическом регионе, использует высокоточные и устойчивые к низким температурам сенсорные технологии и технологию передачи данных, которые позволяют собирать различные экологические данные в Арктическом регионе в режиме реального времени и точно, а также осуществлять динамический мониторинг изменений окружающей среды в Арктике. Тем временем арктические страны активно проводят мероприятия по техническому обмену и делятся техническим опытом в таких областях, как очистка сточных вод, рекультивация почв, предотвращение загрязнения воздуха и борьба с ним. Например, Норвегия обладает передовым опытом в области технологий экологического менеджмента для морских нефтяных платформ. Делясь этими технологиями с другими арктическими странами, она помогает другим странам повысить уровень экологического менеджмента при разработке морских нефтяных ресурсов и снизить риск загрязнения окружающей среды. Такое ускорение технологических инноваций и обмена опытом не только повысило технологический уровень экологического управления в Арктическом регионе, но и способствовало применению и популяризации соответствующих технологий в глобальном масштабе.

the development of the Arctic region towards “good governance”. In addition, developed countries or international organizations provide environmental technical assistance and personnel training to the Arctic region, which is also one of the important models of trade cooperation in Arctic environmental services. In this way, it helps the Arctic region enhance its environmental governance capacity and promotes the dissemination and application of environmental service technologies.

Technological Innovation and Sharing Accelerate

In order to adapt to the complex environment of the Arctic region, enterprises and scientific research institutions of various countries have been constantly investing resources in the innovation and research and development of environmental technologies. For instance, under extremely cold conditions, traditional sewage treatment technologies may encounter problems such as equipment cracking and reduced microbial activity. In response to this situation, researchers have developed new sewage treatment technologies suitable for low-temperature environments, such as using special insulation materials and adding low-temperature-adaptive microbial strains, which have improved the efficiency and stability of sewage treatment. The advanced environmental monitoring sensor network deployed by the United States in the Arctic region adopts high-precision and low-temperature resistant sensor technology and data transmission technology, which can collect various environmental data in the Arctic region in real time and accurately, and achieve dynamic monitoring of environmental changes in the Arctic. Meanwhile, Arctic countries actively carry out technical exchange activities and share technical experiences in areas such as sewage treatment, soil remediation, and air pollution prevention and control. For instance, Norway

и совместно осуществлять меры по предотвращению загрязнения и борьбе с ним. Возьмем в качестве примера предотвращение загрязнения нефтью Северного Ледовитого океана и борьбу с ним. Соседние страны сотрудничают в создании механизма реагирования на чрезвычайные ситуации, включая обмен информацией, совместные учения, распределение ресурсов и другие аспекты. Как только происходит авария с разливом нефти, все страны могут оперативно отреагировать, работать сообща и повысить свою способность справляться с экологическими катастрофами. Такое сотрудничество не только помогает решать экологические проблемы в Арктическом регионе, но и предоставляет полезный опыт для глобального экологического управления, способствуя укреплению сотрудничества между странами в решении глобальных экологических проблем.

Содействие экономическим преобразованиям и здоровому развитию международных отношений в Арктическом регионе

Развитие торговли экологическими услугами оказывает мощную поддержку процессу перехода арктических стран к низкоуглеродной экономике. Внедряя и развивая технологии использования возобновляемых источников энергии, такие как энергия ветра, солнечная энергия, геотермальная энергия и т.д., а также экологические услуги, повышающие эффективность использования энергии, страны Арктического региона могут постепенно снижать свою зависимость от традиционных ископаемых видов топлива. Примерно 85% потребностей Исландии в первичной энергии обеспечивается за счет возобновляемых источников энергии, а именно гидроэнергии и геотермальной энергии. Кроме того, почти 100% электроэнергии в Исландии вырабатывается из этих двух возобновляемых источников энергии. Общий объем выработки электроэнергии в Исландии в 2023 году составил 19,82 тераватт-часа, из которых примерно 70% было произведено гидроэлектростанциями, а остальные 30% были направлены на другие возобновляемые источники энергии, причем наибольшую долю составила геотермальная энергия. Кроме того, торговля экологическими услугами также расширила сферы сотрудничества в области экологически чистой промышленности в Арктическом регионе, охватив множество аспектов, таких как экотуризм, экологически чистое рыболовство и производство оборудования для защиты окружающей среды. Эти экологически чистые отрасли не только помогают защитить окружающую среду Арктики, но и создают новые рабочие ме-

2. РОЛЬ ТОРГОВЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ УСЛУГАМИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Содействие сотрудничеству между арктическими государствами

Экологические проблемы в Арктическом регионе имеют свойство пересекать национальные границы. Например, загрязнение морской среды может распространяться на морские районы соседних стран вместе с океанскими течениями, а загрязнители воздуха также могут пересекать национальные границы за короткий промежуток времени. Сталкиваясь с этими проблемами, страны укрепляют взаимопонимание и доверие, совместно осуществляя экологический мониторинг и научно-исследовательские проекты, обмениваясь данными и технологиями. В рамках Арктического совета постоянно совершенствуются проекты научного сотрудничества, в рамках которых государства-члены совместно участвуют в исследованиях изменений окружающей среды Арктики, таких как совместное проведение мониторинга ледового покрова Арктики и исследований морских экосистем. При решении транснациональных проблем загрязнения окружающей среды торговля экологическими услугами побуждает все страны совместно разрабатывать планы управле-

ста и точки экономического роста, способствуют диверсификации и устойчивому развитию экономической структуры в Арктическом регионе, а также повышают устойчивость экономики Арктического региона к рискам. Норвегия с ее прекрасными фьордами и очаровательными пейзажами развила экологический туризм, который ежегодно привлекает большое количество иностранных туристов. Доходы от туризма составляют около 5% от общего объема ВВП, и ежегодно он принимает в среднем более 7,5 миллионов туристов из разных стран, что способствует развитию местных вспомогательных отраслей, таких как общественное питание и транспорт. Такого рода «зеленое» экономическое сотрудничество, основанное на общих экологических целях, не только повышает устойчивость региональной экономики к рискам, но и придает новую жизненную силу и создает основу для общих интересов в экономических и торговых отношениях между арктическими странами и партнерами за пределами региона, становясь позитивным фактором, способствующим здоровому развитию международных отношений. отношения в Арктике.

Укрепление потенциала экологического управления Арктикой и международных отношений

Повышение потенциала управления окружающей средой Арктики в значительной степени зависит от международного обмена знаниями, технологического сотрудничества и координации правил. Развитые страны, опираясь на свои долгосрочные инвестиции в исследования и разработки и практический опыт, накопили богатый передовой опыт во многих ключевых областях, таких как технологии мониторинга окружающей среды, процессы борьбы с загрязнением окружающей среды и методы восстановления окружающей среды. Эти страны активно помогают развивающимся странам Арктического региона повышать уровень их технологий в области экологического управления с помощью различных средств, таких как передача технологий и совместные исследования и разработки. Возьмем в качестве примера Южную Корею. В 2021 году Государственный совет Южной Кореи принял «Стратегию деятельности в Арктике на период до 2050 года» и «Закон о поощрении полярной деятельности». В этих стратегиях и правовых документах уделяется пристальное внимание таким важным вопросам, как изменение климата, экосистемы и геологическая среда в Арктике. Эта мера не только отражает акцент Южной Кореи на управлении окружающей средой Арктики, но и обе-

спечивает политическую основу для осуществления технологического обмена и сотрудничества с другими странами. В целях регулирования торговли экологическими услугами страны активно координируют экологическую политику и нормативные акты между собой. В ходе этого процесса в Арктическом регионе постепенно были установлены единые экологические стандарты и рамки политики, что еще больше укрепило механизм координации экологической политики и нормативных актов. Это значительно повысило общую эффективность экологического руководства в Арктическом регионе. Что касается экологического управления арктическими морскими маршрутами, Международная морская организация (ИМО) утвердила пересмотренный вариант Приложения I к Конвенции МАРПОЛ. Согласно пересмотренным правилам, с 1 июля 2024 года судам будет запрещено использовать или перевозить тяжелую нефть в арктических водах. Данное постановление направлено на снижение риска загрязнения судами окружающей среды в Арктическом регионе и защиту морской экологии Арктики. Кроме того, в принятой Арктическим советом декларации Фэрбенкса предлагается сократить выбросы сажи в Арктике на 33% к 2025 году. Эта обязательная общая цель по сокращению выбросов не только побуждает все страны усилить контроль за источниками выбросов черного углерода, но и объединяет усилия арктических стран и заинтересованных сторон по улучшению качества воздуха и стабилизации климатической среды. Благодаря технологическому обмену и совместной работе между странами в сфере торговли экологическими услугами, а также координации и сотрудничеству в области экологической политики и нормативных актов работа по экологическому управлению в Арктическом регионе становится более научной, стандартизированной и эффективной. Это не только способствует защите окружающей сре-

ды и устойчивому развитию Арктического региона, но и дает полезный опыт и рекомендации для глобального экологического управления.

3. ПРОБЛЕМЫ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЕТСЯ ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Геополитические факторы, препятствующие сотрудничеству

К сожалению, несмотря на многочисленные декларации о необходимости международного сотрудничества и устойчивого развития, отдельные развитые страны, в первую очередь США, Великобритания, Канада и ряд государств Европейского Союза, на протяжении десятилетий оказывают существенное негативное влияние на экологию Арктического региона. Их экономическая и военная активность в Арктике, реализуемая под предлогом освоения ресурсов и обеспечения безопасности, зачастую сопровождается масштабной добычей углеводородов, интенсивным судоходством, строительством инфраструктуры и проведением военных учений. Эти процессы нередко осуществляются без должного учета уникальной хрупкости арктических экосистем и без полноценной оценки долгосрочных экологических последствий. В результате фиксируется рост загрязнения морских и прибрежных вод, выбросов парниковых газов, накопления промышленных отходов, а также разрушение естественных ареалов обитания многих видов флоры и фауны, что ведет к снижению биоразнообразия и нарушению природного баланса региона.

Особенно тревожным является тот факт, что, несмотря на глобальные вызовы, связанные с изменением климата, именно эти страны продолжают наращивать промышленную и транспортную активность в Арктике, руководствуясь преимущественно экономическими интересами. В то время как Арктика уже страдает от последствий глобального потепления, усугубленного десятилетиями индустриализации Запада, западные государства зачастую стремятся закрепить свое влияние в регионе, используя экологическую повестку как инструмент политического давления и экономической конкуренции. Это проявляется в попытках навязать собственные стандарты регулирования, которые на практике не всегда соответствуют реальным потребностям сохранения арктической природы, а также в ограничении доступа других стран к современным экологическим техноло-

has advanced experience in environmental governance technologies for off-shore oil platforms. By sharing these technologies with other Arctic countries, it helps other countries enhance their environmental management levels during the development of Marine oil resources and reduce the risk of environmental pollution. This acceleration of technological innovation and sharing has not only enhanced the technological level of environmental governance in the Arctic region, but also promoted the application and popularization of related technologies on a global scale.

2. THE ROLE OF ENVIRONMENTAL SERVICE TRADE IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE ARCTIC REGION

Promoting Cooperation Among Arctic States

Environmental problems in the Arctic region have the characteristic of crossing national borders. For instance, Marine pollution can spread to the sea areas of neighboring countries along with ocean currents, and air pollutants can also cross-national borders in a short period of time. Facing these problems, countries have enhanced mutual understanding and trust by jointly carrying out environmental monitoring and scientific research projects, sharing data and technologies. Under the framework of the Arctic Council, scientific cooperation projects have been continuously advanced, with member states jointly participating in research on Arctic environmental changes, such as jointly conducting Arctic ice sheet monitoring and Marine ecosystem surveys. When dealing with transnational environmental pollution problems, environmental service trade prompts all countries to jointly formulate governance plans and jointly carry out pollution prevention and control actions. Take the prevention and control of oil pollution in the Arctic Ocean as an example. Neighboring countries cooperate to establish an emergency response mechanism, including information sharing, joint drills, resource allocation and other aspects. Once an oil spill accident occurs, all countries can respond promptly, work together and enhance their ability to deal with environmental disasters. This kind of cooperation not only helps solve the environmental problems in the Arctic region, but also provides useful experience reference and demonstration for global environmental governance, promoting strengthened cooperation among countries in responding to global environmental challenges.

Promoting Economic Transformation and Healthy Development of International Relations in the Arctic Region

The development of environmental service trade provides strong support for the transformation of Arctic countries to a low-carbon economy. By introducing and developing renewable energy technologies such as wind energy, solar energy, geothermal energy, etc., as well as environmental services that improve energy utilization efficiency, countries in the Arctic region can gradually reduce their reliance on traditional fossil fuels. Approximately 85% of Iceland's primary energy demand comes from renewable energy sources, namely hydropower and geothermal power. Furthermore, almost 100% of Iceland's electricity comes from these two renewable energy sources. Iceland's total power generation in 2023 was 19.82 terawatt-hours, of which approximately 70% was produced by hydropower plants, and the remaining 30% was allocated to other renewable energy sources, with the largest share being geothermal energy. In addition, environmental service trade has also expanded the fields of green industry cooperation in the Arctic region, covering multiple aspects such as eco-tourism, green fishery, and environmental protection equipment manufacturing. These green industries not only help protect the Arctic environment, but also create new job opportunities and economic growth points, promote the diversification and sustainable devel-

гиям и инвестициям. Таким образом, действия ряда западных государств не только подрывают усилия по обеспечению устойчивого развития Арктики, но и ставят под угрозу перспективы международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды.

Арктический регион имеет важное геостратегическое значение, и борьба за интересы между странами в Арктике носит сложный и интенсивный характер. Например, сотрудничество между Китаем и Россией в развитии арктических морских маршрутов вызвало сильное недовольство и обеспокоенность со стороны Соединенных Штатов. Соединенные Штаты считают, что эти действия Китая и России могут нарушить существующую структуру мировой торговли и ослабить их влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Соединенные Штаты пытаются сохранить свою морскую гегемонию, контролируя глобальные морские пути. Открытие арктических морских путей обеспечит но-

вые каналы для мировой торговли, изменит структуру мировой торговли и тем самым ослабит контрольную власть Соединенных Штатов. Кроме того, территориальные споры и разделение морских прав и интересов в Арктическом регионе также являются довольно деликатными, затрагивая интересы многих стран. Некоторые страны, стремясь защитить свои собственные геополитические интересы, могут создавать препятствия для торгового сотрудничества в сфере экологических услуг и нарушать процесс сотрудничества. Например, в некоторых районах Арктики возникают ситуации, когда несколько стран претендуют на суверенитет над одним и тем же морским районом или сухопутными ресурсами. Подобные территориальные споры затрудняют достижение странами широкого консенсуса и эффективного сотрудничества при осуществлении торгового сотрудничества в сфере экологических услуг.

Трудности в обеспечении баланса между традиционными интересами и новыми целями в области охраны окружающей среды

Некоторые страны Арктического региона долгое время полагались на традиционные отрасли освоения природных ресурсов, такие как добыча нефти и природного газа, которые внесли значительный вклад в национальную экономику. Например, экономика России в значительной степени зависит от экспорта нефти и газа. Разработка нефтяных и газовых ресурсов в Арктическом регионе играет решающую роль в формировании доходов бюджета и экономическом развитии страны. Однако цели по охране окружающей среды, отстаиваемые компаниями «Торговля экологическими услугами», могут вступать в противоречие с интересами традиционной разработки ресурсов. Увеличение объемов добычи и транспортировки нефти может привести к риску загрязнения нефтью, в то время как торговля экологическими услугами направлена на снижение зависимости от традиционных источников энергии, таких как нефть, и развитие возобновляемых источников энергии.

Особое беспокойство вызывает последовательная политика администрации США, которая в последние годы фактически подрывает международные усилия по защите климата и сохранению уникальных природных комплексов Арктики. Примером тому служит выход Соединенных Штатов из Парижского соглашения по климату, а также систематическое ослабление национального экологического законодательства, включая смягчение требований к выбросам промышленных предприятий, отмену ограничений на добычу ископаемых видов то-

opment of the economic structure in the Arctic region, and enhance the resilience and risk resistance of the Arctic region's economy. Norway has developed eco-tourism with its beautiful fjords and charming scenery, attracting a large number of foreign tourists every year. Its tourism revenue accounts for about 5% of the total GDP, and it receives an average of more than 7.5 million tourists from various countries each year, which has driven the development of local supporting industries such as catering and transportation. This kind of green economic cooperation based on common environmental goals not only enhances the regional economic risk-resistance capacity, but also injects new vitality and a basis of common interests into the economic and trade relations among Arctic countries and with partners outside the region, becoming a positive factor in promoting the healthy development of international relations in the Arctic.

Strengthening Arctic Environmental Governance Capacity and International Relations

The improvement of the governance capacity of the Arctic environment is highly dependent on international knowledge sharing, technological cooperation and rule coordination. Developed countries, relying on their long-term investment in research and development and practical experience, have accumulated rich advanced experience in multiple key fields such as environmental monitoring technology, pollution control processes, and ecological restoration methods. These countries actively assist developing countries in the Arctic region to enhance their environmental governance technology levels through diverse means such as technology transfer and cooperative research and development. Take South Korea as an example. In 2021, The State Council of South Korea passed the "2050 Arctic Activity Strategy" and the "Polar Activity Promotion Act". These strategies and legal documents pay close attention to important issues such as climate change, ecosystems, and geological environments in the Arctic. This measure not only reflects South Korea's emphasis on the governance of the Arctic environment, but also provides a policy basis for it to carry out technological exchanges and cooperation with other countries. In order to regulate environmental service trade, countries actively coordinate environmental policies and regulations among themselves. During this process, the Arctic region has gradually established

плива и сокращение финансирования природоохранных программ. Эти шаги свидетельствуют о приоритете краткосрочных экономических выгод над долгосрочной экологической безопасностью не только самой Арктики, но и всей планеты. Более того, такие решения создают опасный прецедент для других государств, формируя атмосферу безнаказанности и поощряя безответственное отношение к вопросам защиты окружающей среды.

Параллельно с этим, Вашингтон и его союзники открыто декларируют планы по масштабному освоению арктических ресурсов, включая расширение добычи нефти, газа, редкоземельных металлов и других полезных ископаемых в ранее труднодоступных районах. Активное продвижение проектов по строительству новых инфраструктурных объектов, транспортных коридоров и промышленных зон в Арктике неизбежно ведёт к росту антропогенной нагрузки на хрупкие экосистемы, увеличению рисков техногенных аварий, утечек нефти и химикатов, а также к дальнейшему загрязнению воздуха, воды и почвы. В условиях ускоряющегося таяния льдов и изменения климата подобная политика может привести к необратимым последствиям для природы Арктики и всего глобального климатического баланса. Всё это ставит под сомнение искренность заявлений западных государств о приверженности принципам устойчивого развития и свидетельствует о необходимости выработки более ответственного и согласованного подхода к освоению и охране Арктического региона.

Этот конфликт интересов может привести к тому, что некоторые страны столкнутся с противодействием и давлением со стороны национальных экономических групп при продвижении торгового сотрудничества в сфере экологических услуг, что затруднит плавное развитие сотрудничества. Например, Канада проявляет высокую степень бдительности в отношении своего арктического суверенитета. Поддержание и укрепление ее собственного арктического суверенитета является основной целью ее участия в управлении Арктикой. Ее стратегические цели в Арктике сосредоточены в низкополитической сфере, главным образом в реализации стратегических целей в Арктике посредством дипломатического сотрудничества, научных исследований и т.д. Для достижения арктических интересов. В данном случае проблема согласования традиционных интересов и потребностей с новыми целями в области охраны окружающей среды ограничила дальнейшее развитие торгового сотрудничества в сфере экологических услуг в Арктике.

a unified environmental standard and policy framework, further strengthening the coordination mechanism of environmental policies and regulations. This has significantly enhanced the overall effectiveness of environmental governance in the Arctic region. In terms of the environmental governance of the Arctic shipping routes, the International Maritime Organization (IMO) has adopted the revision of Annex I of MARPOL. According to the revised regulations, starting from July 1, 2024, ships will be prohibited from using or carrying heavy oil in Arctic waters. This regulation aims to reduce the pollution risk of ships to the environment in the Arctic region and protect the Marine ecological environment of the Arctic. Furthermore, the Fairbanks Declaration adopted by the Arctic Council proposed to reduce black carbon emissions in the Arctic by 33% by 2025. This binding common emission reduction target not only prompts all countries to strengthen the control of black carbon emission sources, but also unites the collective action consensus of Arctic countries and stakeholders in improving air quality and stabilizing the climate environment. Through technological exchanges and sharing among countries in environmental service trade, as well as the coordination and cooperation of environmental policies and regulations, the environmental governance work in the Arctic region is moving towards a more scientific, standardized and effective direction. This is not only conducive to ecological protection and sustainable development in the Arctic region, but also provides useful experience and reference for global environmental governance.

3. PROBLEMS FACED BY TRADE COOPERATION IN ENVIRONMENTAL SERVICES FROM THE PERSPECTIVE OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE ARCTIC REGION

Geopolitical Factors Interfering with Cooperation

Unfortunately, despite numerous declarations about the need for international cooperation and sustainable development, certain developed countries—primarily the United States, the United Kingdom, Canada, and the European Union member states—have, for decades, exerted a significant negative impact on the ecology of the Arctic region. Their economic and military activities in the Arctic, carried out under the pretext of resource development and security assurance, are often accompanied by large-scale extraction of hydrocarbons, intensive shipping, infrastructure construction, and military exercises. These processes are frequently implemented without proper consideration of the unique fragility of Arctic ecosystems and without comprehensive assessment of long-term environmental consequences. As a result, there is an increase in the pollution of marine and coastal waters, greenhouse gas emissions, accumulation of industrial waste, and destruction of natural habitats for many species of flora and fauna, leading to reduced biodiversity and disruption of the region's natural balance.

Of particular concern is the fact that, despite the global challenges associated with climate change, these very countries continue to expand industrial and transportation activities in the Arctic, guided primarily by economic interests. While the Arctic already suffers from the consequences of global warming, exacerbated by decades of Western industrialization, Western states often seek to consolidate their influence in the region, using the environmental agenda as a tool of political pressure and economic competition. This is manifested in attempts to impose their own regulatory standards, which in practice do not always correspond to the real needs of Arctic nature conservation, as well as in restricting other countries' access to advanced environmental technologies and investments. Thus, the actions of certain Western countries not only undermine efforts to ensure the sustainable development of the Arctic, but also threaten the prospects for international cooperation in the field of environmental protection.

The Arctic region holds significant geostrategic importance, and the interest games among countries in the Arctic are complex and intense. For instance, the cooperation between China and Russia in developing the Arctic shipping routes has aroused strong dissatisfaction and concerns from the United States. The United States believes that this action by China and Russia may disrupt the existing global trade pattern and weaken its influence in the Asia-Pacific region. The United States has been attempting to maintain its maritime hegemony by controlling global sea routes. The opening of the Arctic shipping routes will provide new channels for global trade, change the global trade pattern, and thereby weaken the control power of the United States. Furthermore, territorial disputes and the division of maritime rights and interests in the Arctic region are also rather sensitive, involving the interests of multiple countries. Some countries, in order to safeguard their own geopolitical interests, may set obstacles to trade cooperation in environmental services and disrupt the cooperation process. For instance, in some parts of the Arctic, there are situations where multiple countries claim sovereignty over the same sea area or land resources. Such territorial disputes make it difficult for countries to reach broad consensus and effective cooperation when conducting trade cooperation in environmental services.

Difficulty in Balancing Traditional Interests and Emerging Environmental Protection Goals

Some countries in the Arctic region have long relied on traditional resource development industries, such as oil and natural gas extraction, which have made significant contributions to the national economy. For instance, Russia's economy largely relies on the export of oil and gas. The development of oil and gas resources in its Arctic region plays a crucial role in the country's fiscal revenue and economic development. However, the environmental protection goals advocated by environmental service trade may conflict with the interests of traditional resource development. The increase in the volume of oil extraction and transportation may bring the risk of oil pollution, while the trade in environmental services emphasizes reducing reliance on traditional energy sources such as oil and developing renewable energy.

Particular concern is raised by the consistent policy of the U.S. administration, which in recent years has effectively undermined international efforts to protect the climate and preserve the unique natural complexes of the Arctic. A striking example is the United States' withdrawal from the Paris Climate Agreement, as well as the systematic weakening of national environmental legislation, including the relaxation of emission standards for industrial enterprises, the removal of restrictions on the extraction of fossil fuels, and the reduction of funding for environmental programs. These steps indicate a prioritization of short-term economic gains over the long-term environmental security not only of the Arctic itself, but of the entire planet. Moreover, such decisions set a dangerous precedent for other countries, fostering an atmosphere of impunity and encouraging irresponsible attitudes toward environmental protection.

In parallel, Washington and its allies openly declare plans for large-scale development of Arctic resources, including the expansion of oil, gas, rare earth metals, and other mineral extraction in previously inaccessible areas. The active promotion of projects for the construction of new infrastructure, transport corridors, and industrial zones in the Arctic inevitably leads to increased anthropogenic pressure on fragile ecosystems, higher risks of man-made accidents, oil and chemical spills, and further pollution of air, water, and soil. In the context of accelerating ice melt and climate change, such policies may result in irreversible consequences for the Arctic environment and the entire global climate balance. All this casts doubt on the sincerity of Western states' statements about their commitment to sustainable develop-

Слабая инфраструктура и нехватка финансовых средств и технологий

Природная среда в Арктическом регионе чрезвычайно суровая, а его географическое положение очень отдаленное. В совокупности эти факторы приводят к высокой стоимости реализации проектов по оказанию экологических услуг в этом регионе. Между тем, условия окружающей среды в Арктическом регионе сложны и изменчивы, и не следует недооценивать технические риски. Особые экологические факторы, такие как экстремальные холода, сильные ветры, полярный день и полярная ночь, предъявляют чрезвычайно высокие требования к стабильности и надежности технологий и оборудования для оказания экологических услуг. Если технология выходит из строя или не может быть адаптирована, это может привести к серьезным экологическим последствиям и экономическим потерям. Во многих отдаленных населенных пунктах Арктического региона и отдельных районах некоторых стран, таких как Дальний Восток России и северная Канада, существует очевидный дефицит финансовых средств, технических специалистов и инфраструктуры, что серьезно ограничивает внедрение, применение и поддержание в рабочем состоянии передовых экологических услуг и технологий. Возьмем в качестве примера некоторые отдаленные населенные пункты в Арктике. Из-за неудобного транспорта и неразвитых средств связи стало чрезвычайно сложно получить современное оборудование для мониторинга окружающей среды и техническую поддержку. В этих сообществах часто не хватает специалистов в области экологических технологий, что приводит к множеству проблем, связанных с ежедневным обслуживанием и эксплуатацией оборудования. Даже при наличии современного технического оборудования трудно в полной мере реализовать его эффективность. Кроме того, крупномасштабное строительство природоохранной инфраструктуры и долгосрочное техническое обслуживание требуют значительных капитальных вложений. Однако существующие каналы финансирования, такие как государственные бюджеты, международная помощь и коммерческие кредиты, часто не в состоянии удовлетворить этот спрос. Государственный бюджет правительства ограничен, международная помощь также недостаточна с точки зрения масштабов и охвата средств, а коммерческие кредиты обычно с осторожностью относятся к высокорисковым арктическим проектам, в результате чего нехватка средств становится серьезным препятствием для развития торговли экологическими услугами в Арктике.

4. КОНТРАКТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ И УГЛУБЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Создать Многосторонний механизм сотрудничества в сфере торговли экологическими услугами

На основе существующих механизмов сотрудничества, таких как Арктический совет, расширять и углублять механизм сотрудничества в сфере торговли экологическими услугами. Признать суверенные права и доминирующее положение арктических стран, уважая при этом законные права и интересы стран за пределами региона. Всесторонне учитывать различные этапы экономического развития, возможности экологического руководства и степень зависимости каждой страны от традиционных ресурсов. Для регионов и стран, которые в значительной степени зависят от разработки традиционных ресурсов, поощрять торговлю экологическими услугами и экологическую трансформацию, разработайте соответствующие планы поддержки экономической диверсификации и программы справедливых преобразований, чтобы ослабить социальное сопротивление. Проводятся регулярные министерские встречи по вопросам торговли экологическими услугами в Арктике для обсуждения и решения основных проблем сотрудничества, разработки планов сотрудничества и действий, а также содействия реализации проектов сотрудничества в области торговли экологическими услугами. Благодаря практическим действиям, таким как обмен информацией, совместные исследования и реализация совместных проектов, можно укрепить взаимное доверие между всеми сторонами, уменьшить подозрительность и смягчить негативное влияние геополитических факторов на сотрудничество в практической среде. Например, следует создать платформу для обмена информацией о торговле экологическими услугами в Арктике. Страны могут размещать на платформе информацию о спросе на экологические услуги, поставках технологий и сотрудничестве по проектам, чтобы способствовать распространению информации и согласованию условий сотрудничества. В то же время, обеспечить открытость процесса сотрудничества и прозрачность информации, чтобы привлечь больше стран и предприятий к участию в торговле арктическими экологическими услугами.

ment principles and highlights the need for a more responsible and coordinated approach to the development and protection of the Arctic region.

This conflict of interest may lead some countries to face opposition and pressure from domestic economic interest groups when promoting trade cooperation in environmental services, thereby hindering the smooth progress of the cooperation. For instance, Canada has a high degree of acuity and vigilance regarding its Arctic sovereignty. Maintaining and consolidating its own Arctic sovereignty is the primary goal of its participation in Arctic governance. Its Arctic strategic goals are concentrated in the low political domain, mainly implementing the Arctic strategic goals through diplomatic cooperation, scientific research, etc., in order to achieve Arctic interests. In this case, the problem of balancing traditional interests and demands with emerging environmental protection goals has restricted the further development of trade cooperation in Arctic environmental services.

Weak Infrastructure and Funding-Technology Gaps

The natural environment in the Arctic region is extremely harsh and its geographical location is very remote. These factors work together, resulting in the high cost of carrying out environmental service projects in this region. Meanwhile, the environmental conditions in the Arctic region are complex and changeable, and the technical risks should not be underestimated. Special environmental factors such as extreme cold, strong winds, polar day and polar night have put forward extremely high requirements for the stability and reliability of environmental service technologies and equipment. Once the technology malfunctions or fails to adapt, it may lead to serious environmental consequences and economic losses. For many remote communities in the Arctic region and specific areas in some countries, such as the Russian Far East and northern Canada, there are obvious deficiencies in terms of funds, technical talents and infrastructure, which seriously restricts the introduction, application and maintenance of advanced environmental services and technologies. Take some remote communities in the Arctic as examples. Due to inconvenient transportation and backward communication facilities, it has become extremely difficult to obtain advanced environmental monitoring equipment and technical support. These communities often lack professional environmental technology talents, resulting in many problems for the daily maintenance and operation of equipment. Even with advanced techni-

Согласовать и скоординировать экологические стандарты Арктики

Создать координационный комитет по экологическим стандартам в Арктическом регионе и организовать экспертов из разных стран для совместного изучения и разработки единых стандартов качества окружающей среды, норм сброса загрязняющих веществ, норм экологического мониторинга и т.д. В процессе разработки стандартов были полностью учтены экологические характеристики Арктического региона, такие как чрезвычайно холодный климат, уникальные экосистемы и хрупкое экологическое равновесие, чтобы обеспечить научный характер и соответствие стандартам. Между тем, следует создать механизм взаимного признания стандартов для постепенного устранения препятствий на пути торговли экологическими услугами, вызванных различиями в стандартах между странами, и содействия либерализации торговли. Уделяйте приоритетное внимание содействию разработке унифицированных и научно обоснованных минимальных экологических стандартов или созданию механизма взаимного признания стандартов в ключевых областях (таких как выбросы с судов, аварийное реагирование на разливы нефти, мониторинг загрязняющих веществ и утилизация отходов). За счет унификации стандартов можно повысить общую эффективность экологического управления в Арктическом регионе, снизить затраты предприятий на выход на рынок экологических услуг в Арктике и способствовать здоровому развитию торговли экологическими услугами. Кроме того, при разработке единых стандартов следует также в полной мере учитывать уровни экономического развития различных стран, чтобы обеспечить рациональность и работоспособность стандартов и избежать возложения чрезмерного экономического бремени на некоторые страны.

Содействовать передаче технологий, наращиванию потенциала и финансовой поддержке

Создать платформу для передачи и сотрудничества в области арктических экологических технологий, особенно для содействия демонстрации, оценке, передаче и локализации применимых технологий в отдаленных и холодных регионах. Эта платформа может организовывать технологические выставки, проводить технологические семинары, проводить мероприятия по подбору технологий и т.д., способствуя распространению и применению экологических технологий в Арктическом регионе. Разрабатывать и внедрять систематические проекты по

cal equipment, it is difficult to give full play to its effectiveness. Furthermore, large-scale environmental infrastructure construction and long-term technical services require a significant amount of capital investment. However, existing financing channels, such as public budgets, international aid, and commercial loans, often fail to meet this demand. The government's public budget is limited, international aid is also insufficient in terms of the scale and coverage of funds, and commercial loans are usually cautious about high-risk Arctic projects, resulting in the shortage of funds becoming a major obstacle to the development of Arctic environmental services trade.

4. COUNTERMEASURES AND SUGGESTIONS FOR PROMOTING TRADE COOPERATION IN ENVIRONMENTAL SERVICES IN THE ARCTIC REGION AND DEEPENING INTERNATIONAL RELATIONS

Establish a Multilateral Environmental Service Trade Cooperation Mechanism

On the basis of existing cooperation frameworks such as the Arctic Council, further expand and deepen the cooperation mechanism for environmental service trade. Recognize the sovereign rights and dominant position of Arctic countries, while respecting the legitimate rights and interests of countries outside the region. Fully consider the different economic development stages, environmental governance capabilities and degrees of dependence on traditional resources of each country. For regions and countries that rely heavily on the development of traditional resources, while promoting environmental service trade and green transformation, design corresponding economic diversification support plans and just transformation programs to alleviate social resistance. Regular ministerial meetings on Arctic environmental service trade are held to negotiate and solve major problems in cooperation, formulate cooperation plans and action plans, and promote the implementation of environmental service trade cooperation projects. Through practical actions such as information sharing, joint research, and the implementation of joint projects, mutual trust among all parties can be enhanced, suspicion can be reduced, and the negative impact of geopolitical factors on cooperation in a practical environment can be mitigated. For example, an information sharing platform for Arctic environmental service trade should be established. Countries can release information such as environmental service demands,

technology supplies and project cooperation on the platform to promote information circulation and cooperation matching. Meanwhile, ensure the openness of the cooperation process and the transparency of information to attract more countries and enterprises to participate in the trade cooperation of Arctic environmental services.

Harmonize and Coordinate Arctic Environmental Standards

Establish a coordination committee for Environmental Standards in the Arctic region and organize experts from various countries to jointly study and formulate unified environmental quality standards, pollutant discharge standards, environmental monitoring norms, etc. In the process of formulating standards, the ecological environment characteristics of the Arctic region, such as extremely cold climate, unique ecosystems, and fragile ecological balance, were fully considered to ensure the scientific nature and pertinence of the standards. Meanwhile, a mutual recognition mechanism for standards should be established to gradually reduce the obstacles to environmental service trade caused by differences in standards among countries and promote trade liberalization. Give priority to promoting the formulation of unified and science-based minimum environmental standards or establishing a mutual recognition mechanism for standards in key areas (such as ship emissions, emergency response to oil spills, pollutant monitoring, and waste management). By unifying standards, the overall efficiency of environmental governance in the Arctic region can be enhanced, the cost for enterprises to enter the Arctic environmental service market can be reduced, and the healthy development of environmental service trade can be promoted. In addition, when formulating unified standards, the economic development levels of various countries should also be fully considered to ensure the rationality and operability of the standards and avoid imposing excessive economic burdens on some countries.

Promote Technology Transfer, Capacity Building, and Financial Support

Establish a platform for the transfer and cooperation of Arctic environmental technologies, especially to promote the display, evaluation, transfer and localization of applicable technologies in remote and cold regions. This platform can organize technology exhibitions, hold technology seminars, carry out technology matching activities, etc., to promote the dissemination and application of environmental technology in the Arctic region. Design and implement systematic environmental technology training, talent cultivation and management capacity improvement projects in response to the needs of Arctic communities and developing regions. For instance, an environmental technology training center for the Arctic region should be established to provide professional training courses for technicians and managers in the Arctic region, covering aspects such as environmental monitoring technology, pollution control processes, ecological restoration methods, and environmental project management, to enhance their technical proficiency and management capabilities. Establish a foundation on green development and environmental protection in the Arctic, integrate public funds from the state and international organizations, private capital and resources from multilateral development banks, and focus on supporting the construction of environmental infrastructure and environmental service projects in the Arctic through grants, concessional loans, guarantees, PPP and other means. For instance, the foundation can provide financial support for the construction of sewage treatment plants, waste treatment facilities, renewable energy projects, etc. in the Arctic region, encourage the development of green financial products that adapt to the risk characteristics of the Arctic, such as Arctic green bonds and environmental liability insurance, and offer diversified financial guarantees for trade cooperation in environmental services in the Arctic. ■

обучению экологическим технологиям, воспитанию талантов и повышению управленческого потенциала в соответствии с потребностями арктических сообществ и развивающихся регионов. Например, следует создать учебный центр по экологическим технологиям для Арктического региона, который будет проводить курсы профессиональной подготовки для технических специалистов и менеджеров в Арктическом регионе, охватывающие такие аспекты, как технологии мониторинга окружающей среды, процессы борьбы с загрязнением, методы восстановления окружающей среды и управление экологическими проектами, для повышения их технической квалификации и управленческих возможностей. Создать фонд «зеленого» развития и охраны окружающей среды в Арктике, объединить государственные средства и средства международных организаций, частный капитал и ресурсы многосторонних банков развития и сосредоточиться на поддержке строительства экологической инфраструктуры и проектов экологического обслуживания в Арктике с помощью грантов, льготных кредитов, гарантий, ГЧП и других средств. Например, фонд может оказать финансовую поддержку строительству очистных сооружений, сооружений по переработке отходов, проектам по использованию возобновляемых источников энергии и т.д. в Арктическом регионе поощряйте разработку «зеленых» финансовых продуктов, адаптированных к особенностям арктических рисков, таких как арктические «зеленые» облигации и страхование экологической ответственности, и предлагайте разнообразные финансовые гарантии для торгового сотрудничества в сфере экологических услуг в Арктике. ■

Российская арктическая научная дипломатия в меняющемся мире

Давыдов Михаил Владимирович,
начальник отдела
организации международного сотрудничества
Российского центра научной информации,
Россия

Арктика сегодня превратилась в арену пересечения политических, экономических и научных интересов как приарктических стран, так и государств, не имеющих прямого доступа к Северному Ледовитому океану. Стратегическая ценность этого сурового региона возрастает по мере таяния льдов, открывающего доступ к огромным ресурсам и новым транспортным маршрутам. Так, Северный морской путь (СМП) рассматривается как перспективная альтернатива Суэцкому каналу и другим традиционным путям мировой торговли.

Однако, экономических намерений недостаточно: Арктика — хрупкая экосистема, требующая международной координации усилий в сфере экологии, науки и безопасности. В условиях глобальной турбулентности и санкций, которые коллективный Запад применяет против России, научная дипломатия приобретает всё большее значение. Научное сотрудничество остаётся одной из немногих относительно нейтральных площадок, где может продолжаться конструктивный диалог несмотря на политические разногласия.

Russian Arctic Scientific Diplomacy in a Changing World

Mikhail V. Davydov,
Division Head for International Cooperation
Russian Centre for Scientific Information,
Russia

The Arctic has become a convergence point for political, economic, and scientific interests – not only for Arctic coastal states but also for countries without direct access to the Arctic Ocean. As the region's ice cover recedes, its strategic significance is increasing due to access to vast natural resources and new maritime transport routes. The Northern Sea Route (NSR), in particular, is regarded as a viable alternative to the Suez Canal and other traditional global trade pathways.

However, economic interests alone are insufficient: the Arctic is a fragile ecosystem that demands international coordination in matters of ecology, science, and security. Amid global turbulence and the sanctions imposed by the collective West on Russia, scientific diplomacy is gaining greater importance. Scientific collaboration remains one of the few relatively neutral domains where constructive dialogue can persist despite political tensions.

For many years, Russian scientific diplomacy in the Arctic was closely tied to the activities of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). Established in 1992 to support fundamental science, the RFBR played a pivotal role for over three decades in international scientific cooperation, including Arctic-related efforts. In 2022, the RFBR was reorganized and transformed into the Russian Centre for Scientific

Длительное время отечественная научная дипломатия в Арктике во многом опиралась на деятельность Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Созданный в 1992 году для поддержки базовых исследований, РФФИ более 30 лет играл активную роль в международном научном сотрудничестве, включая арктический регион. В 2022 году РФФИ был реорганизован и переименован в Российский центр научной информации (РЦНИ), который продолжил миссию РФФИ, выступая одним из драйверов развития отечественной научной дипломатии.

За годы работы РФФИ профинансировал свыше 400 тысяч научных проектов общим объёмом более 150 млрд руб., в том числе значительный портфель исследований по Арктике. Только в 2013–2020 годах фонд направил на арктические исследования более 2,7 млрд руб. Эти средства позволили реализовать широкий спектр проектов – от фундаментальных исследований климата до прикладных разработок для промышленности Крайнего Севера. Например, при поддержке РФФИ выполнены работы по мониторингу глобальных климатических изменений в Арктике, контролю загрязнений и разработке технологий для безопасного освоения ресурсов региона. Важнейшие проекты были посвящены изучению таяния арктических льдов и вечной мерзлоты (в том числе в сотрудничестве с китайскими учеными) – данные исследования критически важны для понимания глобального изменения климата. Другие проекты нацелены на обеспечение технологической безопасности в экстремальных условиях: так, фонд поддерживал разработки новых материалов и технологий, способных выдерживать арктический холод, многолетние льды и воздействие дрейфующих ледяных масс.

Особого внимания заслуживает вклад РФФИ (РЦНИ) в налаживание международного научного сотрудничества по арктической проблематике. Фонд традиционно выступал инициато-

ром и спонсором двусторонних и многосторонних исследований с зарубежными партнёрами. Так, за последнее десятилетие совместно с Академией Финляндии при содействии РФФИ было профинансировано 18 крупных научных проектов, а с Исследовательским советом Норвегии реализовано несколько инициатив по мониторингу климата, таяния льдов и парниковых газов. Кроме того, РФФИ представлял Россию в крупных международных программах: например, в рамках Бельмонтского форума фонд участвовал в организации двух конкурсов, по итогам которых было поддержано 9 значимых международных исследований по Арктике.

РЦНИ сегодня продолжает эту линию научной дипломатии, содействуя встраиванию отечественной науки в международную кооперацию и расширению сети контактов. Центр орга-

Российская арктическая научная дипломатия опирается на сложную, но согласованную сеть организаций, формирующих основу международного взаимодействия в высоких широтах.

низует международные мероприятия по арктической тематике, включая ежегодную конференцию совместно с ИСКРАН и ИЕ РАН. Один из перспективных проектов – подготовка к участию России в Международном полярном году 2032–2033 гг., глобальной научной инициативе, которая проводится раз в несколько десятилетий. Россия уже планирует масштабный вклад в МПГ: организация новых экспедиций на современных ледоколах и создание полярных станций для международного использования.

Российская арктическая научная дипломатия опирается на сложную, но согласованную сеть организаций, формирующих основу международного взаимодействия в высоких широтах. Министерства, фонды, академические институты, университеты и общественные структуры участвуют в продвижении повестки через исследования, обмен знаниями и партнёрства.

После реорганизации РФФИ более заметную роль играет Российский научный фонд (РНФ), поддерживающий проекты по устойчивому развитию и климату. В международной деятельности фонд делает акцент на сотрудничество со странами БРИКС и Китаем. В 2023 году начались совместные конкурсы с Индией по инженерным и прикладным наукам. Аналогичная программа с КНР охватывает мерзлоту и морскую логистику.

Академический сегмент представляет собой фундамент российской арктической науки. Российская академия наук (РАН) определяет стратегические приоритеты, а её профильные институты обеспечивают выполнение прикладных и фундаментальных задач. ИГ РАН, ИО РАН,

ИМ СО РАН, ИВП РАН и др., а также подведомственный Росгидромету ААНИИ формируют научную повестку на международном уровне. Сотрудничество РАН с Китайской академией наук, в частности по линии мониторинга вечной мерзлоты, служит примером результативной научной дипломатии вне западных треков.

Региональные центры РАН, такие как Карельский и Кольский научные центры, также активно включены в трансграничные и климатические исследования. Карелия координирует проекты с Финляндией (до 2022 г.), Индией и Китаем по озёрным экосистемам, а Мурманская область – по геоэкологии и ресурсному потенциалу Арктики. Эти центры играют роль связующего звена между федеральной наукой и международным сотрудничеством на уровне приграничных территорий.

Значительный вклад в развитие научной дипломатии в Арктике вносит университетское сообщество. Российские вузы выступают как центры академического влияния и межгосударственного научного диалога. Среди них выделяются МГУ М.В. Ломоносова и СПбГУ, обладающие устойчивыми международными связями и научными школами по географии, геоэкологии и региональному развитию Севера. Эти вузы участвуют в исследовательских консорциумах, публикуют материалы в международных изданиях и выступают базами для двустороннего научного обмена, включая взаимодействие с университетами Китая, Индии, Ирана и других стран Глобального Юга.

Существенное значение приобретают вузы, расположенные в арктическом регионе. САФУ им. М.В. Ломоносова, СВФУ им. М.К. Аммосова, МАУ, ПетрГУ и ТюмГУ реализуют крупные междисциплинарные программы в сотрудничестве с российскими и зарубежными партнёрами. Эти вузы участвуют в проектах мониторинга вечной мерзлоты, изменения климата, устойчивого развития и адаптации коренных малочисленных народов Севера.

Кроме этого российские вузы выстраивают активные партнёрства с азиатскими университетами. Так, САФУ им. М.В. Ломоносова в 2023 году заключил соглашение с Юйлинским университетом КНР о запуске программ двойных дипломов и академических обменов. Центр морских исследований МГУ им. М.В. Ломоносова представил на встрече в Харбине цифровые платформы по мониторингу арктических экосистем, а СПбГУ и ПетрГУ активно расширяют каналы академической мобильности в рамках БРИКС.

Ярким примером академической дипломатии служит проект «Арктический плавучий универ-

ситет», координируемый САФУ им. М.В. Ломоносова при поддержке Росгидромета и Русского географического общества (РГО). В экспедициях регулярно принимают участие студенты и молодые учёные из стран-партнёров России, включая представителей Китая, Индии и стран БРИКС. Университеты также вовлечены в работу сетевых международных объединений, таких как University of the Arctic (объединяет вузы и НИИ, работающие в области образования и исследований в Арктическом регионе), и формируют площадки для научной мобильности и культурного обмена в условиях ограниченного межгосударственного диалога. Логично, что Росгидромет играет ключевую роль в климатическом мониторинге, участвует в проектах Всемирной метеорологической организации и развивает научную инфраструктуру (включая дрейфующие станции «Северный полюс»).

Общественные организации, такие как РГО и Ассоциация полярников, способствуют международному диалогу через экспедиции, семинары и форумы.

В совокупности описанный ландшафт взаимосвязей образует устойчивую архитектуру российской научной дипломатии в Арктике, которая обеспечивает относительную устойчивость и гибкость научного взаимодействия в условиях внешнеполитических ограничений. В то же время, ограничение взаимодействия с традиционными западными партнёрами актуализирует необходимость выстраивания новых траекторий сотрудничества.

Именно в этом контексте последние годы происходит развитие связей с открытыми к взаи-

Information (RCSI), which has continued its mission as one of the key drivers of Russian scientific diplomacy.

Throughout its existence, the RFBR funded over 400,000 scientific projects with a total budget exceeding 150 billion rubles, including a significant portfolio dedicated to Arctic research. Between 2013 and 2020 alone, over 2.7 billion rubles were allocated to Arctic-focused initiatives. These resources facilitated a broad spectrum of research – from fundamental climate studies to applied technological development for the Far North. Supported by the RFBR, researchers carried out monitoring of global climate change in the Arctic, studied environmental contamination, and developed safe technologies for resource exploration. Particularly notable were collaborative studies on Arctic ice and permafrost degradation, including joint efforts with Chinese scientists – research that is critical for understanding global climate dynamics. Other projects focused on technological resilience in extreme conditions, such as the development of materials and systems capable of withstanding Arctic cold, persistent ice, and drifting pack formations.

The contribution of the RFBR (now RCSI) to establishing international scientific cooperation on Arctic issues is particularly noteworthy. The Foundation has traditionally acted as an initiator and sponsor of both bilateral and multilateral research in partnership with foreign institutions. Over the past decade, 18 major scientific projects were funded jointly with the Academy of Finland under the RFBR's support, while several initiatives were implemented with the Research Council of Norway focusing on climate monitoring, ice melt, and greenhouse gas emissions. Additionally, the RFBR represented Russia in major international programs – for instance, within the Belmont Forum, the Foundation co-organized two Arctic-focused calls, resulting in support for nine significant international Arctic research projects.

Today, RCSI continues to uphold this tradition of scientific diplomacy by integrating Russian research into global cooperative frameworks and expanding its network of international contacts. The Centre regularly hosts international events on Arctic issues, including an annual conference co-organized with the Arbatov U.S. and Canada Institute RAS and the Institute of Europe RAS. One promising initiative is Russia's preparations to participate in the International Polar Year 2032–2033 – a landmark global scientific endeavor held once every few decades. Russia is planning a substantial contribution through new expeditions aboard state-of-the-art icebreakers and the establishment of polar stations for international collaboration.

Russian Arctic scientific diplomacy is supported by a complex yet coordinated architecture of institutions driving international engagement in the Far North. Ministries, research foundations, academic institutes, universities, and civil society organizations all contribute to this agenda through research, knowledge exchange, and partnerships.

Following the reorganization of the RFBR, the Russian Science Foundation (RSF) has assumed a more prominent role, focusing on sustainable development and climate-related projects. Its international activities now emphasize cooperation with BRICS countries and China. In 2023, joint funding initiatives with India were launched in engineering and applied sciences, in addition to a parallel effort with China targeting permafrost and marine logistics in Arctic region.

The academic sector forms the backbone of Russian Arctic science. The Russian Academy of Sciences (RAS) sets strategic priorities, while its institutes deliver both applied and fundamentals research. Key contributors include the Institute of Geography RAS, the Shirshov Institute of Oceanology RAS, the Water Problems Institute RAS, Institute of the Earth's Cryosphere SB RAS, and the Arctic and Antarctic Research

Russian Arctic scientific diplomacy is supported by a complex yet coordinated architecture of institutions driving international engagement in the Far North.

Institute under Federal Service for Hydrometeorology and Environmental Monitoring of the Russian Federation. Collaborative efforts between RAS and the Chinese Academy of Sciences, particularly in permafrost monitoring, exemplify effective diplomacy beyond Western channels.

Regional RAS centers such as the Karelian and Kola Science Centers are also active in transboundary and climate research. Karelia coordinates projects with Finland (prior to 2022), India, and China on lake ecosystems, while the Murmansk region focuses on geoecology and Arctic resource potential. These centers serve as vital connectors between federal science and international cooperation in border regions.

Universities contribute significantly to Arctic scientific diplomacy. Leading Russian universities such as Lomonosov Moscow State University and Saint Petersburg State University act as hubs of academic influence and international dialogue. With strong global ties and expertise in geography, geoecology, and regional development of the North, they participate in research consortia, publish in international journals, and host bilateral exchanges with institutions from China, India, Iran, and other Global South nations.

Arctic-region universities are equally important. Northern (Arctic) Federal University, North-Eastern Federal University, Murmansk Arctic University, Petrozavodsk State University, and Tyumen State University lead large interdisciplinary programs in collaboration with Russian and foreign partners. Their work spans permafrost monitoring, climate change, sustainable development, and the adaptation of Indigenous peoples of the North.

These institutions are actively building partnerships with Asian universities. In 2023, Northern (Arctic) Federal University signed an agreement with Yulin University in China to establish dual-degree programs and academic exchanges. Moscow State University's Marine Research Center presented digital platforms for Arctic ecosystem monitoring in Harbin, while Saint Petersburg State University and Petrozavodsk State University are expanding academic mobility within BRICS frameworks.

A striking example of academic diplomacy is the "Arctic Floating University" project, coordinated by Northern (Arctic) Federal University with support from Russian Hydrometeorological Service and the Russian Geographical Society (RGS). The expeditions regularly include students and young scientists from Russia's partner countries, including China, India, and other BRICS members. Universities also participate in international networks such as the University of the Arctic, fostering academic mobility and cultural exchange even amid geopolitical constraints. Russian Hydrometeorological Service plays a crucial role in climate monitoring, contributes to projects of the World Meteorological Organization, and develops scientific infrastructure, including drifting stations like "North Pole."

Public organizations such as the RGS and the Association of Polar Explorers enhance international dialogue through expeditions, seminars, and forums.

Together, these actors form a resilient architecture of Russian scientific diplomacy in the Arctic, one that ensures a degree of continuity and adaptability in the face of external political pressures. At the same time, the restriction of traditional cooperation with Western institutions underscores the need to establish new avenues of collaboration.

In this context, recent years have seen the strengthening of ties with BRICS and the broader Global South. Scientific cooperation is not only continuing but steadily expanding. Such partnerships are a logical extension of the existing framework and reflect a shift toward a more global and decentralized model of Arctic scientific diplomacy.

модействию странами БРИКС и Глобального Юга в целом, с которыми научная кооперация не только продолжается, но и поступательно наращивается. Расширение таких партнёрств становится логичным продолжением уже сложившейся архитектуры и отражает переход к более глобальной и децентрализованной модели научной дипломатии в Арктике.

Китай выступает не только в роли научного партнёра, но и инициатора долгосрочных проектов: например, в рамках Полярного шёлкового пути развиваются совместные программы мониторинга ледовых условий, изучения вечной мерзлоты и экологической безопасности. Создание в 2019 году российско-китайского центра арктических исследований стало важным институциональным шагом в этом направлении.

Сотрудничество с китайскими партнёрами приобрело устойчивый формат в рамках регулярных Российско-китайских академических встреч. Последняя встреча 2 июня 2025 года в СПбГУ, стала площадкой для проработки новых горизонтов двустороннего взаимодействия. Среди ключевых тем – фототрофная

China, in particular, is not only a research partner but also an initiator of long-term projects. Under the Polar Silk Road initiative, joint programs have been launched to study ice conditions, permafrost, and environmental safety. The establishment of a Sino-Russian Arctic Research Center in 2019 marked a major step in institutional cooperation.

These partnerships have evolved into a stable format through regular academic meetings between Russia and China. The latest session, held on June 2, 2025, at Saint Petersburg State University, focused on phototrophic biota in the Arctic macroregion and institutionalizing university-level dialogue. The previous meeting in Qingdao in October 2024 addressed climate risks and logistics along the Northern Sea Route, demonstrating a commitment to linking science and economics.

India has shown increasing interest in the Arctic, particularly in climate research and maritime logistics. Its national Arctic strategy prioritizes scientific ties with Russia. Regular expert-level consultations are underway, and Indian researchers participate in forums and Arctic seminars hosted by Russian universities and foundations.

Other BRICS members, including Brazil and South Africa, are involved in projects related to climate change and global ocean circulation, where Arctic data plays a critical role.

BRICS countries are emerging as an alternative platform for scientific cooperation in polar regions. This trend was particularly evident at the June 2024 meeting of the BRICS Working Group on Ocean and Polar Cooperation in Murmansk. The event gathered over 50 experts from BRICS nations, Iran, and the UAE. A major initiative proposed at the meeting was the creation of a BRICS Scientific Centre on the Spitsbergen Archipelago – a hub for scientific autonomy and multinational expeditions. This development symbolizes Russia's pivot from Atlantic-centric models toward more global and decentralized trajectories in Arctic science and diplomacy. ■

биота арктического макрорегиона и институционализация диалога между университетами. Предшествующая встреча в Циндао в октябре 2024 года затрагивала вопросы климатических рисков и логистики Северного морского пути, демонстрируя стремление к многоуровневому сопряжению науки и экономики.

Индия проявляет растущий интерес к Арктике, в том числе в контексте климатических исследований и морской логистики. Её национальная арктическая стратегия подчёркивает приоритет развития научных связей с Россией. На экспертном уровне уже проходят регулярные консультации, включая участие индийских исследователей в форумах и арктических семинарах, в том числе организованных российскими университетами и научными фондами.

Среди других участников БРИКС, Бразилия и ЮАР включены в проекты, связанные с изменением климата и глобальной циркуляцией океанических течений, где арктические данные играют критически важную роль.

Страны БРИКС формируют альтернативную платформу для научной кооперации в полярных регионах, что особенно проявилось в июне

2024 года на заседании Рабочей группы БРИКС по сотрудничеству в океанической и полярной зонах, прошедшем в Мурманске. В мероприятии участвовали более 50 экспертов из стран БРИКС, Ирана и ОАЭ. Одной из ключевых инициатив стало предложение о создании Научного центра БРИКС на архипелаге Шпицберген — как полюса научной автономии и площадки для международных экспедиций. Это событие символизирует политико-научный сдвиг нашей страны от североатлантических моделей к более глобальным и децентрализованным траекториям. ■

САМЫЙ МНОГОПРОФИЛЬНЫЙ ВУЗ СТРАНЫ

РУДН

750

образовательных
программ

>160

стран, из которых
приезжают студенты

176

совместных
образовательных
программ с вузами

>200

научно-учебных
лабораторий

14

языков мира

РУДН В ЧИСЛЕ ЛУЧШИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ МИРОВОГО УРОВНЯ

6 факультетов

9 институтов

Академия

Высшая школа

+7 (495) 787-38-27

priem@rudn.ru

117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА

3 место среди вузов РФ

Международный рейтинг университетов
QS World University Rankings 2025

топ-10 среди вузов РФ

направление «Экономика и эконометрика» –
Предметный рейтинг QS WUR by Subject 2024

316 место в мире

Международный рейтинг университетов
QS World University Rankings 2025

47 место

Международный рейтинг университетов
QS 2024 направление «Современные языки»

топ-100 по репутации

среди работодателей, направления
«Экономика» и «Бизнес и менеджмент» –
Предметный рейтинг QS WUR by Subject 2024

202 место в мире

направление «Социальные науки
и менеджмент» – Предметный рейтинг
QS WUR by Subject 2024

международные научные школы

научные и исследовательские центры

бакалавриат

специалитет

МБА

магистратура

аспирантура

Ресурсы
экономического
факультета

Центр
Стратегических
Исследований

ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОЦЕНОК И ПРОГНОЗОВ
АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

WWW.CSEF.RU

Центр стратегических оценок и прогнозов является российской неправительственной организацией – исследовательским центром в области внешней политики и политики безопасности.

Центром подготовлено значительное количество аналитических докладов и статей по вопросам компетенции, поддерживаются связи со специалистами и организациями в странах СНГ (Армения, Белоруссия, Узбекистан, Киргизия).

Для студентов и молодых ученых Центром учреждена премия в области геополитики и военной науки им. А.Е. Снесарева

WWW.CSEF.RU